

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал
2021 год Том 14 Выпуск 4

Учредитель и издатель
Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова,
г. Новочеркасск, Россия

Главный редактор
Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ №ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

В номере:
Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067

Ответственный секретарь
И. И. Сальникова

Верстка и редакция
В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя
346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Подписано в печать 20.08.2021 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Московский государственный социальный университет, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвиоров Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стуглинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2021 год Том 14 Выпуск 4

Содержание	Contents
Теоретическая и прикладная социология	Theoretical and Applied Sociology
Гурба В. Н. Терроризм в российском региональном пространстве: особенности восприятия и оценки в региональном социуме.....6	Gurba V. N. Terrorism in the Russian Regional Space: Peculiarities of Perception and Evaluation in the Regional Society.....6
Болозин А. А. Готовность и ресурсные возможности молодежи к участию в массовой спортивной деятельности.....17	Bolozin A. A. Readiness and Resource Capacity of Young People to Participate in Mass Sports Activities.....17
Дятлов А. В., Ковалев В. В., Асланов Я. А. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления.....23	Dyatlov A. V., Kovalev V. V., Aslanov Ya. A. Methodological Construct of the Study of Managerial Tools for Ensuring the Effectiveness of Municipal Management.....23
Загороднюк Е. В., Иваненко Н. С. Функциональная неграмотность: акторы высшего образования, риски образовательной и профессиональной некомпетентности.....36	Zagorodnyuk E. V., Ivanenko N. S. Functional Illiteracy: Actors of Higher Education, Risks of Educational and Professional Incompetence.....36
Залевская А. А. Профессионально-квалификационный потенциал молодежи Ростовской области в оценках работодателей (по материалам экспертного опроса).....45	Zalevskaya A. A. Professional and Qualification Potential of the Youth of the Rostov Region in the Assessments of Employers (Based on the Materials of an Expert Survey).....45

Зарбалиев В. З. Формальные и неформальные здоровьесберегающие практики в современных условиях.....53	Zarbaliev V. Z. Formal and Informal Health-Saving Practices in the Modern Conditions.....53
Литвиненко Е. Ю., Гринберг Г. П. Роль музеев в современном обществе: институциональная парадигма.....57	Litvinenko E. Yu., Grinberg G. P. The Role of Museums in Modern Society: the Institutional Paradigm.....57
Мирошниченко Н. Ф. Особенности защиты прав потребителей при дистанционной покупке лекарственных средств.....66	Miroshnichenko N. F. Features of Consumer Rights Protection in Remote Purchase of Medicines.....66
Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Писаревский В. Г., Рязанцев В. И. Цифровизация в малом городе: религиозность как фактор влияния?.....73	Ryazantsev I. P., Podlesnaya M. A., Pisarevsky V. G., Ryazantsev V. I. Digitalization in a Small Town: Religiosity as a Factor of Influence?.....73
Саидова Л. И. Экологический туризм и его ресурсный потенциал в социализации цифровой молодежи.....93	Saidova L. I. Ecological Tourism and Its Resource Potential in the Socialization of Digital Youth.....93

Экономика и управление

Economics and Managment

Гарькуша В. Н., Черноусова С. А., Сальникова И. И. Стратегическое управление развитием предприятия: этапы и их последовательность.....102	Garkusha V. N., Chernousova S. A., Salnikova I. I. Strategic Management of Enterprise Development: Stages and Their Sequence.....102
Гризовская Д. В. Инструменты регулирования международной трудовой миграции в экономике региона: возможности использования зарубежного опыта (на примере Финляндии).....112	Grizovskaya D. V. Instruments for Regulating International Labor Migration in the Regional Economy: Opportunities to Use Foreign Experience (on the Example of Finland).....112
Ишемгулов И. Н. Корреляционно-регрессионный анализ исламских финансов.....124	Ishemgulov I. N. Correlation and Regression Analysis of Islamic Finance.....124
Напхоненко Н. В., Караева М. Р., Новикова Н. Б. Оперативное планирование работы терминальных систем: проблемы и решения.....133	Napkhonenko N. V., Karayeva M. R., Novikova N. B. Operational Planning of Terminal Systems: Problems and Solutions.....133

Овчинникова Н. Г., Алиева Н. В.
Организация рационального
использования территории посредством
градостроительного зонирования.....144

**Пахомова А. А., Халас Ш.,
Нардина А. А.**
Разработка метода оценки изменения
человеческого капитала в результате
процессов NBIC-конвергенции и
применения системной парадигмы.....151

**Плеханова Т. Г., Жукова И. Б.,
Плеханова Е. В.**
Использование эконометрических
моделей для прогнозирования
демографической ситуации в РФ.....164

Рожков Е. В.
Внедрение цифровых технологий
на региональном уровне.....172

Савчук В. Ф., Романенко Е. В.
Организационно-экономические основы
контроллинга как метода регулирования
природопользования.....181

**Фраймович Д. Ю., Власенко К. А.,
Усова А. И.**
Влияние цифровой трансформации на
инновационное развитие промышленных
предприятий.....188

Чубаева Н. Н., Попкова Е. Г.
Тенденции восстановления экономики
после пандемии с позиции
гуманизации.....195

Философская инноватика

Штофер Л. Л., Шевченко О. М.
Типология политических мифов:
социокультурные детерминанты
генезиса и распада.....206

Ovchinnikova N. G., Alieva N. V.
Organization of Rational Use
of the Territory Through
Urban Zoning.....144

**Pakhomova A. A., Halasz S.,
Nardina A. A.**
Development of a Method for Assessing
Changes in Human Capital as a Result
of Nbic Convergence Processes and
the Application of the System Paradigm.....151

**Plekhanova T. G., Zhukova I. B.,
Plekhanova E. V.**
Using Econometric Models
to Predict the Demographic Situation
in the Russian Federation.....164

Rozhkov E. V.
Digital Adoption
at the Regional Level.....172

Savchuk V. F., Romanenko E. V.
Organizational and Economic Bases of
Controlling as a Method of Environmental
Management Regulation.....181

**Fraimovich D. Yu., Vlasenko K. A.,
Usova A. I.**
The Impact of Digital Transformation
on the Innovative Development
of Industrial Enterprises.....188

Chubaeva N. N., Popkova E. G.
Trends in Economic Recovery
After the Pandemic From the Perspective
of Humanization.....195

Philosophical Innovation

Shtofer L. L., Shevchenko O. M.
Typology of Political Myths:
Sociocultural Determinants of
Genesis and Decay.....206

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-4-6-16

ТЕРРОРИЗМ В РОССИЙСКОМ РЕГИОНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ В РЕГИОНАЛЬНОМ СОЦИУМЕ

© 2021 г. В. Н. Гурба

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью представленной статьи является социологический анализ терроризма в российском региональном пространстве через осмысление особенностей восприятия и оценки данного социально-политического и социально-психологического феномена на уровне общественных настроений регионального социума.

Методология исследования является выбором субъектно-субъектной парадигмы, восходящей к теориям общества риска, массовых движений, трансформации в региональном пространстве, что содержит возможность интегрировать субъектно-деятельностные, институциональные и структурно-организационные параметры для выработки многомерной модели исследования. При этом автор исследования опирается на работы М. К. Горшкова, Н. Н. Гусева, С. А. Кравченко.

Полученные результаты исследования содержат основополагающий момент необходимости общественной дискуссии относительно «природы и вектора терроризма» в региональном пространстве. С включением данного механизма, согласно позиции автора статьи, региональный социум обретает состояние позитивной мобилизованности, ограничивающей отношение к терроризму как экстремальному явлению и ориентированности на практическую помощь населения властным и специализированным структурам в нейтрализации рисков терроризма. Автор статьи полагает, что региональный социум испытывает потребность во влиянии на реальные дела и реальное решение региональных проблем, что означает понимание терроризма как социально негативного явления, которое является затратным, требует отвлечения средств от необходимых региональных проектов. Соответственно, формирование в региональном социуме культуры интолерантности (нетерпимости к терроризму) является барьером на пути пропаганды и распространения террористической активности.

Ключевые слова: региональное пространство; региональный социум; терроризм; террористическая активность; властные институты; культура интолерантности.

**TERRORISM IN THE RUSSIAN REGIONAL SPACE:
PECULIARITIES OF PERCEPTION AND EVALUATION
IN THE REGIONAL SOCIETY**

© 2021 V. N. Gurba

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the article is a sociological analysis of terrorism in the Russian regional space through understanding the peculiarities of perception and evaluation of this socio-political and socio-psychological phenomenon at the level of public sentiment of the regional society.

The research methodology is the choice of a subject-subject paradigm that goes back to the theories of risk society, mass movements, transformation in the regional space, which makes it possible to integrate subject-activity, institutional and structural-organizational parameters to develop a multidimensional research model. At the same time, the author of the study relies on the works of M. K. Gorshkov, N. N. Gusev, S. A. Kravchenko.

The results of the study contain a fundamental point of the need for public discussion regarding the «nature and vector of terrorism» in the regional space. With the inclusion of this mechanism, according to the position of the author of the article, the regional society acquires a state of positive mobilization, limiting the attitude to terrorism as an extreme phenomenon and focusing on the practical assistance of the population to the authorities and specialized structures in neutralizing the risks of terrorism. The author of the article believes that the regional society feels the need to influence real affairs and the real solution of regional problems, which means understanding terrorism as a socially negative phenomenon that is costly, requires diverting funds from the necessary regional projects. Accordingly, the formation of a culture of intolerance (intolerance to terrorism) in the regional society is a barrier to the propaganda and dissemination of terrorist activity.

Key words: regional space; regional society; terrorism; terrorist activity; power institutions; culture of tolerance.

Постановка проблемы. В контексте происходящих процессов консолидации регионального пространства в российском обществе, что имеет актуальное социально-политическое значение, внутренние и внешние вызовы развитию страны являются долгосрочными, поскольку современный мир характеризуется высокой степенью социальной турбулентности и социальной неопределенностью. Действовать по правилу «абсолютной эксклюзии, замкнутости» является явно неосуществимым, затратным, вносящим в общественную жизнь социальную напряженность.

Вероятно, поэтому в региональной политике российского государства доминирующим становится тренд оптимизации, основанный на стратегии поддержки реги-

онов в обеспечении устойчивого развития, но, с другой стороны, сохраняющий ставку на баланс централизации и децентрализации межрегиональных отношений с целью рационального использования финансовых, организационных, политико-правовых ресурсов. Вышесказанное относится к рискам терроризма как системного социально-политического, социально-психологического и геополитического характера явления, оказывающего деструктивное влияние на различные аспекты общественной жизни и общественных настроений в региональном пространстве [3].

Исходя из того, что терроризм стал «константой» современного общественно-го развития и приобрел глобальную направленность, есть необходимость анализа ре-

гиональных различий восприятия и оценки терроризма в региональном социуме. Это актуально в связи с тем, что, во-первых, терроризм с признанием высокой степени риска для общественно-политического и социально-психологического состояния общества различается по степени «инфильтрации», воздействия на общественные настроения деструктивных эффектов для системы региональной безопасности. Не отрицая того, что борьба и профилактика терроризма требует интегрированных усилий в контексте взаимодействий федерального центра и регионов, соглашаясь с тем, что необходимо основываться на политико-правовых, оперативных, информационных стандартах нейтрализации террористических угроз и рисков в рамках концентрации ресурсов, достижения эффективных результатов и социального мониторинга, можно сказать, что введение критерия особенности восприятия терроризма в региональном социуме является очевидным и обоснованным.

Вероятно, анализ терроризма как явления становится неполным, если не принимать во внимание вроде бы знакомую, но часто не воспринимаемую как имеющую глубокий смысл для понимания государственно-политического и общественно-политического устройства России реальность. Следует подчеркнуть, что вопросы обсуждения регионального и межрегионального устройства России в настоящий момент закрыты и, не будучи ориентированными на создание единого политико-правового пространства, выстраивание иерархии региональных и межрегиональных отношений, а также нейтрализацию рисков регионального сепаратизма, обретают качественно новое звучание, что соответствует изменениям в региональном пространстве и региональной политике.

Риски терроризма воспроизводятся в современных условиях в силу совокупности внешних и внутренних факторов, о чем свидетельствует наблюдаемая напряженность на границах постсоветского пространства, связанная с дестабилизацией ситуации в Афганистане, Нагорном Карабахе, что имеет последствием рост неконтролируемой миграции и соответствующим образом, как показывает опыт, интенсивность проникновения в Россию радикальных ислам-

ских элементов, которые хотя и потерпели поражение в проекте «ИГ», нацелены на Россию как площадку не только для повторения попытки перестройки современного мира, но и для того, чтобы используя сложную региональную мозаику и неурегулированность «тлеющих» этнорегиональных конфликтов, социально-ресурсных различий, социально-демографической ситуации, а также этноконфессиональных и этнокультурных «сбоев», попытаться реализовать наступление эпохи «терроризма и хаоса».

Поэтому изучение в социологическом срезе терроризма включает региональный аспект, необходимый в контекстуальном смысле как понимание многомерности терроризма как явления, а в социально-практическом — диагноз настроений регионального социума, дающий размышления для возможностей реализации антитеррористической политики на современном этапе.

Методология исследования. Исходя из того, что социологический анализ терроризма имеет различные отправные точки зрения, важным является то, что изучение терроризма в социологическом аспекте является относительно новой традицией отечественной и зарубежной социологической мысли. Здесь следует принимать во внимание, что хотя терроризм как социально-политическое и социально-идейное явление имеет солидный исторический «бэкграунд», реально он обретает влияние и известность в XX–XXI вв., становится глобальным и прочно входит в дискурс современной социологии. В этом смысле действует непрерывная социологическая артикуляция, включающая подходы неклассической и постклассической социологии. Российский исследователь Н. Н. Гусев обращает внимание на понимание социальной детерминации терроризма в методологических установках бихевиоризма, подчеркивая, что формула «стимул-реакция», характерная для концепции бихевиоризма, позволяет выделить основные причины терроризма и видеть в нем реакцию на социальную среду, в то же время нельзя описывать методологический выбор в пользу бихевиоризма как безупречный [11]. Дело в том, что бихевиористская концепция, и это признавал ее основной фун-

датор Скиннер, является интересной в контексте исследования феноменов массового социального поведения и перевода социально-психологических констант на «язык» социологии, но содержит упрощенные для социального диагноза терроризма результаты. Современный терроризм нельзя описывать как реактивный, так как инициаторами террористических движений являются не массы, движимые социальными инстинктами, а выходцы из обеспеченных, образованных слоев общества, как свидетельствует история «Аль-Каиды». Также вызывающим возражения можно назвать редуцирование терроризма к совокупности стимулов, так как истоки зарождения и развития терроризма определяются овердетерминантами, факторами, имеющими внутреннее экзогенное значение. Терроризм в Северной Ирландии, на Шри-Ланке, на Балканах имеет социокультурные и социально-политические различия, но характеризуется воздействием внутренних культурно-исторических факторов. Когда говорят о перспективах недопустимости «ревизионизма» на Балканах, объективно отчуждаются от того факта, что этнические конфликты связаны с тем, что к жизни были вызваны «спящие» этнические, этноконфессиональные риски, которые сформировались еще в далеком прошлом балканских народов.

Поэтому методология исследования, принимая во внимание результаты, которые можно сформировать как предварительные подходы к анализу терроризма, требует в целях не криминализации и стигматизации терроризма, что создавало бы нестабильный социальный фон и приводило к неконтролируемости террористической деятельности, сделать акцент на субъектно-субъектной парадигме, рассматривать терроризм с точки зрения субъекта террористической активности, включающей уровень общественных движений. В современных условиях массовые движения становятся основными субъектами общественных изменений, и в этом смысле терроризм может рассматриваться как субъект изменений, преследующий деформированные, ложные, мифологизированные цели, создающие общий контур действий в рамках конструирования картины «плохого мира», который должен быть

низвергнут массами, возглавляемыми террористическими «пророками».

С позиций неклассической социологии важно выявить механизмы формирования субъектов терроризма, рассматривать терроризм в рамках анализа «террористического потенциала» общества в целом и социальной адресатности терроризма. Очевидно, что терроризм терпит поражение, как это произошло в Северной Ирландии и Стране Басков в середине XX века, когда теряет массовую поддержку, оценивается как бесперспективный для общественного развития путь, приносит страдания в жизнь многих людей.

В этом смысле исследование терроризма предполагает в рамках субъектно-субъектной парадигмы выявление структурно-организационных, функциональных и деятельности параметров, содержащих возможности социологического портрета субъектов террористической деятельности. Это соответствует тому факту, что внешне терроризм может быть социально не адресатен, иметь иррациональное стремление посеять страх и ужас в обществе. Однако, системный анализ выявляет как тренд нацеленность на совершение террористических действий в соответствии с реализацией программных позиций террористических организаций. Если обратиться к современной истории «распада и войны» в Сирии, становится ясным, что терроризм стал определять жизнь общества, так как трагическому периоду для населения Ближнего Востока (Сирия, Ирак) предшествовала целенаправленная деятельность субъектов террора, которые сформировали проект «ИГ», опорной базы террора в регионе и, как показали последующие события на европейском континенте, используя эффект, так называемой «арабской весны», приведшей независимо от желания ее участников не к обществу «свободы и демократии», а утрате территориальной целостности государств, росту насилия, возрождения средневековых псевдорелигиозных традиций, а также стремлению «вернуться к эпохе шариата» в борьбе с «отступниками», будь то националисты, либералы или консерваторы.

Вышесказанное приводит к выводу, что методологический выбор, признавая важность достигнутых результатов в концептах бихевиоризма, структурно-функционального

анализа, теории стигматизации, определяется применением принципов субъектно-субъектного подхода.

Вероятно, следует обратить внимание, что теория стигматизации, описываемая в зарубежной социологической мысли в 1950-е гг., «всплыла» вновь в XXI веке. Это связано с тем, что наблюдается рост в европейском пространстве страхов, порождаемых не столько интенсификацией миграционных потоков, сколько теми «неизвестностями», которые определяются связкой «ислам-терроризм». Разумеется, в общественно-политическом дискурсе данное обсуждение исключается в рамках борьбы с ксенофобией, этнорасизмом. Но примечательная вещь состоит в том, что для общественного мнения и общественного восприятия, как отмечал журнал «News week» в 2005 году, в Европе стали «бояться сильнее» мусульман не в последнюю очередь из-за волны терроризма.

В России теория стигматизации терроризма не является востребованной ни на общероссийском, ни на региональном уровнях. Не исключая допущения, что «стигма» может использоваться как модель восприятия и оценки в региональном социуме конкретными слоями и группами, у которых терроризм ассоциируется с определенными конфессиональными или этническими моментами, следует подчеркнуть, что исследование терроризма в российском региональном пространстве имеет перспективные результаты в диагнозе терроризма как социокультурного и социально-политического феномена в измерении структурно-функциональных, институциональных и субъектно-деятельностных параметров [1]. По существу, востребована многомерная модель, актуализирующая схемы классической, неклассической и неоклассической социологии. Это важно в том смысле, что во имя избежания методологического эклектизма выстраивается иерархия процедур, определяемых как доминирование субъектно-субъектной парадигмы, как показали исследования российских авторов школы М. К. Горшкова.

По крайней мере, потеряла новизну и оказалась ограниченной в понимании терроризма в региональном пространстве конструктивистская схема, от которой постепенно, хотя и негласно, отказываются исследователи

терроризма. Это очевидно и в связи с тем, что, как показали исследования ростовских социологов во главе с Ю. Г. Волковым, в современной научной литературе требуется рассматривать региональный социум в контексте процессов интеграции и дезинтеграции, глобализации и локализации, централизации и децентрализации. Очевидно также, что требуется введение дискурса формальных и неформальных институциональных практик, которые демонстрируют восприятие и оценку терроризма в региональном социуме, как алгоритмы, насыщенные мифологизированными смыслами. Это выявляется в том, что терроризм нуждается в объективной оценке вне страхов и тревог, порождаемых массовым сознанием. Достичь данной позиции сложно, так как терроризм сопряжен и ассоциирован с «хоррором», чего, собственно, и добиваются идеологи терроризма.

Терроризм в региональном пространстве российского общества, безусловно, явление «молодое» и, в первую очередь, определяемое включением России в глобальное пространство, процессами постсоветского периода и внутренними вызовами, связанными с напряжениями в социальных, этнополитических, этнокультурных и, что не менее важно, межрегиональных и внутрирегиональных отношениях. Поэтому для методологии исследования терроризма в региональном пространстве российского общества определенным образом следует исходить из особенностей восприятия и оценки в региональном социуме. Действительно, если исследователь нацелен на диагностику терроризма и не ограничивается утверждением его «объективной природы» в современном мире, эпистемологически обоснованным является положение о том, что терроризм становится реальностью, когда по известной социологической формуле «явление становится реальным, если о нем думать, как о реальном». Реальные последствия влияния терроризма в региональном пространстве, очевидно, состоят в том, что, независимо от результатов террористических действий, восприятие и оценка в региональном социуме является базовой.

Материалы исследования. Российские социологи выпустили в 2015 г. фундамен-

тальный труд «Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства», что явилось безусловным исследовательским шагом к пониманию процессов дифференциации и интеграции социального пространства России с целью консолидации российского общества и повышения эффективности социального управления. На предшествующем этапе регионы рассматривались преимущественно в социально-экономическом и социально-политическом контекстах, особое внимание уделялось налаживанию устойчивых отношений между федеральным Центром и регионами, что было объяснимым в соответствии с преодолением рецидивов регионального сепаратизма и замкнутости, а также совершенствования хозяйственно-экономических и организационных механизмов взаимодействия на межрегиональном уровне. В нынешней ситуации, когда речь идет о вопросах модернизации региональных и внутрирегиональных отношений, о распределении сфер компетентности между федеральным Центром и регионами, актуальной становится совместная ответственность на региональном уровне обеспечения стратегий сохранения территориальной целостности и национальной безопасности [6].

В этой связи очевидным является анализ антитеррористического потенциала российских регионов, поскольку нейтрализация и борьба с террористическими угрозами смещается в региональное пространство, где вектор напряженности определяется и объективными показателями (уровень социальной напряженности в регионах, имеющий способность конвертироваться в открытые протестные действия и активизацию террористических групп, использующих недовольство и тревогу населения для дестабилизации общественно-политической ситуации). Субъективное измерение терроризма в региональном пространстве является недостаточно изученным, имеет основания как в «деликатности» опросов относительно угроз терроризма, так и в том, что терроризм «объективируется», то есть не определяются культурно-символические и социально-психологические основания терроризма и террористической деятельности.

Между тем, угрозы терроризма являются «константой» в общественных настроениях

россиян, имеют перспективу пространственного расширения, не ограничиваясь российскими мегаполисами или приграничными этнорегионами. На обыденном уровне терроризм может восприниматься как негативное, но имеющее место быть в локализованных пространствах явление. Однако, «терроризм как социокультурное явление прочно вошел в массовое сознание россиян», о чем свидетельствуют результаты социологического мониторинга последнего пятилетия посткризисного периода в современной российской истории. Хотя речь идет о внутренних и внешних угрозах, не определяемых в прямом смысле терроризмом, для россиян реальность некоторых событий, связанных с терроризмом (гражданская война, межэтнические и межконфессиональные конфликты), затрагивает социальное самочувствие трети респондентов [7].

На наш взгляд, можно проследить субъективные оценки, квалифицирующие терроризм в зависимости от информационной компетентности (осведомленности о характере, векторе и причинах терроризма в российском обществе) и тревог, вызванных рисками терроризма как снижения чувства социальной безопасности, социальной уверенности, социальной дезориентации. В этом смысле региональное пространство России дифференцировано: есть основания считать, что тревоги по поводу терроризма в большей степени испытывают жители российских мегаполисов, прошедшие через опыт террористических действий и регионов, где борьба с терроризмом становится, увы, обыденным явлением, опривычивается в массовом сознании.

Тем не менее, есть основания считать, что терроризм в региональном социуме стал «модальным» и рассматривается как социальная реальность, «спящая», «замороженная», но имеющая возможности «вырваться наружу», внести катастрофизм в настроения населения. Здесь важно учитывать в то же время, что россияне с историей, богатой самыми невероятными и непредсказуемыми событиями, относятся к терроризму несколько иначе, чем жители современной Европы, для которых терроризм является шоком в комфортной социальной и политической среде [3]. В региональном пространстве

российского общества терроризм воспринимается как внутренний вызов, который является относительно новым по сравнению с предшествующими угрозами общественной жизни, и его влияние воспринимается в более ограниченных масштабах, локализовано по сравнению с угрозами гражданской войны и распада страны.

Также следует подчеркнуть, что восприятие и оценка терроризма в региональном социуме основывается на субъективных показателях стабильности регионального пространства, поддержания стратегии устойчивого регионального развития и усиливается или имеет тенденцию к спаду в зависимости от доверия к деятельности властных, правоохранительных и специальных антитеррористических структур. Этот вывод подтверждается тем, что есть корреляция между уровнем доверия общественным и политическим институтам и оценкой реальности террористических угроз, притом неизменным в общерегиональных показателях является уровень доверия институту Президента России как гаранта общественной безопасности и стабильности, немаловажное значение имеет уровень доверия руководителю региона. Так, можно говорить о соотношении показателей доверия институту Президента и руководителю региона как главной «связке», ориентированной на реализацию стратегии борьбы с терроризмом в региональном пространстве [8].

Еще одной заметной тенденцией в нынешних условиях является спад «антимосковских» настроений. В начале 2000-х гг. отмечалось, что Москва в региональном пространстве воспринимается как город-антигерой [2]. Нестоличных россиян раздражала роскошь, непомерные затраты на городские проекты, несправедливый по сравнению с регионами уровень жизни. Как следствие, террористические акты на фоне московской жизни, разумеется, воспринимались как посягательства на национальную безопасность страны и вызывали комплекс повышенных ожиданий относительно более решительной и последовательной борьбы с терроризмом. Но можно отметить и другой момент: население испытывало «негативную» солидарность с жертвами терроризма, в массовых настроениях регионального социума

слабо прослеживалась консолидированная позиция, хотя радикальные оценки «так им и надо» можно считать маргинальными. Актуальным для данного момента являлся запрос на поддержку «общественников», осведомителей [9].

Имелось в виду, что террористическая среда обладает высокой степенью непроницаемости, является следствием неконтролируемой миграции, и в этом контексте терроризм в региональном пространстве стал восприниматься в рамках снижения потока внешних мигрантов, что особенно проявлялось в Сибири, на Дальнем Востоке, Северном Кавказе. Этот вывод подтверждается недавними исследованиями ростовских ученых в рамках реализованного проекта о возможностях имплементации зарубежного опыта, где делается вывод о том, что в региональном пространстве важным моментом для нейтрализации настроений катастрофизма по поводу терроризма является общественное обсуждение ситуации в сфере межэтнических проблем (средний показатель — 21,2%) [4]. Это, на наш взгляд, связано с тем, что в региональном социуме террористические угрозы ассоциируются с напряженностью в межэтнических отношениях, что терроризм воспринимается как этноориентированный, связанный с восприимчивостью определенных этнических групп к принятию идеологии радикализма, содержащего легитимацию терроризма как действенного средства за восстановление справедливости в межэтнических отношениях.

Следует, правда, внести поправку, связанную с тем, что в региональном социуме, как подтверждают результаты социологического мониторинга, восприятие терроризма в массовом сознании понимается как внутренняя угроза, требующая социальной и межэтнической консолидации. Вместе с тем можно сделать вывод о том, что субъективный фактор имеет дифференцирующий характер, связанный с местом терроризма в иерархии страхов и тревог россиян. Отмечая, что терроризм является реальностью, определяемой общественными настроениями и общественным сознанием в региональном социуме, мы можем вывести следующую особенность российского регионального пространства: исследуемый

феномен маргинален, актуализируется или становится приоритетным, когда терроризм становится «актуальным событием» и уходит в тень или находится в «замороженном» состоянии в условиях перехода террористической активности в спящее состояние.

Это является достаточно противоречивым явлением, так как особенность терроризма в России состоит в стремлении наладить региональную инфраструктуру, действовать, опираясь на ресурсы поддержки и понимания отдельных групп регионального социума, обладающих высокой степенью восприимчивости к идеологии «восстановления справедливости», практикуемой деятелями террористических структур в России. Отмечая, что в массовом сознании позитивную роль играет феномен «российского» ислама, выражаемый в восприятии мусульман как соотечественников, как носителей российской многонациональной цивилизации [5], нельзя не пройти мимо тех упущений в организационной, информационной и культурно-воспитательной работе властных институтов на региональном уровне.

Общепризнанно, что формирование российского патриотизма как консолидирующего инструмента в борьбе с терроризмом требует системности, основанной на взаимодействии властных, общественных институтов и социально-активных групп населения регионального социума. Очевидно также, что «забвение» терроризма как социокультурной реальности общественного сознания приводит к тому, что, во-первых, противодействие терроризму переносится в сферу ответственности властных структур, и негативным последствием является индифферентность населения в привлечении к нейтрализации террористической пропаганды и активности. Во-вторых, в рамках исследуемого явления нельзя останавливаться на фиксировании спада или взлета тревог по отношению к терроризму. Оптимальным является выбор стратегии интолерантности к терроризму, ориентированности на недопустимость пропаганды и легитимации террористической деятельности в социальных сетях и контактах, перемена вектора в социальной мобильности регионального социума на восприятие терроризма не только экстремального явления по аналогу с со-

циальными и природными катастрофами, но в перспективе устойчивого социального развития регионов консолидированная позиция регионального социума по выработке общего контура действий и общих целей по отношению к образам и оценкам терроризма в общественных настроениях.

Заключение. Это означает, что, во-первых, есть необходимость преодолеть ситуацию «глухоты» и «немоты» в обсуждении терроризма, но через установление пропорций и пределов, не позволяющих перейти «красную черту» пропаганды терроризма, и разработать методику участия экспертов в сфере социогуманитарной мысли, вовлеченных в существо проблемы на региональном уровне в контексте ее общероссийской актуальности. Можно в таком случае говорить об уравновешенном внутренне мобилизованном состоянии российского общества, в том, что в контекстах повседневной жизни регионального социума восприятие терроризма требует признания угроз как рисков для всех групп населения, независимо от влияния социально-дифференцирующего фактора, отказ от переноса ответственности на массовые группы населения, которые уязвимы в силу использования общественной инфраструктуры (транспорт, торговые и развлекательные центры, уличное пространство).

Определяя феномен терроризма в социальных настроениях регионального социума, мы убеждаемся в том, что террор как фактор не имеет системного характера, а страхи и тревоги по поводу терроризма в региональном пространстве не институционализировались, они спонтанны. Но если использовать избранную субъектно-субъектную схему, становится ясным, и это логично в рамках предпринимаемого исследования, что анализ опросов общественного мнения по проблемам, которые ассоциируются с терроризмом, позволяют привести некоторые уточнения. Так, например, позицию, которую демонстрируют субъекты регионального социума по отношению к терроризму, изменяют в зависимости от «опыта переживания и оценки терроризма», от диспозиций в отношении того, что воспринимается как причина терроризма. И этот вывод является

вполне предсказуемым в контексте восприятия терроризма как внутренней угрозы, как того, что касается россиян в целом, вне зависимости от регионального фактора, места проживания.

Нельзя не учитывать, что российские регионы испытывают влияние глобализации и не только по геополитическим свойствам, по факторам пограничья. Формирование «спящих» ячеек терроризма в глубинных регионах России, но имеющих этнокультурные, мигрантские, конфессиональные особенности, свидетельствует о том, что восприятие терроризма не локализовано, что хотя и действуют штампы, что терроризм является «кавказским» или «столичным» явлением, в реальности настроения регионального социума определяются осознанием последствий терроризма на общероссийском и региональном уровнях. Очевидно, это понимается так, что стратегия поддержки развития регионов и, следовательно, реализация социально значимых региональных проектов встречает сложности, если наблюдается рост террористической активности, и, соответственно, расходов на обеспечение национальной безопасности.

Во-вторых, неудивительно, что терроризм является негативным в восприятии россиян и общественные настроения далеки от того, чтобы считать террористическую активность борьбой за восстановление социальной и исторической справедливости. В-третьих, учитывая, что терроризм посягает на сложившийся культурно-цивилизационный порядок, на отношениях взаимосотрудничества и понимания между конфессиями и этносами России, в региональном пространстве проявляется тенденция оценивать терроризм в контексте состояния российского общества. Сетевая активность в Интернете и протестные акции не имеют адресатом, как правило, усиление борьбы с терроризмом, и не оправдываются ожидания зарубежних экспертов, что Россию захлестнут катастрофические настроения по поводу угрозы терроризму. В российском региональном социуме восприятие терроризма, как отмечалось ранее, не ассоциируется с «шоком», проблема заключается в том, что в современных условиях важнейшим приоритетом регионального социума

является желание «разделить» проблемы терроризма как сферы компетентности властных структур и в этом значении поддерживать их деятельность и сосредоточиться на реальном решении реальных региональных проблем.

Можно сделать вывод о том, что особенность восприятия и оценки терроризма в региональном социуме отражает исторический опыт россиян, включающий готовность к «поворотам и неожиданностям» общественной жизни. Но одновременно проявляется ориентированность на общественно-политическую стабильность, на укрепление чувства уверенности в будущем, что терроризм не превратится в «демона» российского общества, который будет влиять на региональное пространство в рамках ограничения возможностей регионального развития и использоваться несистемными политическими силами для обвинений властных институтов в непрофессионализме, некомпетентности, недоверии со стороны регионального социума.

Литература

1. Горшков М. К. Есть такая профессия — общество изучать. — М.: Издательство АСТ, 2020. — 464 с.
2. Город-антигерой // Русский Newsweek. — 2008. — №33 (111). — С. 12–15.
3. Кравченко С. А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота / С. А. Кравченко. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 342 с.
4. Национальная политика в России: возможность имплементации зарубежного опыта: монография / отв. ред. Ю. Г. Волков. — М.: Социально-гуманитарные знания, 2016. — 422 с.
5. По-нашему, по-исламски // Русский Newsweek. — 2008. — №3 (81). — С. 42–46.
6. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В. В. Маркин. — М.: Новый Хронограф, 2015. — 621 с.
7. Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая / М. К. Горшков и др.; под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. — М.: Весь Мир, 2016 г. — 400 с.

8. Российское общество и вызовы времени. Книга вторая / М.К. Горшков и др.; отв. ред. М.К. Горшков, В.В. Петухов. — М.: Весь Мир, 2015. — 432 с.

9. Отзовитесь бомбисты // Русский Newsweek. — 2008. — №33 (111). — С. 22–25.

10. Страхи Европы // Русский Newsweek. — 2008. — №40 (212). — С. 31–36.

11. Бельский В.Ю., Бороздин А.Н., Гусев Н.Н., Сацута А.И. Терроризм в исторической ретроспективе и современных условиях. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. — 479 с.

References

1. Gorshkov M.K. Est' takaja professija — obshhestvo izuchat' [There is such a profession — to study society]. — Moscow: Izdatel'stvo AST, 2020. — 464 p.

2. Gorod-antigeroy [The anti-hero city] // Russkij Newsweek. — 2008. — №33 (111). — Pp. 12–15.

3. Kravchenko S.A. Sociologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vostrebovanost' gumanisticheskogo povorota [Sociological knowledge through the prism of the «arrow of time»: the relevance of the humanistic turn] / S.A. Kravchenko. — Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. — 342 p.

4. Nacional'naja politika v Rossii: vozmozhnost' implementacii zarubezhnogo opyta: monografija [National politics in Russia: the possibility of implementation of foreign experience: monograph] / otv. red. Ju. G. Volkov [in Yu. G. Volkov (eds.)]. — Moscow: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2016. — 422 p.

5. Po-nashemu, po-islamski [In our way, in Islamic] // Russkij Newsweek. — 2008. — №3 (81). — Pp. 42–46.

6. Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of the social space of Russia] / otv. red. V.V. Markin [in V.V. Markin (eds.)]. — Moscow: Novyj Hronograf, 2015. — 621 p.

7. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga chetvertaja [Russian society and the challenges of time. The fourth book] / M.K. Gorshkov i dr.; pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petuhova [M. K. Gorshkov et al.; in M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (eds.)]. — Moscow: Ves' Mir, 2016 g. — 400 p.

8. Rossijskoe obshhestvo i vyzovy vremeni. Kniga vtoraja [Russian society and the challenges of the time. The second book] / M.K. Gorshkov i dr.; otv. red. M.K. Gorshkov, V.V. Petuhov [M. K. Gorshkov et al.; in M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov (eds.)]. — Moscow: Ves' Mir, 2015. — 432 p.

9. Otvovites' bombisty [Respond to the bombers] // Russkij Newsweek. — 2008. — №33 (111). — Pp. 22–25.

10. Strahi Evropy [Fears of Europe] // Russkij Newsweek. — 2008. — №40 (212). — Pp. 31–36.

11. Bel'skij V. Ju., Borozdin A.N., Gusev N.N., Sacuta A.I. Terrorizm v istoricheskoy retrospektive i sovremennyh uslovijah [Terrorism in historical perspective and current conditions]. — Moscow: JuNITI-DANA, 2017. — 479 p.

Поступила в редакцию

12 апреля 2021 г.

Гурба Владимир Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заместитель полномочного представителя Президента РФ в ЮФО, заведующий кафедрой конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Gurba Vladimir Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Southern Federal District, Head of the Department of Conflictology and National Security of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160, оф. 303
160 Pushkinskaya st., of. 303, 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: social_rostov@mail.ru

УДК 316.42

10.17213/2075-2067-2021-4-17-22

ГОТОВНОСТЬ И РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В МАССОВОЙ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© 2021 г. А. А. Болозин

Астраханский государственный университет, г. Астрахань, Россия

Цель исследования состоит в том, чтобы рассмотреть возможности для занятий массовым спортом для российской молодежи в возрасте 21–30 лет. Речь идет, во-первых, об отношении молодежи как социальной группы к возможностям заниматься массовым спортом (ценности, потребности, интересы), и во-вторых, о соответствии между наличием устойчивых потребностей, отрефлексированных ценностей и выраженных интересов финансовым возможностям молодежи, необходимых для реализации вышеуказанных ценностей, потребностей и интересов в области массового спорта.

Методологической основой исследования является экспертный опрос, проведенный автором ($N = 90$) в трех субъектах федерации (Краснодарский край, Астраханская и Ростовская области) на основе авторской анкеты. В качестве экспертов выступили преподаватели физической культуры в вузах, тренеры спортивных школ, сотрудники профильных подразделений в системе государственного и муниципального управления по работе с молодежью.

Результаты исследования. Молодежь в возрасте 21–30 лет в основном обладает устойчивым отношением к массовому спорту как социальной ценности. В то же время проанализированные барьеры препятствуют молодежи стать участником спортивно-массовой деятельности, так как доступность к ней ограничена доминированием в этом сегменте платных услуг. В результате одна из наиболее активных социальных групп оказывается вовлеченной в массовый спорт в наименьшей степени, чем другие возрастные группы.

Перспективы дальнейших исследований автор видит в дальнейшей разработке теоретических, методологических и организационно-технологических проблем повышения доступности молодежи массового спорта.

Ключевые слова: социальная ценность; спортивная инфраструктура; мотив; молодежь; массовый спорт; доступность.

READINESS AND RESOURCE CAPACITY OF YOUNG PEOPLE TO PARTICIPATE IN MASS SPORTS ACTIVITIES

© 2021 А. А. Bolozin

Astrakhan State University, Astrakhan, Russia

The purpose of the study is to consider the opportunities for mass sports for Russian youth aged 21–30 years. It is, first, about the attitude of young people as a social group to the opportunities to engage in mass sports (values, needs, interests) and, secondly, about the correspondence between the presence of stable needs, reflected values and expressed interests to the financial capabilities

of young people necessary for the implementation of the above values, needs and interests in the field of mass sports.

The methodological basis of the study is an expert survey conducted by the author ($N = 90$) in three federal subjects (Krasnodar Territory, Astrakhan and Rostov regions) based on the author's questionnaire. As experts, teachers of physical culture in universities, coaches of sports schools, employees of specialized departments in the system of state and municipal administration for work with youth were interviewed.

The results of the study. Young people aged 21–30 years generally have a stable attitude to mass sports as a social value. At the same time, the analyzed barriers prevent young people from becoming a participant in mass sports activities, since access to it is limited by the dominance of paid services in this segment. As a result, one of the most active social groups is less involved in mass sports than other age groups.

The author sees the prospects for further research in the further development of theoretical, methodological, organizational and technological problems of increasing the accessibility of mass sports for young people.

Key words: social value; sports infrastructure; motive; youth; mass sports; accessibility.

Введение. Для сохранения и укрепления здоровья молодежи немаловажное значение имеют такие факторы, как разумное соотношение труда и отдыха, правильное питание, закаливание организма и физические упражнения. Особое значение среди вышеуказанных факторов имеет физическая активность [3]. Общеизвестным является тот факт, что любая форма двигательной активности благоприятно сказывается на состоянии здоровья, способствует физическому развитию, предоставляет массу возможностей для активного отдыха и является одним из главных компонентов здорового образа жизни. Необходимый уровень двигательной активности может быть достигнут посредством регулярных физических упражнений, в числе которых приоритетное значение следует отдать массовому спорту.

Следует определиться с тем, есть ли у российской молодежи потребность и заинтересованность заниматься массовым спортом (ценностная направленность на спорт, находящаяся в области обычной социальной повседневности) и есть ли у российской молодежи финансовая возможность заниматься массовым спортом (если спорт существует в качестве платной услуги).

Анализ молодёжи возрастной когорты 21–30 лет как субъекта массового спорта. Вне всякого сомнения, необходимо учиты-

вать тот факт, что «молодежь обладает различными социальными характеристиками, будучи дифференцированной по разнообразным критериям: возрастным, половым, поселенческим, этнокультурным, деятельностью. Сообразно этим критериям выделяют молодежь городскую и сельскую, учащуюся и работающую, имеющую собственный семейный статус или живущую в родительской семье и т.д.» [4, с. 265].

Интерес к молодежи и ее социальной роли сегодня существенно возрос, изучение вопросов, связанных так или иначе с молодежной группой, актуализировалось и активизировалось не только в России, но и в мире. В сложившейся современной российской реальности особое внимание привлекают проблемы, касающиеся развития жизненных сил, физического и социального здоровья молодежи.

Молодежь представляет собой социально-демографическую, гетерогенную по социальным признакам группу, и особое место в ее «социализации» занимает массовый спорт.

Так, В. Н. Архангельский и А. Е. Иванова отмечают, что в молодом возрасте происходит дальнейшее активное развитие основных физических качеств человека, формируется телосложение и другие важнейшие физические и физиологические параметры [1]. Именно в период молодости закладываются основы образа жизни человека, его отношения к себе, своему здоровью.

Далее необходимо рассмотреть все эти суждения в контексте отношения молодежи (возраст 21–30 лет) к массовому спорту. Следует начать с оценки степени вовлеченности молодых людей в спортивную деятельность. Согласно последнему в рамках заявленной проблемы изучению общественного мнения, проведенному ВЦИОМ 23–24 апреля 2017 года [2], массовым спортом (сюда также включается физическая культура) занимается 76% населения. Цифра достаточно весомая. Правда, при уточняющих вопросах, например, о регулярности занятий спортом, она снизилась до 23%, что более чем в три раза ниже изначально полученной. Можно предположить, что первый показатель отражает скорее симпатии (наличие в той или иной степени осознаваемой потребности) по отношению к занятиям спортом, а второй — реальное количество людей, которые им занимаются. Кроме того, более половины из тех, кто указал, что занимается спортом, отметили, что делают это исключительно в домашних условиях. Наиболее интересный результат состоит в том, что количество ориентированной на спорт молодежи возраста 21–30 лет составляет наименьший процент по всем возрастным группам — 37%. Эта цифра может свидетельствовать об отсутствии интереса к спортивной деятельности, а может быть обусловлена и другими социальными обстоятельствами.

Согласно представлениям подавляющего большинства экспертов, спорт и физическая культура являются важнейшей социальной ценностью для молодежи в возрасте 21–30 лет. Более половины опрошенных (74 респондента) определили ее рейтинг в диапазоне от семи до десяти баллов, что в представленной классификации соответствует высокой и очень высокой иерархии значимостей.

Следовательно, очевидно определенное противоречие между невысокой интенсивностью реальной вовлеченности молодежи (21–30 лет) в массовую спортивную деятельность и высокими рейтинговыми показателями массового спорта в иерархии социальных ценностей молодых людей. Данное противоречие свидетельствует о том, что в социуме существуют определенные препятствия, мешающие реализации потребностей российской молодежи быть активным участником спортивно-массовой деятельности.

Следующий вопрос, который необходимо проанализировать, — мотивы, побуждающие молодежь заниматься спортивной деятельностью.

На первых трех местах оказались мотивы, отнесенные к первой группе: «ведение здорового образа жизни» (72 выбора); «улучшение фигуры» (63 выбора) и «увлечение определенным видом спорта, сформированное в детстве» (30 выборов). Мотивы второй группы вызвали заметно меньший интерес у экспертов с точки зрения признания их как присущих молодежи в возрасте 21–30 лет. Относительно частого избрания был удостоен только мотив «стремление к двигательной активности». Подобного рода итог свидетельствует о том, что, по мнению экспертов, молодежь обладает в достаточной степени устойчивыми ценностями, формирующими их интерес к массовому спорту не как на преходящую моду, развлечение от скуки, борьбу с самим собой, стремление избавиться от излишней энергии или занятия спортом за компанию, а как осмысленную внутреннюю потребность, поддерживаемую личной заинтересованностью в получении от участия в спортивной деятельности важных именно для отдельной личности результатов.

Далее необходимо оценить значимость для молодежи спорта как ценности.

Этот вопрос вызвал у экспертов разброс оценочных суждений, выраженных в тех баллах, которые можно считать рейтингом значимости спорта как социальной ценности.

Примерно пятая часть респондентов-экспертов сослалась на отсутствие интереса к массовому спорту у самой молодежи, но при этом весьма показательно, что больше половины всех опрошенных (63,3% в процентном отношении к общему числу) в качестве ведущей причины указали на дефекты сложившейся спортивной инфраструктуры, где преобладают платные формы оказания услуг. Данный вывод представляется вполне обоснованным и справедливым. Действительно, если для детей, подростков и студентов созданы наиболее благоприятные условия для занятия массовым спортом, то сказать подобное о молодежи возрастной группы 21–30 лет нельзя. Именно на этот факт и обращают внимание эксперты.

Оценка возможностей для занятий массовым спортом российской молодежи в возрасте 21–30 лет. Можно предположить, что интерес к массовому спорту закладывается в раннем возрасте, в дошкольный и школьный периоды, студенческие годы, поэтому экспертам было предложено оценить потенциал высшего образования как фактора, формирующего ценности спортивного образа жизни. Этот вопрос был важен в контексте понимания ресурсных возможностей высшего образования для поддержания спортивных ценностей и интереса к спорту. Приведенные данные ВЦИОМ, согласно которым дети и подростки имеют высокий процент вовлечения в занятия спортом, свидетельствуют о том, что ресурсные возможности среднестатистической российской семьи на формирование здорового образа жизни достаточно высоки. Однако это не преуменьшает необходимость анализировать более поздний возраст, то есть студенческую молодежь, которая в вузах должна подтвердить свою готовность к активной вовлеченности в спорт, а вузы, соответственно, обеспечить для этого необходимые условия.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что высшая школа, по мнению экспертов, обладает необходимым ресурсным потенциалом для поддержания общей социальной интенции на спорт как важнейшей ценности. В то же время почти пятая часть респондентов придерживается противоположного мнения, что можно истолковать как наличие возможных перспектив роста. Например, речь идет об улучшении материально-технической базы вузов, создании эффективной модели для развития студенческого спорта и т. д. Но в целом будем отталкиваться от полученного результата, который с указанными оговорками и пояснениями можно признать положительным.

Приступим к анализу соответствия между наличием устойчивых потребностей, рефлексированных ценностей и выраженных интересов финансовым возможностям молодежи, необходимым для реализации вышеуказанных ценностей, потребностей и интересов в области массового спорта.

Среди экспертов при ответе на данный вопрос обнаружился разброс мнений, причем оба выбора с ответом «да» и два варианта

выбора с ответом «нет» в совокупности определяют паритет между собой по частоте оценочных суждений экспертов — «45 на 45», или в процентном эквиваленте в строгом соответствии с общеизвестным идиоматическим фразеологизмом — «50 на 50». Данная позиция должна примерно отражать реально сложившиеся финансовые возможности молодежи с учетом дифференциации как самой возрастной группы, так и дифференциации по предмету финансовой затратности разных видов спорта, которые могли держать в уме, давая соответствующую оценку, те или иные эксперты. И все же выбор третьего варианта ответа о том, что платные услуги слишком высоки и молодежь не готова тратить финансовые средства на занятия спортом, внушает известное беспокойство, так как если подобного рода оценка соответствует реальной действительности хотя бы отчасти, то это может быть важнейшим фактором эксклюзии большой группы молодежи в возрасте 21–30 лет из спортивно-массовой деятельности. Понятно, что это создает существенные ограничения для нормальной социализации молодежи, которая в анализируемом возрасте входит едва ли не в первую для молодых людей стадию сознательных выборов, когда давление агентов социализации резко снижается за счет того, что субъект социализации выбирает вектор социального развития самостоятельно, без акцентированного внешнего воздействия.

Для проверки этого предположения экспертам было предложено определить рейтинг готовности молодежи выбирать занятия массовым спортом в качестве платной услуги.

Практически половина всех экспертов оценили готовность молодежи (возраст 21–30 лет) посещать платные спортивные занятия как среднюю. При этом параметр «слабой готовности» удостоен на шесть выборов чаще (21 эксперт), чем параметр «высокой готовности» (15 экспертов).

Подобного рода ситуация актуализирует необходимость оценить то, насколько развита спортивная инфраструктура для предоставления возможности российской молодежи (21–30 лет) бесплатно заниматься массовым спортом. Даже если принять во внимание, что все эксперты никогда не будут довольны качеством спортивной инфраструктуры,

количество отрицательных ответов все же внушает опасение. Действительно, 72 из 90 ответивших респондентов указали на недостаточность количества бесплатных спортивных объектов, необходимых для оптимальной вовлеченности молодежи анализируемого возраста в занятия массовым спортом. Из этого числа 30 респондентов прямо указали на то, что бесплатно заниматься спортом может только студенческая молодежь, а 42 эксперта высказали мнение о том, что требуется возведение новых элементов спортивной инфраструктуры для предоставления бесплатных спортивных услуг. Эти две позиции составляют мнение 80 % всех принявших в опросе экспертов.

Поскольку исследование выявило потенциальную возможность эксклюзии молодежи (возраст 21–30 лет) из массово-спортивной деятельности и нехватку спортивных объектов, то все это может свидетельствовать о проблемах с обеспечением доступности занятиями массовым спортом.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что увеличение потенциальных возможностей у российской молодежи (21–30 лет) для занятий спортом экспертами приоритетно связывается со строительством спортивных объектов и переориентацией интересов государства от приоритетного финансирования спорта высоких достижений к массовому спорту. Именно эти два варианта ответов, которые изначально связывались с основаниями, необходимыми для повышения финансовой доступности молодежи для занятий массовым спортом, были выбраны экспертами в качестве наиболее значимых. Улучшение других двух позиций было сочтено менее значимым.

Заключение. Молодежь в возрасте 21–30 лет является одной из наименее вовлеченных в массовый спорт возрастной группой. Однако результаты авторского экспертного опроса показали, что в основном молодежь имеет устойчивые побудительные мотивы для занятий массовым спортом, а это свидетельствует о прочности ее интересов в этой социальной сфере. Данная оценка находится в явном противоречии с реальной вовлеченностью молодежи анализируемого возраста в массовую спортивную деятельность. Ука-

занное противоречие свидетельствует о том, что в социуме существуют институциональные ограничения, порождающие барьеры, которые мешают реализации потребностей российской молодежи в области массового спорта. В качестве одного из таких барьеров следует считать несоответствие между ростом платных услуг для занятий массовым спортом и финансовыми возможностями молодежи. В итоге российской молодежи в возрасте 21–30 лет присуща ориентированность на массовый спорт в качестве социальной ценности, она осознает потребность в занятиях массовым спортом и проявляет в этом заинтересованность, но реализации ее интересов препятствует отсутствие необходимых для этого финансовых возможностей, так как анализируемая возрастная группа в основном располагается в социальном сегменте, который должен самостоятельно обеспечивать для себя ресурсные возможности. Молодежь в возрасте 21–30 лет представляет собой социальную группу, которая оказывается за пределами существующих организационных, формализованных взаимодействий, установленных в социальном институте спорта для молодежи школьного и раннего студенческого возраста. Она поставлена в условия необходимости делать самостоятельный выбор относительно участия в массовой спортивной деятельности. Между тем на практике это приведет к еще большему уходу из системы сложившихся институциональных связей внутри социального института спорта. Таким образом, наблюдается серьезное отставание в становлении и развитии формальных норм, образующих институт массового спорта, от реальных социальных потребностей, способных определить его развития в социально желательном направлении.

Литература

1. Архангельский В. Н., Иванова А. Е. Стратегия демографического развития России. — М., 2005. — С. 81.
2. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 23–24.04.2017 г. (N = 1 200 чел.). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116200>.
3. Кобяков Ю. П. Концепция норм двигательной активности человека // Теория

и практика физической культуры. — 2013. — №11. — С. 20–23.

4. Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. — М., 2008. — С. 265.

References

1. *Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E.* Strategija demograficheskogo razvitija Rossii [Strategy of demographic development of Russia]. — Moscow, 2005. — P. 81.

2. Vserossijskij opros VCIOM. 23–24.04.2017 g. (N = 1 200 chel.) [All-Russian

poll of VTsIOM. 23–24.04.2017. (N = 1,200 people)]. [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116200>.

3. *Kobjakov Ju. P.* Konceptija norm dvigatel'noj aktivnosti cheloveka [The concept of norms of human motor activity] // Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury [Theory and practice of physical culture]. — 2013. — №11. — Pp. 20–23.

4. Sociologicheskij slovar' [Sociological dictionary] / In G.V. Osipov, L.N. Moskvichev (eds.). — Moscow, 2008. — P. 265.

Поступила в редакцию

1 июня 2021 г.

Болозин Андрей Александрович — старший преподаватель кафедры педагогики и непрерывного профессионального образования Астраханского государственного университета.

Bolozin Andrey Aleksandrovich — Senior Lecturer of the Department of Pedagogy and Continuing Professional Education of Astrakhan State University.

414004, г. Астрахань, ул. Баумана, 13, корп. 1, кв. 11
13 Bauman st., bld. 1, app. 11, 414004, Astrakhan, Russia
E-mail: andrew-bolozin@mail.ru

УДК 316.354:355

10.17213/2075-2067-2021-4-23-35

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕНЕДЖЕРИСТСКИХ ИНСТРУМЕНТОВ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ¹

© 2021 г. А. В. Дятлов, В. В. Ковалев, Я. А. Асланов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования выступает разработка концепции для изучения инструментов государственного менеджеризма в практике повышения эффективности российского муниципального управления.

Методологическая база исследования формируется в рамках теории рационального выбора Дж. Коулмана. В ее основе лежит идея о трех формах капитала — физического, человеческого и социального, которые в процессе выбора наиболее рациональной альтернативы социального действия трансформируются в набор ресурсов, используемых актором в качестве средства достижения цели.

Результаты исследования. Разработана теоретическая модель изучения инструментов государственного менеджеризма, реализуемых для повышения эффективности муниципального управления. В качестве исходных тезисов, в рамках которых раскрываются указанные менеджеристские инструменты, взяты три положения: 1) снижение государственного финансирования там, где обнаруживается низкий рост показателей; 2) стимулирование предпринимательской активности в некоммерческом секторе; 3) замена специалистов-управленцев эффективными менеджерами. После проведения соответствующих операций с базовыми понятиями в итоге получен набор признаков, формирующих содержательный объем менеджеристских инструментов, применяемых непосредственно в системе муниципального управления. Формулировка и описание этих инструментов в ракурсе повышения эффективности органов местного самоуправления позволит выйти на финальный этап создания менеджеристской модели муниципального управления.

Перспективы дальнейших исследований авторы видят в проведении эмпирического исследования с целью практического использования разработанной теоретической модели. Предметно исследование будет направлено на такие аспекты деятельности органов местного самоуправления, как работа на показатели, управление в форме оказания услуг, структурная перестройка органов власти, результативность взаимодействия с гражданскими активистами и бизнес-сообществами.

Ключевые слова: государственный менеджеризм; муниципальное управление; эффективность муниципального управления; эмпирические индикаторы; менеджеристские инструменты; муниципальное самоуправление.

¹ Статья выполнена в рамках реализации гранта РФФИ, проект №21-011-31846/21 «Менеджеристские инструменты обеспечения эффективности муниципального управления (на примере муниципальных образований Южного федерального округа)».

**METHODOLOGICAL CONSTRUCT
OF THE STUDY OF MANAGERIAL TOOLS
FOR ENSURING THE EFFECTIVENESS OF MUNICIPAL MANAGEMENT**

© 2021 A. V. Dyatlov, V. V. Kovalev, Ya. A. Aslanov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The aim of the research is to develop a concept for studying the tools of state managerism in the practice of improving the efficiency of Russian municipal administration.

The methodological basis of the research is formed within the framework of the theory of rational choice of J. Coleman. It is based on the idea of three forms of capital — physical, human and social, which in the process of choosing the most rational alternative to social action are transformed into a set of resources used by the actor as a means to achieve the goal.

The results of the study. A theoretical model for studying the tools of state managerism implemented to improve the efficiency of municipal management is developed. As the initial theses, within the framework of which these managerial tools are disclosed, three provisions are taken: 1) reduction of state funding where there is a low growth in indicators; 2) promotion of entrepreneurial activity in the non-profit sector; 3) replacement of managerial specialists with effective managers. After performing the corresponding operations with the basic concepts, as a result, a set of features is obtained that form the content volume of managerial tools used directly in the municipal management system. The formulation and description of these tools from the perspective of improving the efficiency of local self-government bodies will allow us to reach the final stage of creating a managerial model of municipal management.

The authors see the prospects for further research in conducting an empirical study with the aim of practical use of the developed theoretical model. The research will focus on such aspects of the activities of local self-government bodies as work on indicators, management in the form of service delivery, structural restructuring of government bodies, and the effectiveness of interaction with civil activists and business communities.

Key words: state managerism; municipal management; efficiency of municipal management; empirical indicators; managerial tools; municipal self-government.

Введение. С 2005 года в Российской Федерации проводится широкомасштабная административная реформа. Ее началом стало Распоряжение Правительства России от 25 октября 2005 г. №1789-р, которым одобрен пакет документов, обеспечивающих реализацию принципиально новой концепции государственного управления. Она основывается на нескольких основополагающих принципах: управление по результатам, управление в форме оказания услуг, строгая формализация деятельности государственных служащих посредством принятия административных регламентов, оптимизация избыточных и дублирующих

управленческих структур, широкое внедрение аутсорсинга, транспарентность власти и ее сотрудничество со структурами гражданского общества.

В качестве ориентира был взят опыт проведения подобных же реформ в странах Западной Европы и Северной Америки. Еще в начале 90-х годов прошлого века он получил название в формирующемся по итогам его реализации научном дискурсе «новое государственное управление» или «государственный менеджеризм». Он был воспринят по аналогии из сферы корпоративного управления, где менеджеризм сложился как идеология и одновременно управленческая мо-

дель, направленная на усиление рациональных начал при управлении организацией.

Менеджеризм стал применяться в управленческих практиках в целях повышения их эффективности. Этот же побудительный мотив доминировал у инициаторов российской административной реформы. Практически сразу вслед за изменением основных начал государственного управления федеральный законодатель инициировал и трансформацию муниципального управления. Важный шаг на пути этого процесса — переход оценки эффективности управленческих результатов на измеряемые количественные показатели. Еще одна важная инновация — изменение правил легитимации вступления в должность главы муниципального образования. С 2 февраля 2015 г., невзирая на сохранение иных нормативных альтернатив, он, как правило, избирается на контрактной основе представительным органом власти муниципалитета.

Благодаря двум этим инновациям муниципальная власть фактически потеряла содержательные отличия от государственной.

Данная практика является результатом переноса института, сложившегося в иной социокультурной и экономической среде. Это порождает ряд вопросов. Во-первых, возникает проблема правомерности трансфера управленческих технологий, пусть и доказавших свою состоятельность, но обеспечивающих эффективность в корпоративных коммерческих организациях. Если публичное управление имеет фундаментальные различия относительно управления корпоративного, то не приведет ли искусственное навязывание новых институциональных правил к росту имитационных практик в работе муниципальных органов власти? Во-вторых, исторически муниципальные органы власти в западной политико-управленческой традиции сложились не только как низовой уровень публичного управления, но и в образе особой формы самоорганизации населения территориальных пространств. Именно в таком качестве местное самоуправление воссоздавалось на постсоветском пространстве после распада СССР. Однако есть вероятность, что реализация принципов государственного менеджеризма может привести к деформации механизмов самоорганизации граждан. В связи с этим возникает проблема:

в чем может проявляться указанная деформация и не станет ли новая модель муниципального управления источником развития иждивенческо-патерналистских настроений, препятствующих реальному участию граждан в инициативном решении вопросов местного значения? В-третьих, менеджеризм был перенесен в сферу российского публичного управления не только из корпоративной среды, но и из другой социокультурной и социально-политической реальности. Не станет ли это препятствием для его результативного использования в российском обществе, где иные стартовые условия и возможности?

Комплексный ответ на три поставленных вопроса позволит дать достижение следующей цели: разработка концепции для изучения инструментов государственного менеджеризма в практике повышения эффективности российского муниципального управления.

Методологические основы исследования. Методологические основы выстроим в опоре на теорию рационального выбора. Избрание данной парадигмы объясняется как особенностями ее теоретической конструкции, так и особым потенциалом, который можно использовать в целях исследования предметного пространства. Указанное направление на данный момент является одним из наиболее оптимальных для применения в качестве методологии в социологических исследованиях. Ее концептуализация стала удачным выходом из спора между сторонниками классической и постнеклассической социологии о целях социологии и способности отражать социальную реальность.

В предметном ракурсе классической парадигмы акцент традиционно делался на изучении оснований социальной устойчивости, а в методологическом контексте — на поисках методов и инструментов, способных зеркально отразить социальную реальность. В постнеклассической парадигме вектор исследовательского интереса в предметном плане переместился на изучение индивида и малых групп, а в методологическом — на интерпретацию индивидуальных траекторий социальных акторов. Подобные акценты возникли неслучайно. Классическая социология появилась в те времена, когда основная масса социальных акторов проживала в ус-

ловиях традиционного общества. Для него характерна устойчивая система ценностей и нормативных моделей поведения, различия по которым можно было четко привязать к особенностям стратификационной системы. Распад традиционного общества привел к индивидуализации сознания и возникновению сначала неклассической, а затем и постнеклассической социологии, кульминацией развития которой стала постмодернистская теория. Спор между сторонниками двух метапарадигм, по сути, сводился к степени ограничений у акторов индивидуального выбора социальных моделей поведения. Если классики настаивали на том, что индивид попадает в институциональную матрицу и его выбор соответственно предопределен сложившимися социальными шаблонами, то их оппоненты говорили о безграничных вариациях и полной непрогнозируемости процесса социальной коммуникации.

Теория рационального выбора оказалась своеобразным компромиссом между двумя подходами. С точки зрения ее сторонников, в современном обществе институциональные матрицы по-прежнему сохраняют свое значение, но, в отличие от общества традиционного, для достижения какой-то одной цели существуют альтернативные варианты их выбора, что обеспечивается появившейся в современном обществе свободой в действиях социальных акторов, отказом от следования жестким детерминантам и навязанным стратегиям социального поведения. Именно в этом и проявляются особенности указанного подхода как теории, методологически наиболее приемлемой для изучения общества современного типа.

Анализируемая парадигма содержит в себе множество нюансов и аспектов. Она разрабатывалась целой плеядой социологов и экономистов. Наше исследование будет концептуально опираться на идеи, изложенные в одной из последних статей в наследии Дж. Коулмана «Капитал социальный и человеческий» [1]. Социолог объясняет выбор альтернатив социальными характеристиками имеющегося у акторов трех форм капитала: физического, человеческого и социального. К физическому относятся материальные ресурсы и формальные нормы. Под человеческим капиталом понимаются ценности, мотивы,

интересы, то есть некие побудительные факторы, проистекающие из индивидуальных особенностей конкретного социального актора. И, наконец, социальный капитал представляет собой совокупность устойчивых структур неформальных норм, социальных связей, знакомств и т.п.

В контексте рационального выбора эти три типа капитала выступают в роли набора ресурсов, обеспечивающих возможность достижения индивидуальных целей, определяемых для себя социальными акторами. При этом, как настаивает Дж. Коулман, акторы могут быть лицами как физическими, так и корпоративными [2], что для нас представляется удобным для изучения организационных структур, возникающих в системе муниципального управления. Очевидно, что степень рациональности совершаемого выбора оценивается через валидность поставленной цели относительно имеющихся у социальных акторов ресурсов для ее достижения. Предполагая проводить анализ эффективности такой разновидности профессиональной деятельности, как муниципальное управление, мы далее намерены исследовать способность к достижению целей с имеющимся в распоряжении местных органов власти объемом ресурсов.

Операционализация базовых понятий (муниципальное управление, эффективность муниципального управления, государственный менеджеризм, менеджеристские инструменты)

Муниципальное управление. Анализ этого понятия построим на определении предметно-семантического значения терминов «муниципальный» и «управление». Первый из них имеет двойственную оценку среди ученых. Согласно одной позиции, муниципальный проистекает от латинского «*municipium*», что означает «вольный город». В этом качестве происходит отождествление слов «муниципальный» и «местный», независимо от того, к какому существительному они прилагаются [3]. Но есть и отличный взгляд, сторонники которого настаивают на содержательном различии приведенных выше слов. Дифференциация строится на исторически сложившихся в практике употребления значениях. Под местным обычно понимается

некое самоорганизованное на определенной территории сообщество, а муниципальное наделяется формально-правовым смыслом. Отсюда выводятся устойчивые сочетания, в том числе «муниципальное управление» [4]. С нашей точки зрения, придавать словам «муниципальный» и «местный» различное значение принципиально неверно. От такого подхода один шаг до признания муниципальной власти и, соответственно, управления особой разновидностью власти государственной. Но это противоречит Конституции и сложившемуся дискурсу о том, что местное самоуправление действует на началах автономии от государства. Иными словами, термин «муниципальный» так же, как «местный», должен увязываться с процессами самоорганизации территориальных сообществ для решения вопросов местного значения.

Термин «управление» среди ученых, как правило, не вызывает существенных разночтений. Его понимание отождествляется с особым видом публичной деятельности, которая предполагает постановку целей, приискание ресурсов для их достижения, формирование мотивации у субъектов управленческой деятельности, а также осуществление контроля над ними [5]. Однако далеко не так все просто в отношении понятия «муниципальное управление». В значительной степени проблемы проистекают из расхождений в оценках слов «местный» и «муниципальный», о чем мы уже писали. Именно эти расхождения обусловили возможность выделить, по меньшей мере, три основных подхода к анализируемому понятию. Согласно первому муниципальное управление отражает в себе запрос на демократизацию низового уровня публичного управления. В таком проявлении акценты делаются не только на традиционных признаках, типичных для управления, но и на широком участии территориальных сообществ в управленческой деятельности [6]. Ученые, придерживающиеся второго подхода, настаивают на формализации понятия с позиции юридических категорий и фактически отождествляют его с государственным управлением [7]. И, наконец, в рамках третьего подхода говорится об особом качестве муниципального управления в связи с нормативными отсылками о делегировании исполнения органами муни-

ципальной власти полномочий в сфере местного самоуправления, предписанных по законодательству региональной или федеральной власти [8]. Нам ближе по содержанию первый подход. Второй мы не принимаем потому, что разделение понятий «муниципальное самоуправление» и «муниципальное управление» не выхолащивает из последнего его непосредственной связи с территориальными сообществами, а отражает в большей степени дань исторической традиции. Что касается третьего подхода, то наделение муниципальных органов власти государственными полномочиями не меняет их сущности.

С учетом представленной трактовки мы можем предложить следующее инструментальное определение термина **«муниципальное управление»**. *Это особая разновидность публичной деятельности, которая реализуется органами власти местного самоуправления в пределах их компетенции и ресурсных возможностей и ориентирована на достижение целей, актуально значимых для определенного территориального сообщества (муниципального образования)*. В качестве дополнительного пояснения отметим, что поскольку термин «муниципальный» содержит в нашем понимании элементы как прямой, так и представительной демократии, включая формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления, то муниципальное управление реализуется посредством самого широкого спектра социальных акторов: си-ти-менеджера, администрации, депутатского корпуса, структур гражданского общества, в том числе предпринимательских сообществ. При переходе к эмпирическим исследованиям мы планируем оценить ресурсный потенциал каждого из указанных социальных акторов с точки зрения возможности обеспечить достижение цели в контексте сделанного рационального выбора.

Следующее понятие — *«эффективность муниципального управления»*. Эффективность принято оценивать с позиции использования ресурсов, поэтому заявленная выше методология будет нами задействована применительно к данному понятию с прицелом на максимально близкий выход на предметное поле исследования.

Как научная категория эффективность была впервые обоснована Д. Рикардо, трак-

товавшим его через призму соотношения затрат и результата [9]. Длительное время она не подвергалась какой-либо критике, пока данное понятие не стали применять к оценке процессов и результатов, не имеющих непосредственного отношения к экономике. В результате этого дискурсивное пространство, сложившееся в связи с обсуждением спорных вопросов, расширилось в самом конце XX века за счет представителей других общественных наук: социологов, политологов, философов, педагогов и психологов. По итогам дискуссии, развернувшейся в междисциплинарном ракурсе, понимание эффективности оформилось в пределах трех подходов.

Первая группа ученых осталась на классических позициях, рассчитывая эффективность через корреляцию полученного результата и затраченных на его достижение ресурсов [10]. Другое понимание эффективности приравнивается к достижению результата вне зависимости от производной «затраты». Сторонников такого подхода объединяет научная идентичность, выходящая за пределы экономической предметности [11]. В качестве основного аргумента постулируется невозможность количественных измерений результатов деятельности в неэкономических институтах. Указанный подход едва ли можно назвать решением возникших затруднений. Это в большей степени похоже на аргументированный отказ их решать. Существенным достижением состоявшейся дискуссии мы считаем выработку третьей модели эффективности, в соответствии с которой она оценивается в позитивных коннотациях, если имеет место достижение заведомо заявленной цели и осуществлено это при таких ресурсных затратах, которые с точки зрения устоявшихся общепринятых практик признаются разумными, общепринятыми и обоснованными [12].

С учетом когнитивных рамок третьего подхода рабочее определение **эффективности муниципального управления** можно сформулировать следующим образом: *достижение целей, поставленных перед местными органами власти, осуществленное при таких ресурсных затратах, которые с точки зрения устоявшихся общепринятых практик признаются разумными, общепринятыми и обоснованными.*

Несмотря на то, что в подобном понимании мы привязываемся к субъективным оценкам, именно данный подход будет взят нами за основу при исследовании эффективности муниципального управления. Преодоление субъективизма или, если поставить вопрос иначе, трансформацию субъективных оценок эффективности в объективные результаты оценки работы органов муниципального управления можно реализовать в процессе применения эмпирических методов исследования, присущих социологической науке. Здесь возможны корреляции как с экспертными суждениями (качественные методы), так и с пожеланиями населения муниципальных образований (количественные методы).

Таким образом, согласно нашей концепции объектом измерения эффективности в муниципальном управлении будут три аспекта: во-первых, достижение социально значимой цели; во-вторых, наличие ресурсов для ее достижения; в-третьих, разумность траты ресурсов («цена вопроса»).

Теория рационального выбора дает установку на то, что деятельность социальных акторов основывается на целеполагании. Это характерно как применительно к индивидуальным агентам, так и в отношении корпоративных, поэтому рациональность совершаемых ими выборов и эффективность полученных от их деятельности результатов следует соотносить с декларируемыми целями. В пределах предмета исследования нужно ориентироваться на сформулированное выше понимание муниципального управления. В нашей интерпретации оно обращено на решение вопросов местного значения с участием широких сфер общественности конкретной территории. С учетом их специфики цель для муниципального управления можно определить как повышение качества жизни населения муниципальных образований. Само муниципальное управление рассматривается как разновидность публичной деятельности. Следовательно, оно направлено на общественно значимые цели. Это означает, что категория целеполагания должна быть центральной при оценке эффективности муниципального управления. Характер цели, ее достижимость и достигнутость — это основные переменные для оценки эффективности муниципального управления.

В пределах применяемой методологии очень важное значение имеют ресурсы. В теории рационального выбора Дж. Коулмана под ними понимаются три разновидности капитала: физический, человеческий и социальный. Их объективная оценка способна обеспечить понимание относительно достижимости поставленной цели, что позволит установить реальную, а не мнимую рациональность сделанного выбора. Из этого проистекает особая необходимость сделать описание указанных форм капитала в контексте потенциальной возможности повысить эффективность муниципального управления.

Под *физическим капиталом* надлежит понимать некую предзаданность материальных ресурсов и заведомо определенные экзогенными акторами (здесь — государством) правила игры, которые невозможно самостоятельно изменить. Конкретно для муниципального управления это, во-первых, формальные нормы (легитимация власти, местные налоги, законодательство о бюджете, правила использования муниципальной собственности, но, в первую очередь, нормативно-правовые акты, устанавливающие легальные показатели достижения эффективности); во-вторых, материальные возможности конкретной территории (водные ресурсы, качество земель, состояние ЖКХ, дорог, придомовой территории и т.п.). Эти ресурсы должны оцениваться с точки зрения их достаточности для достижения поставленной цели.

Другая форма капитала — *человеческий* — выступает критерием анализа социальных качеств акторов, осуществляющих совместную целедостижительную деятельность. В сфере муниципального управления действуют такие группы акторов, как уже упоминавшиеся выше сити-менеджер, местная администрация, депутатский корпус, структуры гражданского общества и квазисубъект, население территориальных сообществ. Применительно к ним следует учитывать, могут ли содействовать эффективному управлению свойственные им ценности, мотивы, интересы, стереотипные установки, иными словами, все, что образует исторически сформировавшуюся социокультурную матрицу, определяющую программы социального поведения. Особо пристальное внимание нужно уделить соответствию челове-

ческого капитала предписанным институциональным правилам.

Третья форма капитала — *социальный*. Если первые две (прежде всего, физический капитал) определяют жесткие ограничительные рамки и являются либо продуктом экзогенного воздействия на муниципальное управление (создание формальных правил государством), либо результатом исторического развития (сложившиеся у социальных акторов стереотипы, паттерны, социальные установки), то третья форма капитала выражает субъектную волю социальных акторов. Она реализуется в рамках неформальных ограничений, вырабатываемых самими же социальными акторами. Дж. Коулман определяет три группы условий, при которых социальный капитал будет действовать как эффективная ресурсная база. Это: 1) исполнение обязательств, соответствие ожиданий получаемому результату, надежность структуры норм; 2) наличие информационных каналов; 3) эффективность санкций к девиантам. Они применимы к любым видам социального действия и, надо полагать, такой ее разновидностью, как муниципальное управление.

Третий объект измерения эффективности муниципального управления — обоснованность траты ресурсов («цена вопроса»). Поскольку отраслевой основой исследования является социология, а не экономика или юриспруденция, то делать финансовые расчеты или устанавливать состав преступления мы не станем. Данный аспект отдан «на откуп» социальным акторам (выбранной совокупности респондентов). Их консолидированная позиция, полученная через опросные методы, будет определять с учетом наших интерпретаций и сопоставлений с выделенными выше двумя другими аспектами анализа эффективности *разумность, общепринятость и обоснованность* затрат ресурсов на достижение целей муниципального управления.

Следующее понятие нашего методологического конструкта — «*государственный менеджери́зм*».

Ввод этого понятия в структуру методологического конструкта резко сужает предметное пространство. Совершенно очевидно, что мы не ставим перед собой метазадачу досконально исследовать все выделенные аспекты эффективности муниципального уп-

равления. Нас интересует их роль сквозь призму обеспечения эффективности в ходе применения в практике муниципального управления менеджеристских инструментов. Описанные выше три аспекта будут оцениваться с позиции воздействия на них реализуемых в муниципальном управлении менеджеристских инструментов.

Для начала разберемся с данным понятием, т.к. в его определении имеются некоторые нюансы. Государственный менеджеризм принят на вооружение правящими элитами западных стран в 80-е годы XX в. Его использование нацеливалось на решение двух основных задач: разгрузить бюджет в условиях усиления давления на государственные финансы со стороны общественного сектора и повысить управленческую эффективность за счет внедрения рыночных инструментов в управление. Эти две позиции заложим в конструкцию авторского определения. **Государственный менеджеризм** — это идеология, используемая в целях повышения эффективности управления общественными процессами, что достигается благодаря переносу управленческих принципов, выработанных в коммерческих организациях, в область публичного управления. Одной из разновидностей последнего мы считаем муниципальное управление.

Дискурс о государственном менеджеризме имеет не очень продолжительную историю. На Западе это понятие изучается с конца 80-х гг. прошлого столетия [13, 14, 15]. В России запрос на оценку управленческих практик менеджеризма пришел в науку на несколько лет позже. Это неудивительно, т.к. сами реформы соответствующей направленности начали проводиться на четверть века позднее. Поэтому при характеристике дискурса, сложившегося в управлении вокруг менеджеризма, очень важно понимать, что в значительной мере отечественные ученые предпринимают попытки не столько разработать новые управленческие теории, отражающие доселе не известные грани менеджеризма, сколько понять, как эти теории работают в российских условиях и какие оригинальные особенности политика «нового государственного управления» приобретает в государственном управлении нашей страны. И, что показательно, специальных работ

в предметности муниципального управления практически нет. Есть отдельные исследования по направлениям менеджеристской политики в области реализации муниципальной власти: анализ показателей эффективности или институциональные основы функционирования сити-менеджмента, но необходимо отметить, что отсутствует целостная теория применения менеджеризма в муниципальном управлении.

Анализ зарубежных и отечественных исследований позволил прийти к выводу, что в основу понимания менеджеризма в сфере муниципального управления может быть положено три базовых признака: 1) децентрализация управления; 2) широкое использование рыночных начал в управленческой деятельности; 3) применение количественных показателей как индикаторов оценки эффективности управления.

Децентрализация муниципального управления проявляется в первую очередь в форме отказа от применения в управленческой деятельности принципов классической бюрократии. Происходит такое перераспределение функций и прерогатив, при котором основные полномочия перемещаются на нижние этажи пирамиды управления, включая выстраивание прочных связей с институтами гражданского общества и бизнеса, сотрудничающего с органами власти на началах муниципально-частного партнерства. При подобных условиях муниципальная власть рассматривается в роли публичного агента, ответственного за перераспределение ресурсов между различными группами акторов, необходимых для повышения качества жизни населения муниципальных образований. Достижение данной цели обеспечивается действием в правовом пространстве Российской Федерации целой группы формальных норм, поддерживающих социальную активность территориальных сообществ в решении вопросов местного значения.

Широкое использование рыночных начал в муниципальном управлении выражается в отождествлении публичного управления с управлением коммерческой организацией. Местные органы власти по формальным признакам начинают функционировать в образе квазикommerческой структуры, оказывающей населению возмездные или безвозмезд-

ные услуги. В них разрабатываются стратегические планы развития, применяется система менеджмента качества, допускается коммерческая деятельность, не противоречащая функциональной направленности, в основу оценки закладываются рыночные принципы. Эффективность работы местных органов власти определяется по легко просчитываемым количественным индикаторам, что обуславливает формализацию учета результатов деятельности.

Применение количественных показателей как индикаторов оценки эффективности муниципального управления. Этот признак во многом является сердцевинной, ядром менеджериализма, проявляясь в образе универсальной категории во всех социальных институтах, затронутых менеджеристской идеологией. Их роль сводится к некоей имитации производственного процесса, результативность которого оценивается по количеству произведенных работ и услуг. Мы специально делаем акцент на слове «имитация», т.к. в реальных рыночных условиях товары и услуги оцениваются потребителями через договор купли-продажи в режиме реальной конкуренции, в то время как «производство» услуг в муниципальном управлении такого надежного индикатора оценки не имеет. Поэтому количественные показатели не просто абсорбируют в себя всю философию муниципального управления (цель, ценности, способы деятельности), но выступают источником образования особой нормативной системы, в рамках которой создается новая социальная реальность, потенциально способная прекратиться в имитационную. Угрозы этому мы видим в отсутствии надежных субъектов оценки качества муниципального управления из числа акторов, принимающих и реализующих управленческие решения.

Если имеет место работа на имитационные показатели, то можно поставить под сомнение достижение цели муниципального управления (повышение качества жизни населения муниципальных образований), пригодность используемых для этого ресурсов (как минимум, по линии физического и человеческого капитала) и разумность трат ресурсов (в связи с производством некачественных услуг). Иными словами, речь идет о недостижении реальной эффективности при формально

«эффективном» управлении. Высказанное умозаключение предлагаем считать **гипотезой**, которая будет проверена в процессе проведения эмпирических исследований.

Далее мы переходим к завершающей части создания концепции — структурированию предметного пространства исследования. Это будет сделано посредством определения и описания **менеджеристских инструментов**, реализуемых для повышения эффективности муниципального управления. Именно их мы определяем в качестве эмпирических индикаторов, как когнитивные структуры, необходимые для разработки социологического инструментария и проведения эмпирических исследований. Мы можем предложить следующие формулировки указанных инструментов: 1) зависимость государственного финансирования от роста показателей социально-экономического развития муниципального образования; 2) стимулирование предпринимательской активности в муниципальном управлении; 3) замена специалистов-управленцев эффективными менеджерами (институт сити-менеджмента).

1. Зависимость государственного финансирования от роста показателей социально-экономического развития муниципального образования. Применение этого инструмента осуществляется в формате выполнения взятых на себя обязательств, которые принято называть целевыми показателями развития. Органы муниципальной власти обязываются достичь запланированных показателей, масштаб которых символизирует высокий уровень эффективности муниципального управления. Здесь также применима обратная логика: неисполнение обязательств относительно целевых показателей приравнивается к управленческой неэффективности. В зависимости от институциональной сферы применения данного инструмента характер санкций может быть разным. В муниципальном управлении — увольнение сити-менеджера, потеря депутатского мандата на новых выборах, снижение финансирования. Муниципальные образования, которые имеют нормативно обоснованный потенциал роста социально-экономических показателей или демонстрируют устойчивый рост, получают грантовую поддержку от регионального бюджета. Эффективность деятельности ор-

ганов власти местного самоуправления, подтверждение которой выступает основанием для финансового поощрения, рассчитывается по формулам, приведенным в Методических рекомендациях о выделении за счет бюджетных ассигнований из бюджета субъекта Российской Федерации грантов муниципальным образованиям в целях содействия достижению и (или) поощрения достижения наилучших значений показателей деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов (утв. Постановлением Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. №1317).

2. *Стимулирование предпринимательской активности в муниципальном управлении.* В соответствии с действующим гражданским законодательством муниципальные органы власти могут быть субъектами предпринимательской деятельности. Это проявляется в виде оказания населению платных услуг, приватизации муниципального имущества, партнерства с коммерческими юридическими лицами, участия в инвестиционных проектах, предоставления муниципального имущества в аренду за плату. Для легализации этого права приняты и действуют соответствующие законы. Большая часть их была принята по аналогии с европейским законодательством еще до менеджеристской реформы в России. Между тем суть менеджеристского подхода, во всяком случае, как он сложился в западной традиции, сводится к тому, чтобы некоммерческие структуры, в том числе органы муниципального управления, действовали по подобию бизнес-организаций, что позволит им расширить бюджетные возможности за счет иных источников доходов, кроме местных налогов. Поэтому менеджеризм — это еще и идеология. Следовательно, в новых управленческих условиях от чиновника требуется мыслить категориями бизнесмена. Нормативным выражением этих инноваций стало принятие федерального закона от 13 июля 2015 г. №224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». По замыслу законодателя, данный ФЗ должен обеспечить сотрудничество местных органов власти и предпринимательских структур.

3. *Замена специалистов-управленцев эффективными менеджерами (институт сити-менеджмента).* Использование этого управленческого инструмента решает давний спор о том, кто должен заниматься управлением — менеджер или профессионал специалист, безоговорочно в пользу менеджера. С появлением профессии менеджера актуализируются ожидания, что он сможет принимать непопулярные решения, поощрять за заслуги, быть независимым от давления профессионального сообщества и свободным от субъективных пристрастий. Менеджерам приписывается не только знание управленческих навыков, но и особая социальная ответственность, готовность к принятию обязательств и моральной ответственности за исполняемое дело. В рамках менеджеристской парадигмы сложилось понятие «эффективный менеджер». Это управленец, работающий по контракту и принимающий на себя обязательства выполнить установленные в заключенном с ним договоре целевые показатели развития. Как правило, эффективные менеджеры не имеют определенного профиля деятельности и перемещаются в разных производственных сегментах. Карьерное движение вверх связывается со способностью достигать предзаданные целевые показатели развития. В муниципальном управлении этот новый порядок получил название «институт сити-менеджмента». Он связан с изменением нормативных условий легитимации вступления в должность главы муниципального образования. Отныне руководитель муниципалитета не избирается местным сообществом, а проходит многоступенчатую процедуру отбора, итог которой — заключение эффективного контракта между сити-менеджером и председателем местного парламента. Предполагается, что данный механизм вступления в должность приведет к профессионализации муниципального управления, что будет содействовать росту его эффективности.

Заключение. Подведем общий итог. Мы разработали методологический конструкт, нацеленный на исследование менеджеристских инструментов повышения эффективности муниципального управления. Он состоит из двух базовых элементов: методологических оснований и операционализации поня-

тий. В основу методологической платформы положена теория рационального выбора Дж. Коулмана, которая, на наш взгляд, обладает необходимым потенциалом для обеспечения исследователя когнитивными ресурсами, чтобы полномасштабно изучить заявленное в названии статьи предметное поле. Сердцевиной методологии выступает идея о трех формах капитала — физического, человеческого и социального, которые в процессе выбора наиболее рациональной альтернативы социального действия трансформируются в набор ресурсов, используемых актором в качестве средства достижения цели. Второй элемент разработанного конструкта — операционализация понятий. После обоснования методологических принципов мы провели операции с такими понятиями, как «муниципальное управление», «эффективность муниципального управления», «государственный менеджери́зм», «инструменты государственного менеджери́зма в муниципальном управлении». В ходе операционализации была установлена внутренняя непротиворечивая связь между понятиями и выделены все необходимые их признаки, актуальные для структурирования предмета исследования. Решение указанной задачи позволило нам сформулировать количественно измеряемые эмпирические индикаторы, необходимые для разработки социологического инструментария. Предложены следующие формулировки: 1) зависимость государственного финансирования от роста показателей социально-экономического развития муниципального образования; 2) стимулирование предпринимательской активности в муниципальном управлении; 3) замена специалистов-управленцев эффективными менеджерами (институт сити-менеджмента).

Литература

1. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. — 2001. — №3. — С. 122–139.
2. Coleman S.J. The Asymmetrical Society. — Chicago, 1982. — 243 p.
3. Чихладзе Л. Т. Местное самоуправление в системе публичной власти в Российской Федерации // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2017. — №3. — С. 171–174.
4. Газизова Л. И. К вопросу о разграничении понятий «муниципальная власть» и «местное самоуправление» // *Власть*. — 2015. — №6. — С. 129–133.
5. Стальская А. С. Базовые подходы к управлению и их применение в известных компаниях // *Вопросы экономики и управления*. — 2016. — №5 (7). — С. 173–175.
6. Боровская М. А. Генезис муниципальной собственности и становление систем муниципального управления. — Таганрог, 2002. — С. 45–48.
7. Акулов А. О. Терминологические аспекты категорий «муниципальное управление» и «местное самоуправление» в теории и практике территориального управления // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. — 2011. — №1. — С. 24–35.
8. Лангинен А. В. О соотношении понятий «местное управление», «местное самоуправление» и «муниципальное управление» / *Ars Administrandi. Сборник статей*. — Пермь: ПГУ, 2009. — С. 112–116.
9. Рикардо Д. Начала политической экономии и налогового обложения. — М.: Эксмо, 2007. — 960 с.
10. Пивоварова О. В. Анализ существующих подходов к оценке эффективности управления государственным имуществом: преимущества, недостатки, направления совершенствования // *Российское предпринимательство*. — 2017. — Т. 18. — №13. — С. 2036–2048.
11. Евдокимова Т. В. Анализ генезиса теоретических подходов к понятию и оценке эффективности // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. — 2013. — №3. — С. 22–27.
12. Денисов В. Т., Медведева Ю. П., Денисов Д. Д., Резник А. Е. Сущность эффективности и ее повышение // *Поволжский торгово-экономический журнал*. — 2010. — №3. — С. 6–13.
13. Considine M. The corporate management framework as administrative science: a critique // *Australian Journal of Public Administration*. — 1988. — Vol. 47. — №1. — P. 7–15.
14. Aucoin P. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums // *Governance*. — 1990. — Vol. 3. — P. 116–128.

15. Hood C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. — 1991. — №69 (1). — P. 5–17.

References

1. Koulman Dzh. Kapital social'nyj i chelovecheskij [Social and human capital] // Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. — 2001. — №3. — Pp. 122–139.

2. Coleman S.J. The Asymmetrical Society. — Chicago, 1982. — 243 p.

3. Chihladze L.T. Mestnoe samoupravlenie v sisteme publichnoj vlasti v Rossijskoj Federacii [Local self-government in the system of public power in the Russian Federation] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2017. — №3. — Pp. 171–174.

4. Gazizova L.I. K voprosu o razgranichenii ponjatij «municipal'naja vlast'» i «mestnoe samoupravlenie» [On the issue of distinguishing the concepts of «municipal power» and «local self-government»] // Vlast' [Power]. — 2015. — №6. — Pp. 129–133.

5. Stal'skaja A.S. Bazovye podhody k upravleniju i ih primenenie v izvestnyh kompanijah [Basic approaches to management and their application in well-known companies] // Voprosy jekonomiki i upravlenija [Questions of economics and management]. — 2016. — №5 (7). — Pp. 173–175.

6. Borovskaja M.A. Genezis municipal'noj sobstvennosti i stanovlenie sistem municipal'nogo upravlenija [The genesis of municipal property and the formation of municipal management systems]. — Taganrog, 2002. — Pp. 45–48.

7. Akulov A.O. Terminologicheskie aspekty kategorij «municipal'noe upravlenie» i «mestnoe samoupravlenie» v teorii i praktike territorial'nogo upravlenija [Terminological aspects of the categories «municipal management» and «local self-government» in the theory and practice of territorial management] // Izvestija Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Jekonomika i upravlenie [Proceedings of the Far Eastern Federal University. Economics and management]. — 2011. — №1. — Pp. 24–35.

8. Langinen A.V. O sootnoshenii ponjatij «mestnoe upravlenie», «mestnoe samoupravlenie» i «municipal'noe upravlenie» [On the correlation of the concepts of «local government», «local self-government» and «municipal management»] / Ars Administrandi. Sbornik statej [Ars Administrandi. Collection of articles]. — Perm: PGU, 2009. — Pp. 112–116.

9. Rikardo D. Nachala politicheskoy jekonomii i nalogovogo oblozhenija [The beginning of political economy and tax taxation]. — Moscow: Jeksmo, 2007. — 960 p.

10. Pivovarova O.V. Analiz sushhestvujushih podhodov k ocenke jeffektivnosti upravlenija gosudarstvennym imushhestvom: preimushhestva, nedostatki, napravlenija sovershenstvovanija [Analysis of existing approaches to assessing the effectiveness of state property management: advantages, disadvantages, areas of improvement] // Rossijskoe predprinimatel'stvo [Russian entrepreneurship]. — 2017. — Vol. 18. — №13. — Pp. 2036–2048.

11. Evdokimova T.V. Analiz genezisa teoreticheskikh podhodov k ponjatiju i ocenke jeffektivnosti [Analysis of the genesis of theoretical approaches to the concept and evaluation of efficiency] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Jekonomika [Bulletin of the Tomsk State University. Economy]. — 2013. — №3. — Pp. 22–27.

12. Denisov V.T., Medvedeva Ju. P., Denisov D.D., Reznik A.E. Sushhnost' jeffektivnosti i ee povyshenie [The essence of efficiency and its increase] // Povolzhskij trgovno-jekonomicheskij zhurnal [Volga Trade and Economic Journal]. — 2010. — №3. — Pp. 6–13.

13. Considine M. The corporate management framework as administrative science: a critique // Australian Journal of Public Administration. — 1988. — Vol. 47. — №1. — P. 7–15.

14. Aucoin P. Administrative Reform in Public Management: Paradigms, Principles, Paradoxes and Pendulums // Governance. — 1990. — Vol. 3. — P. 116–128.

15. Hood C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. — 1991. — №69 (1). — P. 5–17.

Дятлов Александр Викторович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Dyatlov Alexander Viktorovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: avdyatlov@yandex.ru

Ковалев Виталий Владимирович — доктор социологических наук, профессор Института социологии и регионоведения Южного федерального университета.

Kovalev Vitaliy Vladimirovich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: vitkovalev71@gmail.com

Асланов Яков Андреевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Южного федерального университета, проректор по воспитательной работе и реализации молодежных программ. Область научных интересов: гражданско-патриотическое воспитание, молодежная политика, межнациональные отношения, кавказоведение, гармонизация межнациональных отношений.

Aslanov Yakov Andreevich — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies of the Southern Federal University, Vice-rector for educational Work and implementation of youth programs. Research interests: civil and patriotic education, youth policy, interethnic relations, Caucasian studies, harmonization of interethnic relations.

346500, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 346500, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: aslanov@sfnedu.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-4-36-44

**ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ:
АКТОРЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ, РИСКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕКОМПЕТЕНТНОСТИ**

© 2021 г. *Е. В. Загороднюк, Н. С. Иваненко*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью заявленной статьи является анализ функциональной неграмотности в российском высшем образовании как уже не новой реальности, характеризующей профессиональные позиции акторов высшего образования: студентов и отчасти профессорско-преподавательского состава.

Методология исследования определяется, во-первых, пониманием функциональной неграмотности как массового явления российского общества, приобретшего характер институционализации, во-вторых, субъектностью, включением в обыденные и профессиональные стратегии акторов высшего образования алгоритма «функциональной неграмотности», в-третьих, обоснованием субъектно-деятельностной парадигмы, содержащей возможность анализа институциональных (объективных) и деятельностных (субъективных) факторов функциональной неграмотности.

Результаты исследования. Функциональная неграмотность в широком социальном контексте стала следствием формирования парадоксального человека, в котором существуют противоречивые явления на уровне расхождения между декларируемыми позициями и схемами практической деятельности. В контексте развития отечественного высшего образования происходит смещение приоритетов на количественные показатели дипломированных специалистов и моду на рыночные профессии как наиболее привлекательные для будущих студентов. Авторы статьи делают вывод, что функциональная неграмотность, которая содержит деструктивное влияние на траекторию развития высшего образования, закрепляя заниженные когнитивные и профессиональные установки акторов высшего образования, не станет «исчезнувшей» в среднесрочный период, поскольку для прохождения точки перелома требуются системные структурные и функциональные изменения.

Ключевые слова: функциональная неграмотность; отечественное высшее образование; акторы высшего образования; массовые профессии; рыночные профессии; функциональный специалист.

**FUNCTIONAL ILLITERACY: ACTORS OF HIGHER EDUCATION,
RISKS OF EDUCATIONAL AND PROFESSIONAL INCOMPETENCE**

© 2021 *E. V. Zagorodnyuk, N. S. Ivanenko*

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the stated article is to analyze functional illiteracy in Russian higher education as no longer a new reality that characterizes the professional positions of actors of higher education: students and, in part, the teaching staff.

The methodology of the research is determined, firstly, by the understanding of functional illiteracy as a mass phenomenon of Russian society, which has acquired the character of institutionalization, secondly, by the subjectivity, the inclusion of the «functional illiteracy» algorithm in the everyday and professional strategies of higher education actors, and thirdly, by the justification of the subject-activity paradigm, which contains the possibility of analyzing institutional (objective) and activity (subjective) factors of functional illiteracy.

The results of the study. Functional illiteracy in a broad social context has become a consequence of the formation of a paradoxical person, in which there are contradictory phenomena at the level of discrepancy between the declared positions and schemes of practical activity. In the context of the development of domestic higher education, there is a shift in priorities to the quantitative indicators of certified specialists and the fashion for market professions as the most attractive for future students. The authors of the article conclude that functional illiteracy, which contains a destructive influence on the trajectory of higher education development, fixing the underestimated cognitive and professional attitudes of higher education actors, will not «disappear» in the medium term, since systemic structural and functional changes are required to pass the turning point.

Key words: *functional illiteracy; domestic higher education; actors of higher education; mass professions; market professions; functional specialist.*

Постановка проблемы. В российском высшем образовании становится очевидным, что на состояние качества, перспективы развития высшего образования в России влияет функциональная неграмотность, то явление, которое российский социолог Ж. Т. Тощенко определяет как отсутствие образовательной подготовки и, что более важно, как неразвитость навыков и способностей к самообразованию [8]. Будущее высшей школы измеряется новыми поколениями акторов высшего образования: студентами и профессорско-преподавательским составом. Изменился состав и уровень образовательной подготовки будущих студентов, что связано с влиянием социально-дифференцирующих, социально-территориальных, социально-профессиональных факторов. Функциональная неграмотность на этом уровне проявляется в расхождении между формальным соответствием образовательным нормам высшей школы и уровнем образовательной компетентности, необходимой для успешного прохождения профессиональной социализации.

Это выявляется в том, что, во-первых, будущие студенты ориентируются в основном на «диплом», а не на «знание», то есть не включают в приоритеты своей учебно-про-

фессиональной деятельности когнитивный (познавательный) интерес, определяющий повышение грамотности как алгоритм деятельности. Такой ситуации способствует сложившийся в российском обществе образовательный дискурс, в котором важной является нуминационная (элективная) функция высшего образования и восприятие по критериям «стилистики»: модности, престижности, доходности. Грамотность в этом контексте является необязывающим компонентом и рассматривается акторами высшего образования в качестве идеального, а не работающего конструкта. Во-вторых, это является следствием того, что мы обозначили как спад когнитивного интереса будущих студентов, конвертация образовательных стандартов в защитные механизмы профессиональной некомпетентности. То есть акторы высшего образования определяют свое отношение к профессиональной социализации как признание «модальных» образовательных стандартов, того, что необходимо для прохождения обучения, но не ориентирует на самообразование. В-третьих, информатизация высшего образования не только открыла новые возможности для освоения профессии, но и создала риски внедрения «клипового мышления», использование информационных

технологий для замещения образования и самообразования, снижения интереса к повышению профессиональной квалификации [1].

Таким образом, актуальность данной проблемы для развития высшего российского образования, связанная с анализом реальных сложностей функциональной неграмотности в российском образовании, является обоснованной. Следует учитывать различия между функциональной неграмотностью и функциональной безграмотностью, так как функциональная неграмотность определяется объектно-субъектными параметрами высшего образования, в то время как функциональная безграмотность является следствием процессов институционального и коммуникативного характера. Функциональная безграмотность определяется снижением качества социального взаимодействия в общественной жизни и в тенденции маргинализации профессионального статуса, потерей доверия к профессионализму как общественной ценности. Это важные моменты, которые должны найти место в общественной дискуссии, но не входят в проблематику нашей статьи, ориентированной на функциональную неграмотность акторов высшего образования, которые могут быть или не быть функционально неграмотными в зависимости от запроса на функциональную грамотность, динамику рынка труда, конвертации экономического и социального капитала. Иными словами, функциональная неграмотность является барьером на пути профессиональной ориентации и профессиональной регуляции и саморегуляции. Российские исследователи, отмечая неоднозначность процесса цифровизации в российском обществе, признают, что необходимость вхождения России в русло технологической революции находит наибольшую поддержку и понимание в сфере науки и образования [5]. Однако необходимым условием становится цифровая грамотность акторов образования, что акцентирует внимание на функциональной грамотности, общеобразовательной компетенции как набора знаний и умений, необходимых для эффективного использования цифровых технологий. Возникает замкнутый круг: акторы высшего образования с уровнем функциональной неграмотности не могут в перспективе претендовать на рост профессиональной карьеры, и в то же время

функциональная неграмотность не позволяет использовать ресурсы самообразования и перехода на стабильные когнитивные практики.

Методология исследования. В рамках изучаемого явления функциональной неграмотности важно посмотреть на нее, как на новую социальную реальность, требующую интерпретации новых социальных фактов в сфере высшего образования. Исходя из этого положения, можно говорить о том, что здесь вполне уместна схема деления на «объективистов» и «деятельностников». Это вмещается в рамки социологической классики, делая необходимым понимание того, что функциональная неграмотность не является результатом системных изменений, ориентируя на структуры деятельности акторов высшего образования.

Если мы попытаемся сформулировать методологический выбор на основании исследования функциональности/дисфункциональности высшего образования, исследовательские усилия направляются на анализ процессов профессионального воспроизводства в системе высшего образования, перспектив устройства выпускников высшей школы, реализации социальных функций высшего образования. Это является источником социально полезной информации, но функциональная неграмотность объективируется, становится структурным обстоятельством, не зависимым от акторов высшего образования.

На наш взгляд, функциональная неграмотность является субъективным индикатором, отражающим реальные схемы восприятия и оценки высшего образования в российском обществе. Действительно, несмотря на внешний сохранившийся фон позитивного отношения к высшему образованию как базовому условию жизненной карьеры, к социальному ресурсу личности, есть два обстоятельства, которые обращают наше внимание на субъектно-деятельностную методологию [2]. Первое связано с изменением отношения к высшему образованию как способу получения диплома, отсюда принятие формулы доступного и экономного образования, позволяющего пройти курс профессиональной социализации без формирования способностей к самостоятельной профессиональной подготовке. Второе: функциональная негра-

мотность закрепляет привычку обходиться без сложных схем и решений, пользоваться существующими функциональными, эквивалентными знаниями, тем, что является обязательным в учебных программах и курсах. Такая ситуация приводит к тому, что вымывается слой функционально-компетентных преподавателей как акторов высшего образования, тех, кто реально в состоянии вводить новые учебные курсы и программы и быть референтами для студенческой молодежи в этом направлении.

Поэтому методология исследования основывается на принятии субъектно-деятельностного подхода, содержащего критерии функциональной грамотности/неграмотности акторов высшего образования как субъектов образовательно-профессиональной деятельности, способности к самообразованию и усложнению образовательных программ, отношение к вопросам, стимулирующим профессиональное творчество, готовность к профессиональной социализации на уровне совместных профессиональных и деловых коммуникаций в том, что называется преодолением избыточной индивидуализации высшего образования.

Таким образом, методология исследования определяется тремя моментами: во-первых, пониманием функциональной неграмотности как массового явления российского общества, приобретшего характер институционализации, во-вторых, субъектностью, включением в обыденные и профессиональные стратегии акторов высшего образования алгоритма «функциональной неграмотности», в-третьих, обоснованием субъектно-деятельностной парадигмы, содержащей возможность анализа институциональных (объективных) и деятельностных (субъективных) факторов функциональной неграмотности.

Материалы исследования. Функциональная неграмотность акторов высшего образования в российском обществе с одной стороны является следствием глобальных изменений, с другой — результатом специфических российских обстоятельств. На глобальном уровне функциональная неграмотность характеризуется изменением в характере жизнедеятельности миллионов людей, вовлеченных в процесс использова-

ния дешевого, неквалифицированного труда и формирования у индивида «исполнительских» качеств, не требующих формирования широких профессиональных горизонтов.

В российском контексте функциональная неграмотность воспроизводится в условиях коммерциализации образовательных услуг, изменения набора профессий, что связано с понижением авторитета сложных профессий, требующих профессиональной грамотности и постановки на «конвейер» краткосрочной профессиональной подготовки в сфере менеджмента и услуг.

Эти факторы отражаются в настроении акторов высшего образования, что подтверждается результатами актуальных социологических исследований, фиксирующих на протяжении длительного пятилетнего периода рост профессиональных предпочтений будущих студентов, определяемых оценкой субъективных шансов как достаточных для освоения несложной профессии. Если еще два десятилетия назад мы могли быть свидетелями хотя и падающего, но постоянного интереса к высшей школе как источнику знаний, нынешние два постсоветских поколения молодежи определяют свое отношение к высшему образованию прагматически, проводят разделение между социальным взрослением, связанным с поиском самостоятельных заработков и возможностью обретения жизненных благ, и высшей школой, где студент вынужден выполнять субдоминантные функции, соблюдать нормы образования, связанные с прохождением процедур аттестации (номинации), демонстрировать соблюдение правил образовательной деятельности и, что не менее важно, находиться в состоянии формальной лояльности по отношению к профессорско-преподавательскому составу, который по совокупности объективных факторов нацелен на сохранение и расширение состава студенчества, что обеспечивает необходимую учебную нагрузку и сохранение ставок. Показатели качества образования если и проявляются, то на уровне введения инновационных программ и курсов, требующих ревидии знаний и способностей акторов высшего образования. Однако эффект «новизны» действует в течение 2–3 лет согласно правилу адаптации, необходимости совместимости старых и новых программ в рамках воспро-

изводства институциональных параметров высшей школы. В глобальном пространстве получил распространение лозунг «формирование общества, основанного на знании». Подчеркивается, что знание является одним из ключевых факторов развития [9]. Однако, провозглашенная позиция, отмечая повсеместное повышение мобильности квалифицированных людских ресурсов, проходит мимо проблемы функциональной неграмотности, формирующейся как раз в рамках разрыва между потребностью в квалифицированных ресурсах и механизмов воспроизводства функциональной неграмотности как следствие ресурсного неравенства общества.

Чтобы формировались новые институциональные практики акторов высшего образования, требуется консенсус относительно целей и задач российской высшей школы, но по усмотрению попытки реформирования определяются функциональными соображениями (финансовыми, организационными, структурными): в сложившемся контексте функциональная неграмотность открыто не приветствуется, но допускается, так как создает фон резистентности изменениям, способным кардинально пересмотреть требования и нормы высшего образования [4]. Однако, если обратиться к динамике возрастной структуры высшего образования, можно отметить, что с 90-х годов XX века углубляется тенденция «старения» профессорско-преподавательского состава, и одним из следствий можно считать распространение функциональной неграмотности, связанное с тем, что одновременно действуют факторы на довершение профессиональной карьеры и рост неподъемных расходов для профессорско-преподавательского состава, связанных с обретением новой литературы, компьютерной техники, дороговизной проживания в крупных городах, где проводятся курсы повышения профессиональной квалификации [7].

Судя по результатам социологических исследований, интерес акторов высшего образования к профессиональному росту не исчез, напротив, он усиливается в связи с процессами информатизации и дигитализации высшего образования. Однако при этом отмечается скептицизм относительно судеб профессионального образования, поскольку респонденты отмечают отставание препода-

вателей от новейшей литературы, неспособность наладить новые формы коммуникаций со слушателями, сформировать представления о динамике преобразования в высшей школе.

Как отмечают авторы специализированного исследования по профессиональной компетентности в российском высшем образовании, для них приоритетной является разработка компетентностного подхода, обеспечивающего формирование базовых и инструментальных компетенций [10]. Но, на наш взгляд, к данной позиции необходимо относиться без восторга и с критической оценкой, поскольку вопрос о функциональной неграмотности акторов высшего образования не решается, а наоборот, уходит в сторону.

Введение дискурса компетентности высшего образования является непроработанным, связанным с механическим заимствованием зарубежных образцов. В результате накопилась масса литературы по компетенциям, и профессорско-преподавательский состав вынужден заниматься значительной бумажной работой по измерению компетентности студентов. При этом возникает еще одна проблема, связанная с тем, что показатели компетентности не стимулируют преодоление профессиональной неграмотности, то есть акторы высшего образования нацеливаются на сознательное принятие формулы сужения профессиональных и образовательных горизонтов, исходя из нормативов компетентности.

Другими словами, ситуация с компетентностями замораживает уровень функциональной неграмотности: по результатам социологических исследований можно сделать вывод о том, что новации с компетентностью в высшей школе не привели к росту образовательной и профессиональной активности, расширили сферу имитируемости показателей, и, таким образом, функциональная неграмотность акторов высшего образования как феномен воспроизводства институциональных обстоятельств закрепляется превнесением в настроения респондентов безразличия к вопросам профессиональной карьеры. По их мнению, успех профессиональной карьеры акторов высшего образования определяется различными формальными и неформальными факторами, но среди них владение компетенциями не означает

профессиональной компетентности. Являясь формой отчетности, «графа компетентности» входит в статус нормы, не нацеливая на самообразование студентов и профессорско-преподавательский состав. Результаты многолетних исследований М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги показывают, что для определения перспектив молодежи важной является реализация ею своей роли как субъекта воспроизводства социальной структуры. Следовательно, интерес представляют позиции молодежи относительно шансов в образовании, и, как отмечают авторы исследования, социокультурный барьер влияет на ограничение доступа к функциональной грамотности, т.е. студенты (а речь идет о сфере среднего профессионального образования) делают вынужденный образовательный выбор (83 % студентов СПО учились в средней школе) [2]. Важно, что ситуация неравенства жизненных шансов формирует функциональную неграмотность, когда невостребованным является такое профессиональное образование, которое перспективно для воспроизводства статуса родителей или восходящей социальной мобильности. Вероятно, для того чтобы выявить условия, позволяющие определить стратегию нейтрализации функциональной неграмотности в высшем образовании, должна быть разработана система мер, связанная с поддержанием эффективности работы вузов в целом и формирования потребности в профессионализме у подавляющего большинства акторов высшего образования [10].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в пространстве отечественного высшего образования наблюдаются разнонаправленные тенденции. С одной стороны, проявляются показатели функциональной неграмотности, что связано с совокупностью обстоятельств, среди которых решающее влияние имеют социальные парадоксы, расхождение между реальными шансами претендентов и действующих акторов в системе высшего образования и формальное образовательное равенство, которое внешне уравнивает шансы акторов, исходя из формулы гражданских прав, но вместе с тем «камуфлирует» разность семейного капитала. С другой стороны, есть тренд роста сложной профессиональной подготовки, определяемой потребностью в высококвалифицированных

социальных нишах, особенно в контексте формирования информационного сектора экономики, процессов, связанных с функциональной грамотностью, способностью применить знания, и не только информационного свойства, для профессиональной карьеры.

Функциональная неграмотность воспроизводится как следствие «лага» между равенством по желаниям и неравенством по возможностям, то есть акторы высшего образования допускают функциональную неграмотность или отстраняются от противодействия ее влиянию, если для них очевидно, что шансы на высокий профессионализм исчезают или не закрепляются в контексте востребованности на понижение качества знаний, на исполнение деятельности, содержащей набор алгоритмов, влияющих на акторов высшего образования как «сигнал» к тому, чтобы большую часть не накапливать, а освободиться от них как бесполезных, а иногда мешающих, заменяемых ими, профессиональных позиций.

Казалось бы, это противоречит культуре знаний высшей школы, что характеризуют саму сущность высшего образования именно как высшего, а не среднего и базового. Однако здесь нет ничего удивительного, так как современная высшая школа во многом потеряла черты академичности, перестала быть «инкубатором» талантов, нацелена на адаптивные профессиональные схемы, которые могут выглядеть внешне нецелесообразными, но основываются на логике востребованности того, что в современном мире ведущий тренд имеет массу неквалифицированного труда. Сразу же оговоримся, что современный неквалифицированный труд имеет несколько иное содержание и смысл, чем традиционный, связанный преимущественно с тяжелой физической работой (эффект грузчика). Для современного неквалифицированного труда, определяемого функциональной неграмотностью, свойственна актуализация технологических и актуальных факторов, но в секвестированном формате, экономии на формировании знаний и способностей, создающих завышенные ожидания акторов высшего образования, что приводит к социальной фрустрации.

Ныне характер функциональности социальных акторов предполагает все больше

импровизации и практически ограничен, по мнению П. Бурдые, только игабитусами — социальным опытом, определяющим predisposition к действию [3]. Смысл этого положения состоит в том, что функциональность социальных акторов есть соответствие функциональной грамотности, то есть способности исполнять набор предписанных профессиональных действий, но как отмечается, актуализируются механизмы импровизации, то есть ухода от predisposition, исходя из формулы опыта, социальной доксы.

Именно переход от ортодоксальности как меры знания определяет позиции акторов высшего образования, для которых академические знания не являются ни стартовой площадкой профессиональной карьеры, ни тем незаменимым пакетом знаний на «все ситуации и случаи». Актор высшего образования обязан быть функциональным, то есть не сопротивляться закрепившимся стандартам передачи и переработки знаний, но в процессе их усвоения более привлекательным оказывается импульс интерпретации, возможности адаптации к социальному опыту, к тому, что социальный опыт «селекционирует» знания, выстраивает в определенную иерархию востребованности, и объективно актор высшего образования принимает функциональную неграмотность как условие интерпретации знаний [6]. Взятый в 90-е годы XX века курс на осовременивание российского высшего образования, на наш взгляд, имея неразработанность механизмов перехода от высшего образования индустриального типа, предусматривающего в качестве требования выпуск массовых функциональных специалистов, привел к установке на «рыночные» профессии (менеджеры, юристы, экономисты). Однако произошла девальвация профессиональных знаний, так как в процесс конкурентности за будущих студентов вступили вузы, не имеющие либо опыта профессиональной подготовки, либо условий для формирования профессиональных специалистов.

Выводы. Как результат, наметилась тенденция снижения качества образовательных стандартов, что являлось объяснимым в условиях ограниченности финансовых, кадровых и временных ресурсов для перестройки

высшего образования, и переключение внимания не на качество знаний, а на количество студентов и доступ к финансовым ресурсам. В этом смысле функциональная неграмотность перестала восприниматься как явление, обозначающее кризис высшего образования, так как приоритеты высшего образования определялись и до сих пор определяются количественными показателями и не содержат стимула для перехода к системе целенаправленной функциональной грамотности в ее современном смысле. Функциональная неграмотность не вызывает раздражения и неприятия, соответствуя общему спаду образовательной подготовки в российском обществе. Учитывая, что в отечественном высшем образовании сложилась дифференциация на элитные вузы, работающие на перспективу высокой профессиональной карьеры, и вузы, ориентированные на критерии доступности высшего образования, нельзя ожидать скорейшего поворота высшей школы к требованиям функциональной грамотности, к тому, чтобы в новых экономических условиях акторы высшего образования являлись группой, референтной в рамках нейтрализации ограничения деструктивных влияний функциональной неграмотности. В лучшем случае, мы можем стать свидетелями затяжного процесса «дрейфа» к берегам функциональной неграмотности, которая является смягченным вариантом снижения качества отечественного высшего образования.

Литература

1. Актуальные проблемы образования: Сборник научных трудов / Науч. ред. Д.Л. Константиновский, Г.А. Чередниченко. — М.: Реглант, 2003. — 232 с.
2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований: монография. — М.: ФНИСЦ РАН, 2020. — 688 с.
3. Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени»: востребованность гуманистического поворота: монография. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 342 с.
4. Малинкович В.Д. Век вывихнут... Распалась связь времен. — М.: ИГПИ, 2008. — 352 с.

5. Россия: многообразие культур и глобализация / Ответ. ред. И. К. Лисеев. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2010. — 448 с.

6. Сорокина Н.Д. Образование в современном мире (социологический анализ): монография. — М.: «Экономика и финансы», 2004. — 224 с.

7. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М. К. Горшков, Н. Е. Тихонова. — М.: Весь Мир, 2018. — 312 с.

8. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. — М.: Гардарики, 2001. — 398 с.

9. Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы / Пер. с англ. А. Сальникова. — М.: «Весь Мир», 2003. — 232 с.

10. Quality, Social Justice and Accountability in Education Worldwide / BCES Conference Books. — 2015. — Vol. 13. — №2. — 208 p.

References

1. Aktual'nye problemy obrazovaniya: Sbornik nauchnykh trudov [Actual problems of education: Collection of scientific works] / Nauch. red. D. L. Konstantinovskij, G. A. Cherednichenko [In D. L. Konstantinovskij, G. A. Cherednichenko (eds.)]. — Moscow: Reglant, 2003. — 232 p.

2. Gorshkov M. K., Sheregi F. Je. Molodezh' v zerkale sociologii. K itogam mnogoletnih issledovanij: monografija [Youth in the mirror of sociology. To the results of long-term research: monograph]. — Moscow: FNISC RAN, 2020. — 688 p.

3. Kravchenko S. A. Sociologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»: vstrebovannost'

gumanisticheskogo povorota: monografija [Sociological knowledge through the prism of the «arrow of time»: the demand for a humanistic turn: monograph]. — Moscow: MGIMO-Universitet, 2015. — 342 p.

4. Malinkovich V. D. Vek vyvihnut... Rasplas' svjaz' vremen [The century is dislocated... The connection of times has broken up]. — Moscow: IGPI, 2008. — 352 p.

5. Rossiya: mnogoobrazie kul'tur i globalizatsiya [Russia: diversity of cultures and globalization] / Otvet. red. I. K. Liseev [In I. K. Liseev (eds.)]. — Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2010. — 448 p.

6. Sorokina N. D. Obrazovanie v sovremenom mire (sociologicheskij analiz): monografija [Education in the modern world (sociological analysis): monograph]. — Moscow: «Jekonomika i finansy», 2004. — 224 p.

7. Stolitsy i regiony v sovremennoj Rossii: mify i real'nost' pjatnadcat' let spustja [Capitals and regions in modern Russia: myths and reality fifteen years later] / Otvet. red. M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova [In M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova (eds.)]. — Moscow: Ves' Mir, 2018. — 312 p.

8. Toshhenko Zh. T. Paradoksal'nyj chelovek [Paradoxical man]. — Moscow: Gardariki, 2001. — 398 p.

9. Formirovanie obshchestva, osnovannogo na znanijah. Novye zadachi vysshej shkoly [Formation of a knowledge-based society. New tasks of the higher school] / Per. s angl. A. Sal'nikov [Translated from the English by A. Salnikov]. — Moscow: «Ves' Mir», 2003. — 232 p.

10. Quality, Social Justice and Accountability in Education Worldwide / BCES Conference Books. — 2015. — Vol. 13. — №2. — 208 p.

Поступила в редакцию

21 июля 2021 г.

Загороднюк Елена Вячеславовна — кандидат технических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Zagorodnyuk Elena Vyacheslavovna — Candidate of Engineering Sciences, Associate Professor of the Department of «Social and Humanitarian Sciences», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346411, г. Новочеркасск, ул. Народная, 62/2, кв. 57
62/2 Narodnaya st., app. 57, 346411, Novocherkassk, Russia
E-mail: zagor-e.v@yandex.ru

Иваненко Наталия Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Сфера научных интересов — социология молодежи, процессы дифференциации в молодежной среде, социальная помощь и социальная поддержка молодежи, деловые коммуникации в сфере бизнеса и предпринимательства.

Ivanenko Natalia Sergeevna — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — sociology of youth, processes of differentiation among youth, social assistance and social support for youth, business communications in the field of business and entrepreneurship.

346429, г. Новочеркасск, ул. Красный Спуск, 30, кв. 6
30 Krasny Spusk st., ap. 6, 346429, Novocherkassk, Russia
E-mail: 79043483051@yandex.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-4-45-52

**ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КВАЛИФИКАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЕЖИ
РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ОЦЕНКАХ РАБОТОДАТЕЛЕЙ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА)**

© 2021 г. А. А. Залевская

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия**

Целью исследования является оценка профессионально-квалификационного потенциала молодежи Ростовской области — выпускников высших учебных заведений. Актуальность данной проблематики обосновывается значительными сложностями, с которыми сталкивается молодежь в период первого трудоустройства после получения профессионального образования. Результатом этих сложностей является рост числа выпускников вузов Ростовской области, работающих не в рамках полученной профессии и квалификации.

Эмпирическую базу исследования представляют результаты экспертного опроса, проведенного с руководителями, заместителями руководителей и руководителями кадровых служб крупных региональных предприятий Юга России. В число предприятий, выбранных для проведения экспертного опроса, вошли завод «Актис» (г. Новочеркасск), Волгодонский филиал ОАО «АЭМ-технологии» завод «Атоммаш» (г. Волгодонск), ОАО «НИПИгазпереработка» (г. Краснодар), ООО «Нестле Кубань» (г. Тимашевск), КЗ ОАО «Ростсельмаш» (г. Ростов-на-Дону). Общее количество опрошенных экспертов составило 23 человека.

Результаты исследования. В ходе опроса, ориентированного на выявление мнения работодателей об уровне удовлетворенности теоретической и практической подготовки молодых специалистов, актуальности полученных ими теоретических и практических знаний и умений, умении применять теоретические и практические знания в процессе трудовой деятельности, а также коммуникативных и личностно-деловых качеств вышедших на рынок труда молодых работников были получены результаты, свидетельствующие о несоответствии современных образовательных программ вузов экономическим реалиям рынка труда и запросам работодателей относительно профессионального уровня и квалификационных характеристик молодых специалистов.

Перспективу исследования составляет вывод о необходимости подготовки молодых специалистов в концептуальных границах транспрофессионализма, предполагающих возможность расширения радиуса профессиональной деятельности на основе базовых профессиональных компетенций и квалификационных характеристик, соответствующих выбранной сфере профессиональной деятельности. Такой подход позволит молодым специалистам поддерживать уровень конкурентоспособности, адекватный вызовам динамично меняющегося рынка профессионального труда.

Ключевые слова: молодежь; молодые специалисты; профессионально-квалификационный потенциал; рынок труда; работодатели.

**PROFESSIONAL AND QUALIFICATION POTENTIAL OF THE YOUTH
OF THE ROSTOV REGION IN THE ASSESSMENTS OF EMPLOYERS
(BASED ON THE MATERIALS OF AN EXPERT SURVEY)**

© 2021 A. A. Zalevskaya

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is to assess the professional and qualification potential of the youth of the Rostov region-graduates of higher educational institutions. The relevance of this problem is justified by the significant difficulties faced by young people during the first employment after receiving professional education. The result of these difficulties is an increase in the number of graduates of universities of the Rostov region who work not within the framework of their profession and qualifications.

The empirical basis of the study is the results of an expert survey conducted with managers, deputy managers and heads of personnel services of large regional enterprises of the South of Russia. The enterprises selected for the expert survey included the Aktis plant (Novocherkassk), the Volgodonsk branch of JSC AEM-Technologies, the Atom mash plant (Volgodonsk), JSC NPIgazpererabotka (Krasnodar), LLC Nestle Kuban (Timashevsk), the Rostselmash plant (Rostov-on-Don). The total number of experts interviewed was 23 people.

The results of the study. During the survey, aimed at identifying the opinion of employers about the level of satisfaction with the theoretical and practical training of young specialists, the relevance of the theoretical and practical knowledge and skills they have received, the ability to apply theoretical and practical knowledge in the course of work, as well as the communicative and personal and business qualities of young workers who have entered the labor market, the results were obtained, evidence of the inconsistency of modern educational programs of universities with the economic realities of the labor market and the requests of employers regarding the professional level and qualification characteristics of young specialists.

The perspective of the study is the conclusion that it is necessary to train young specialists within the conceptual boundaries of transprofessionalism, suggesting the possibility of expanding the radius of professional activity on the basis of basic professional competencies and qualification characteristics corresponding to the chosen field of professional activity. This approach will allow young professionals to maintain a level of competitiveness adequate to the challenges of a dynamically changing professional labor market.

Key words: youth; young specialists; professional and qualification potential; labor market; employers.

Введение. Профессионально-квалификационный потенциал молодежи как предмет социологической рефлексии представляет собой актуальное, но недостаточно изученное явление. В основном представители социологической и экономической науки (зачастую на стыке этих наук) обращаются к изучению профессионально-квалификационного потенциала (ПКП) в рамках исследования отдельных предприятий и их персонала [1, 2].

Работ, в которых ПКП анализируется в молодежной контексте с точки зрения динамики социально-трудовых отношений и реалий современного рынка труда в регионах России, пока крайне недостаточно [3, 4], чего не скажешь об относительно близких к данной проблематике направлениях, связанных с изучением трудовой социализации молодежи [5, 6], особенностями ее профессионализации [7, 8], типов профессиональной мо-

бильности [9–11], адаптации на рынке труда [12, 13], в том числе в формате нестандартной занятости [14].

Анализ имеющейся литературы и массива эмпирических данных позволяет констатировать, что, с точки зрения работодателей, молодежь, выходящая на рынок труда после получения профессионального образования, характеризуется недостаточно высоким уровнем профессиональных знаний и навыков, несоответствием полученной квалификации реалиям профессиональной деятельности и требованиям, которые к ней предъявляются сегодня.

В этой связи чрезвычайно остро встает вопрос о профессионально-квалификационном потенциале молодежи, формируемом в образовательном пространстве и проявляющемся в ресурсных возможностях молодого специалиста в области труда в соответствии с полученным профессиональным образованием и присвоенной квалификацией, предполагающими наличие определенных профессиональных компетенций, мотивационных установок в отношении к труду и профессиональной деятельности, а также способности и готовности к профессиональному росту в траектории реализации креативного и инновационного подхода в профессиональном развитии.

На данном основании и были выстроены ключевые индикаторы профессионально-квалификационного соответствия молодежи требованиям рынка труда: соответствие теоретических знаний занимаемой должности/квалификации, соответствие практических знаний занимаемой должности/квалификации, умение применять теоретические знания в профессиональной деятельности, умение применять практические знания в профессиональной деятельности, стремление к профессиональному совершенствованию, способность налаживать контакты с коллегами/руководством, строгое соблюдение внутренней дисциплины и корпоративной этики, умение работать в нестандартной ситуации.

Описание эмпирического инструментария. Для реализации основной задачи данного исследования, связанной с оценкой профессионально-квалификационного потенциала молодежи Ростовской области, ис-

пользуется массив эмпирических данных, полученных в ходе экспертного опроса, проведенного с руководителями, заместителями руководителей и руководителей кадровых служб крупных региональных предприятий Юга России. В число предприятий, выбранных для проведения экспертного опроса, вошли завод «Актис» (г. Новочеркасск), Волгодонский филиал ОАО «АЭМ-технологии» завод «Атоммаш» (г. Волгодонск), ОАО «НИПИгазпереработка» (г. Краснодар), ООО «Нестле Кубань» (г. Тимашевск), КЗ ОАО «Ростсельмаш» (г. Ростов-на-Дону). Общее количество опрошенных экспертов составило 23 человека.

В ходе опроса ставились задачи определить уровень удовлетворенности работодателей теоретической и практической подготовкой молодых специалистов, актуальностью полученных ими теоретических и практических знаний и умений, умением применять теоретические и практические знания в процессе трудовой деятельности, а также коммуникативными и личностно-деловыми качествами вышедших на рынок труда молодых работников.

Результаты экспертного опроса. Анализ результатов экспертного опроса позволил сделать ряд выводов об уровне удовлетворенности работодателей теоретической и практической подготовленностью молодых специалистов, а также об их коммуникативных и лично-деловых качествах.

Прежде всего, экспертам было предложено оценить уровень теоретической и практической подготовки молодых специалистов по 5-балльной шкале от 1 («абсолютно не удовлетворен») до 5 («полностью удовлетворен»). Согласно данной шкале, если средний балл превышает значение «3», это свидетельствует о положительном балансе уровня удовлетворенности, если меньше — об отрицательном. Показатель средней оценки удовлетворенности работодателей теоретической подготовкой молодых специалистов составил 3,0, а показатель средней оценки удовлетворенности практической подготовкой — 2,3, что свидетельствует об отрицательном уровне удовлетворенности.

Интегральные индексы соответствия теоретических и практических знаний умению

применять их в профессиональной деятельности приведены в таблице 1. Полученные данные также говорят нам об отрицательном уровне удовлетворенности работодателей подготовкой молодых специалистов. В основном это касается практической подготовки, умения применять практические знания в трудовой деятельности и актуальности практических знаний.

В отличие от оценки теоретической и практической подготовки молодых специалистов, которая, как мы показали выше, носит неудовлетворительный характер, оценка работодателей относительно внутреннего потенциала молодых специалистов в формате стремления к саморазвитию, способности к самообучению и профессиональному совершенствованию имеет положительный вектор (табл. 2).

Результаты опроса экспертов также показали, что согласно мнению работодателей квалификация в дипломе имеет общепрофессиональную подготовку и не совпадает с реальными профессиональными/должност-

ными требованиями (90,8%). На предприятиях, принявших участие в мониторинге, функционируют учебные центры, позволяющие «доподготавливать» выпускников вузов по разным учебным программам и получить специалиста нужной квалификации, с определенным набором знаний умений и навыков. Программы обучения молодых специалистов направлены на практикоориентированный рост профессиональной эрудиции, навыков профессионального мышления и компетенций. Более того, в данных компаниях используется тактика наставничества — так поступает 80% опрошенных нами экспертов, справедливо полагающих, что без нее невозможно вырастить высококвалифицированного специалиста.

В ходе опроса 64,3% экспертов отметили, что подготовка по необходимым для них специальностям практически не осуществляется и российский рынок образовательных программ, например, инженеров-проектировщиков, способных решать сложные прикладные производственные задачи, крайне

Таблица 1

Интегральные индексы удовлетворенности работодателей теоретической и практической подготовкой молодых специалистов

Критерии удовлетворенности	Интегральный индекс
Уровнем теоретической подготовки	3
Уровнем практической подготовки	2,3
Соответствием теоретических знаний занимаемой должности/квалификации	3,3
Соответствием практических знаний занимаемой должности/квалификации	2,8
Умением применять теоретические знания в профессиональной деятельности	2,7
Умением применять практические знания в профессиональной деятельности	2,1
Актуальностью теоретических знаний и умений	3,4
Актуальностью практических знаний и умений	2,2

Таблица 2

Интегральные индексы удовлетворенности работодателей стремлением к обучению

Уровень удовлетворенности	Интегральный индекс
Стремление к самообразованию	4
Способностью к самостоятельному обучению	3,1
Стремление к профессиональному совершенствованию	3,2

беден. Эксперты считают, что современные образовательные программы излишне теоретизированы и оторваны от жизни, экономических и производственных реалий, в результате чего выходящим на рынок труда выпускникам образовательных учреждений не хватает практических навыков и умений.

Данная проблема, по мнению экспертов, должна решаться путем усиления практико-ориентированной составляющей образовательного процесса и образовательных программ, и 70% экспертов выразили готовность принимать в своих компаниях/предприятиях студентов для прохождения практик с предоставлением необходимой технической базы для обучения. Кроме того, 62,3% экспертов, которые в нашем исследовании представляют руководящий состав предприятий, готовы выплачивать наиболее перспективным и талантливым студентам стипендии во время прохождения практики с последующим принятием на работу (после окончания обучения).

Такая стратегия поведения работодателей имеет свое объяснение. Дело в том, что за счет собственной учебной базы предприятия покрывают текущую потребность в кадрах лишь на 55–60% — так считает 75,4% экспертов. Данная ситуация, по их мнению, негативно сказывается на перспективах производственного развития, что и обуславливает необходимость выстраивания эффективной системы взаимодействия предприятий с вузами. Среди форм взаимодействия в системе «работодатель — вуз» в качестве наиболее перспективных эксперты выделили следующие: проведение совместных конференций, «круглых столов», мастер-классов, экскурсий, ярмарок вакансий.

Опрос показал, что основной кадровой проблемой для предприятий Ростовской области является нехватка рабочих специальностей. Эту проблему в качестве актуальной и болезненной отметило 88,4% экспертов, которые также выделили дефицит на своих предприятиях таких специалистов, как технолог, инженер-конструктор, специалист по управлению качеством, специалист технического контроля и надзора, промышленной безопасности, по управлению проектами, управленческих кадров на производстве.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что на региональном рынке труда ощу-

щается реальная нехватка высококвалифицированных кадров, и этим объясняется следующий факт: 89,7% экспертов в нашем опросе отметили, что занимаются профессиональным «доучиванием» молодых специалистов в собственных учебных центрах и только через 2–3 года после окончания вуза и обучения по определенным образовательным программам предприятия получают готового специалиста, способного самостоятельно решать сложные производственные задачи и соответствовать конкретным квалификационным требованиям.

Выводы. Таким образом, современные образовательные программы вузов, если отталкиваться от мнения работодателей, не соответствуют экономическим реалиям рынка труда и не способны обеспечить реальный сектор экономики квалифицированными кадрами. Тем не менее, далеко не все эксперты готовы прогнозировать потребность в кадрах на среднесрочную перспективу, что остро ставит вопрос как перед сектором рынка труда в лице его ключевых субъектов, так и перед системой высшего образования, лишенной четких ориентиров планирования подготовки квалифицированных кадров и вынужденной работать в логике рыночной конъюнктуры, чтобы «выжить» в условиях жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг.

Работодатели вынуждены доучивать молодых специалистов в соответствии с собственными требованиями и тратят деньги на уже подготовленного специалиста. Так, по данным Российского союза промышленников и предпринимателей основным барьером в ограничении производственного развития для 60% работодателей является дефицит профессиональных кадров, около 70% компаний прогнозируют риски нехватки кадров в среднесрочной перспективе [15]. В основном это касается инженерно-технических специальностей, металлообработки, контроля качества, инженеров-проектировщиков и т.д. Сегодняшние выпускники технических вузов — дипломированные специалисты с общеинженерной подготовкой, которой явно недостаточно для эффективной профессиональной самореализации в инженерной отрасли.

Стоит согласиться со словами Ю. Н. Никулиной о том, что «основной задачей современной системы образования является формирование компетентной личности, конкурентоспособной на рынке труда, способной к саморазвитию и профессиональному самоопределению» [16, с. 1268]. Данная позиция укладывается в концепцию транспрофессионализма, исходящую из того, что будущее за специалистами, готовыми к изменениям в профессиональном поле, к расширению радиуса профессиональной деятельности в формате освоения новых профессиональных компетенций, адекватных вызовам динамично меняющегося рынка профессионального труда.

Литература

1. Григорьева Э. Н. Непрерывное образование как фактор развития профессионально-квалификационного потенциала предприятия: на материалах ОАО «Татнефть»: дисс. ... канд. социол. наук. — Казань, 2007. — 188 с.
2. Клементовичус Я. Я. Оценка профессионально-квалифицированного потенциала персонала предприятий в условиях трансформирующейся экономики: дисс. ... канд. экон. наук. — СПб, 1996. — 157 с.
3. Воденко К. В., Фатеева С. В., Иванченко О. С. Институциональные основы национальной российской государственной политики в сфере развития профессионально-квалификационного и инновационного потенциала молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2018. — №10. — С. 30–35.
4. Vodenko K. V., Belasheva I. V., Zalevskaya A. A., Polshakova I. N., Tleptserishcheva S. A. The State Management of Development of the Professional and Qualification Potential in Russian Higher Education // On the Horizon. — 2019. — Vol. 27. — Issue 3. — DOI: 10.1108/OTH-07-2019-0047.
5. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории российской молодежи (на материалах социологических исследований). — М.: ЦСП и М, 2014. — 560 с.
6. Vereshchagina A., Volkov Yu., Krotov D., Ukolov R. Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse // Asian Social Science. — 2015. — Vol. 11. — №8. — Pp. 88–95. — DOI: 10.5539/ass.v11n8p88.
7. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю., Дидковская Я. В. Тренды высшего образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. — 2018. — Т. 20. — №1. — С. 152–170.
8. Потуданская В. Ф., Боровских Н. В., Кипервар Е. А. Роль профессионализации молодежи в формировании кадрового потенциала региона // Экономика труда. — 2019. — Т. 6. — №1. — С. 613–626.
9. Бекоева М. И. Развитие профессиональной мобильности студентов как условие их адаптации к изменяющимся условиям рынка труда // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — №1 (22). — С. 189–192.
10. Попова Е. С. Горизонтальная профессиональная мобильность в современных социологических исследованиях // Социологический журнал. — 2018. — Т. 24. — №3. — С. 98–116.
11. Мищенко Д. Н. Этапы профессиональной мобильности российской молодежи в эпоху глобальной информатизации: факторы риска // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 159–171.
12. Илюхин А. А., Илюхина С. В., Соловьев И. В. Проблемы адаптации молодежи на рынке труда // Интерактивная наука. — 2017. — №11. — С. 174–175.
13. Демиденко С. Ю. О некоторых факторах незанятости городской молодежи // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). — 2019. — №4. Социальная адаптация молодежи на рынке труда. — С. 7–20.
14. Голиусова Ю. В. Молодежный прекариат: проблема определения стратификационной группы // Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ) / М. К. Горшков и др.; Отв. редактор М. К. Горшков. — М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2017. — №2. Занятость молодежи в мотивационном и структурном измерении. — С. 69–74.
15. Шохин А. Более 60% российских компаний испытывают дефицит квалифицированных кадров [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://tass.ru/obschestvo/2026507>.
16. Никулина Ю. Н. Профессиональная ориентация молодежи в системе кадрового

обеспечения экономики региона // Экономика, предпринимательство и право. — 2020. — Т. 10. — №4. — С. 1263–1280. — DOI: 10.18334/epp.10.4.100895.

References

1. *Grigor'eva Je. N.* Nepreryvnoe obrazovanie kak faktor razvitiya professional'no-kvalifikacionnogo potentsiala predpriyatija: na materialah OAO «Tatneft'»: diss. ... kand. sociol. nauk [Continuous education as a factor in the development of the professional and qualification potential of the enterprise: on the materials of JSC Tatneft: Cand. Sci. (Sociology) diss.]. — Kazan', 2007. — 188 p.
2. *Klementovich Ja. Ja.* Ocenka professional'no-kvalificirovannogo potentsiala personala predpriyatij v uslovijah transformirujushhejsja jekonomiki: diss. ... kand. jekon. nauk [Assessment of the professionally qualified potential of the personnel of enterprises in the conditions of a transforming economy: Cand. Sci. (Economy) diss.]. — Saint Petersburg, 1996. — 157 p.
3. *Vodenko K. V., Fateeva S. V., Ivanchenko O. S.* Institucional'nye osnovy nacional'noj rossijskoj gosudarstvennoj politiki v sfere razvitiya professional'no-kvalifikacionnogo i innovacionnogo potentsiala molodezhi [Institutional foundations of the national Russian state policy in the field of development of professional qualification and innovative potential of youth] // Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social sciences]. — 2018. — №10. — Pp. 30–35.
4. *Vodenko K. V., Belasheva I. V., Zalevskaya A. A., Polshakova I. N., Tleptserishcheva S. A.* The State Management of Development of the Professional and Qualification Potential in Russian Higher Education // On the Horizon. — 2019. — Vol. 27. — Issue 3. — DOI: 10.1108/OTH-07-2019-0047.
5. *Cherednichenko G. A.* Obrazovatel'nye i professional'nye traektorii rossijskoj molodezhi (na materialah sociologicheskikh issledovanij) [Educational and professional trajectories of Russian youth (based on the materials of sociological research)]. — Moscow: CSP i M, 2014. — 560 p.
6. *Vereshchagina A., Volkov Yu., Krotov D., Ukolov R.* Labour socialization of young people in today's Russia: The specificity of sociological discourse // Asian Social Science. — 2015. — Vol. 11. — №8. — Pp. 88–95. — DOI: 10.5539/ass.v11n8p88.
7. *Vishnevskij Ju. R., Narhov D. Ju., Didkovskaja Ja. V.* Trendy vysshego obrazovaniya: professionalizacija ili deprofessionalizacija? [Trends in higher education: professionalization or deprofessionalization?] // Obrazovanie i nauka [Education and Science]. — 2018. — Vol. 20. — №1. — Pp. 152–170.
8. *Potudanskaja V. F., Borovskih N. V., Kiper-Var E. A.* Rol' professionalizacii molodezhi v formirovanii kadrovogo potentsiala regiona [The role of professionalization of youth in the formation of the personnel potential of the region] // Jekonomika truda [Labor economics]. — 2019. — Vol. 6. — №1. — Pp. 613–626.
9. *Bekoeva M. I.* Razvitie professional'noj mobil'nosti studentov kak uslovie ih adaptacii k izmenjajushhimsja uslovijam rynka truda [Development of professional mobility of students as a condition for their adaptation to changing labor market conditions] // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal [Baltic Humanitarian Journal]. — 2018. — Vol. 7. — №1 (22). — Pp. 189–192.
10. *Popova E. S.* Gorizontal'naja professional'naja mobil'nost' v sovremennykh sociologicheskikh issledovanijah [Horizontal professional mobility in modern sociological research] // Sociologicheskij zhurnal [Sociological Journal]. — 2018. — Vol. 24. — №3. — Pp. 98–116.
11. *Mishhenko D. N.* Jetapy professional'noj mobil'nosti rossijskoj molodezhi v jepohu global'noj informatizacii: faktory riska [Stages of professional mobility of Russian youth in the era of global informatization: risk factors] // Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 159–171.
12. *Iljuhin A. A., Iljuhina S. V., Solov'ev I. V.* Problemy adaptacii molodezhi na rynke truda [Problems of youth adaptation in the labor market] // Interaktivnaja nauka [Interactive science]. — 2017. — №11. — Pp. 174–175.
13. *Demidenko S. Ju.* O nekotoryh faktorah nezanjatosti gorodskoj molodezhi [Some of the factors of unemployment urban youth] // Informacionno-analiticheskij bjulleten' (INAB) [Information-analytical Bulletin (INAB)]. — 2019. — №4. Social'naja adaptacija molodezhi na rynke truda [Social adaptation of young people in the labour market]. — Pp. 7–20.
14. *Goliusova Ju. V.* Molodezhnyj prekariat: problema opredelenija stratifikacionnoj gruppy

[Youth precariat: the problem of determining the stratification of the group] // *Informacionno-analiticheskij bjulleten' (INAB) [Information-analytical Bulletin (INAB)]* / M.K. Gorshkov et al.; Otv. redaktor M.K. Gorshkov [In M.K. Gorshkov (eds.)]. — Moscow: Institut sociologii FNI-SC RAN, 2017. — №2. Zanjatost' molodezhi v motivacionnom i strukturnom izmerenii [Youth employment in the motivational and structural dimension]. — Pp. 69–74.

15. *Shohin A.* Bolee 60% rossijskij kompanij ispytyvajut deficit kvalificirovannyh kadrov [More than 60% of Russian companies are ex-

periencing a shortage of qualified personnel] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://tass.ru/obshchestvo/2026507>.

16. *Nikulina Ju. N.* Professional'naja orientacija molodezhi v sisteme kadrovogo obespechenija jekonomiki regiona [Professional orientation of young people in the system of personnel support of the regional economy] // *Jekonomika, predprinimatel'stvo i pravo [Economics, Entrepreneurship and Law]*. — 2020. — Vol. 10. — №4. — Pp. 1263–1280. — DOI: 10.18334/epp.10.4.100895.

Поступила в редакцию

16 июня 2021 г.

Залевская Анна Александровна — преподаватель кафедры русского языка Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова. Направление научной работы: социальная адаптация иностранных учащихся в условиях регионального вуза.

Zalevskaya Anna Alexandrovna — a Teacher of the Department of Russian Language, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). The direction of scientific work: social adaptation of foreign students in the conditions of a regional university.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: anna.zalevskaya92@mail.ru

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-4-53-56

ФОРМАЛЬНЫЕ И НЕФОРМАЛЬНЫЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ¹

© 2021 г. В. З. Зарбалиев

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является изучение действий индивида по отношению к своему здоровью с точки зрения формальных и неформальных правил.

Методологическую базу исследования составляет теория институциональных изменений Д. Норта, где выделяются формальные и неформальные правила и механизмы принуждения.

Результаты исследования. Выделение формальных и неформальных здоровьесберегающих практик позволило выявить эффективность их воспроизводства в конкретных жизненных ситуациях. Делается вывод, что в отдельных случаях высокая степень предрасположенности к неформальным здоровьесберегающим практикам базируется на стремлении индивида играть более самостоятельную роль по отношению к своему здоровью.

Ключевые слова: формальные практики; неформальные практики; здоровьесбережение; институциональный подход.

FORMAL AND INFORMAL HEALTH-SAVING PRACTICES IN THE MODERN CONDITIONS

© 2021 V. Z. Zarbaliev

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to study the actions of an individual in relation to his health from the point of view of formal and informal rules.

The methodological basis of the research is the theory of institutional changes by D. North, where formal and informal rules and mechanisms of coercion are distinguished.

The results of the study. The identification of formal and informal health-saving practices made it possible to identify the effectiveness of their reproduction in specific life situations. It is concluded that a high degree of predisposition to informal health-saving practices is based on the individual's desire to play a more independent role in relation to his health.

Key words: formal practices; informal practices; health care; institutional approach.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №20-311-90089 «Социальные практики здоровьесбережения молодежи в условиях трансформации российского общества».

Введение. Существует значительное число практик поддержания здоровья, которые можно классифицировать по различным критериям. В данной работе предлагается рассмотреть действия человека по отношению к своему здоровью на основе их разграничения на формальные и неформальные практики. Имеющийся у индивида капитал оказывает существенное влияние на степень его приверженности к тем или иным практикам поддержания здоровья. Заботясь о своем здоровье, люди в определенных ситуациях могут отдавать предпочтение неформальным здоровьесберегающим практикам, такое поведение также может наблюдаться при наличии болезней. Соответствующее воспроизводство здоровьесберегающих практик способствует полноценной реализации потенциала индивида.

Основная часть. В научной литературе имеются дифференциальные представления о здоровьесбережении, которые определены парадигмами, в пределах которых авторы осуществляют исследование. В данной работе под здоровьесберегающими практиками понимается совокупность устойчивых и воспроизводимых действий индивидов, которые направлены на укрепление здоровья.

Различные аспекты здоровьесберегающих практик уже рассматривались в научной литературе. Однако рассмотрение вопросов, связанных с действиями по отношению к здоровью, с точки зрения формальных и неформальных правил еще не стали предметом основательного изучения ученых.

С. С. Шматова, выделяя типы здоровьесберегающих практик, отмечает, что «существуют как традиционные институционализированные практики сохранения здоровья (например, формы медицинского врачевания, которые могут быть обозначены как патерналистские), так и практики, имеющие неформальный характер. Здесь следует выделить традиционные и альтернативные здоровьесберегающие практики, предлагающие собственные подходы к самосохранительному поведению» [1, с. 59].

В рамках теории институциональных изменений Д. Норт утверждает, что «институты — это принципы игры в обществе, и они возникают как ограничения, разработанные

людьми для формирования политических, экономических и социальных взаимодействий. Они включают как неформальные ограничения, а именно санкции, табу, обычаи, традиции или принципы поведения, так и формальные принципы, такие как конституции, законы, права собственности» [2, с. 17]. Формальные и неформальные институты могут дополнять друг друга, то есть при неполноценном функционировании одного учреждения происходит компенсация со стороны другого.

Осуществляя анализ различий между формальными и неформальными правилами, В. В. Радаев замечает, что центральным моментом в этом плане является способ утверждения. Формальные правила закреплены в законах, и для них свойственна открытость и всеобщность. Помимо этого, формальные практики осуществляют несколько существенных функций применительно к неформальным правилам. Прежде всего, они в определенной степени играют роль ограничителя неформальных практик. Следующая функция связана с применением их в качестве инструмента по активизации принципиально новых неформальных практик [3]. Формальные правила при необходимости можно изменить за короткий промежуток времени, в то время как неформальные ограничения, выраженные в традициях, не поддаются за короткий промежуток времени трансформации.

У индивида есть выбор в плане воспроизводства формальных и неформальных практик. Формальные практики закреплены в законах, письменных предписаниях и могут носить характер обязательного выполнения. Примерами формальных здоровьесберегающих практик служат посещение врачей, прием лекарственных средств, диспансеризация, вакцинация и так далее.

В рамках социологического исследования ВЦИОМ, ориентированного на выявление способов сохранения здоровья, которым придерживаются россияне, было выявлено, что 35% россиян оценивают свое здоровье как хорошее, а 52% — удовлетворительное [3].

Анализ собранных данных свидетельствует о том, что 37% россиян реализуют формальные здоровьесберегающие практики, такие как прохождение медицинского осмотра, диспансеризация, нахождение под наблю-

дением врача, сдача анализов. В результате анализа результатов данного исследования выяснилось, что 44 % респондентов осведомлены о возможности прохождения в России раз в год бесплатной диспансеризации или медицинского осмотра в государственном медицинском учреждении [3].

Опрос показал, что позиции о положительном эффекте диспансеризации расходятся приблизительно поровну: 44 % приходится на респондентов, которые предполагают, что диспансеризация носит формальный характер и не способствует своевременному обнаружению ряда заболеваний; в то же время 40 % опрошенных относятся к диспансеризации как к серьезной практике, которая позволяет вовремя выявить проблемы со здоровьем [3].

При возникновении проблем со здоровьем в некоторых ситуациях люди отдают предпочтение неформальным практикам, таким как самолечение, поскольку этот процесс сокращает финансовые расходы и экономит время. Самолечение незначительных травм способствует снижению общей нагрузки на систему здравоохранения [4].

Несмотря на то, что самолечение представляется формой самопомощи, которая в большинстве случаев реализуется для лечения симптомов незначительных заболеваний, такая практика при наличии серьезных заболеваний связана с некоторыми рисками: ошибочной самодиагностикой, заметным ухудшением состояния здоровья, при котором индивид производит попытки самостоятельного лечения, неблагоприятными лекарственными взаимодействиями.

Помимо имеющейся вероятности возникновения неблагоприятных последствий можно говорить о положительных сторонах самолечения на индивидуальном и общественном уровнях в определенных ситуациях. На индивидуальном уровне в качестве преимуществ самолечения выступают увеличение собственной роли в заботе о здоровье, сокращение финансовых расходов и экономия времени.

На общественном уровне среди преимуществ самолечения стоит отметить уменьшение случаев отсутствия на работе вследствие появления незначительных симптомов, увеличение объема помощи людям с серьез-

ными заболеваниями и снижение нагрузки на оказание медицинских услуг.

Подавляющее большинство людей не владеют информацией о правилах приема лекарственных препаратов. Такое положение встречается в регионах, где у населения низкий уровень экономического, культурного и социального капиталов.

Заключение. В рамках статьи выявлены некоторые причины выбора индивидами формальных и неформальных здоровьесберегающих практик. Анализ этих факторов иллюстрирует, что в настоящее время принципиальное значение имеет работа над формированием и улучшением здоровьесберегающей компетентности, которая связана не только с выработкой определенных знаний, но и с повышением индивидуальной ценности здоровья. Институциональные соглашения оказывают воздействие на поведение индивидов, в то же время индивиды своими действиями создают институциональную среду.

Литература

1. Шматова С. С. Опыт социологической интерпретации практик здоровьесберегающего поведения // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. — 2015. — Т. 15. — №2. — С. 58–60.
2. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. — 180 с.
3. Радаев В. В. Деформализация правил в российской хозяйственной деятельности // В книге: Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. — М., 2001. — С. 253–261.
4. Bennadi D. Self-medication: A current challenge // Journal of Basic and Clinical Pharmacy. — 2014. — №5 (1). — Pp. 19–23.
5. Диспансеризация как сохранить здоровье? Аналитический обзор [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dispanserizacija-kak-sokhranit-zdorove>.

References

1. *Shmatova S.S.* Opyt sociologicheskoy interpretacii praktik zdorov'esberegajushhego povedeniya [Experience of sociological interpretation of health-saving behavior practices] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya [News of the Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science]. — 2015. — Vol. 15. — №2. — Pp. 58–60.

2. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie jekonomiki [Institutes, institutional changes and the functioning of the economy] / Per. s angl. A.N. Nesterenko [Translated from English by A.N. Nesterenko]. — Moscow: Fond jekonomicheskoy knigi «Nachala», 1997. — 180 p.

3. *Radaev V.V.* Deformalizacija pravil v rossijskoj hozjajstvennoj dejatel'nosti [Deformalization of rules in Russian economic activity] // V knige: Kto i kuda stremitsja vesti Rossiju? Aktory makro-, mezo- i mikrourovnej sovremennogo transformacionnogo processa [In the book: Who is trying to lead Russia and where? Actors of macro-, meso- and micro-levels of the modern transformation process]. — Moscow, 2001. — Pp. 253–261.

4. *Bennadi D.* Self-medication: A current challenge // Journal of Basic and Clinical Pharmacology. — 2014. — №5 (1). — Pp. 19–23.

5. Dispanserizacija kak sohranit' zdorov'e? Analiticheskij obzor [Medical examination how to preserve health? Analytical review] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dispanserizacija-kak-sokhranit-zdorove>.

Поступила в редакцию

21 июля 2021 г.

Зарбалиев Вадим Загиддинович — аспирант, стажёр-исследователь Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Сфера научных интересов — социология медицины и регионоведение.

Zarbaliev Vadim Zagiddinovich — Postgraduate Student, Research Assistant, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. Research interests — sociology of medicine and regional studies.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: zarbaliyev@mail.ru

УДК 069.01

10.17213/2075-2067-2021-4-57-65

РОЛЬ МУЗЕЕВ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПАРАДИГМА

© 2021 г. *Е. Ю. Литвиненко, Г. П. Гринберг*

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является обоснование сущности и специфики музеев как социального института, являющегося альтернативным в системе базовых институтов общества, сформированного благодаря целенаправленной и креативной деятельности многих поколений людей, нацеленных на воспроизводство и трансляцию конкретной культуры, ее материальных и духовных ценностей.

Методологическую базу исследования представляют классические труды Л. Витгенштейна, Т. Парсонса, посвященные разработке институционально-социологического подхода к анализу базовых институтов общества. Исследование базируется также на концепции институциональных матриц, разработанной Новосибирской социологической школой (О. Э. Бессонова и С. Г. Кирдина).

Результаты исследования. Роль музеев и их функции в современном обществе в большинстве исследований рассматриваются в культурологической парадигме как особая форма культуры. При этом недостаточно внимания уделяется рассмотрению музеев в институциональной парадигме, которая позволяет выявить значимость музеев как для социального, так и для социального уровня жизнедеятельности современного общества.

Перспективу исследования составляет дальнейший социологический анализ функционирования современных музеев как особого социального института культуры.

Ключевые слова: музеи; социальный институт; культура; институционализация; социум; материальные и духовные ценности.

THE ROLE OF MUSEUMS IN MODERN SOCIETY: THE INSTITUTIONAL PARADIGM

© 2021 *E. Yu. Litvinenko, G. P. Grinberg*

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is to substantiate the essence and specificity of museums as a social institution, which is an alternative institution in the system of basic institutions of society, formed thanks to the purposeful and creative activities of many generations of people aimed at reproducing and transmitting a specific culture, its material and spiritual values.

The methodological base of the study is presented by the classical works of L. Wittgenstein, T. Parsons, devoted to the development of an institutional-sociological approach to the analysis of basic institutions of society. The study is also based on the concept

of institutional matrices developed by the Novosibirsk Sociological School (O. E. Bessonov and S. G. Kirdin).

The results of the study. *The role of museums and their functions in modern society in most studies are considered in the cultural and logical paradigm as a special form of culture. At the same time, attention is paid to the consideration of museums in the institutional paradigm, which allows us to identify the significance of museums for both the social and societal levels of the modern society life.*

The prospect of the study *is a further sociological analysis of the functioning of modern museums as a special social institution of culture.*

Key words: *museums; social institution; culture; institutionalization; society; material and spiritual values.*

Введение. Трансформации, произошедшие и происходящие в обществе во всех его сферах, в том числе и в области культуры, привели к изменениям многих культурных форм, в частности, модифицировалось восприятие музеев лишь как хранителей культурных артефактов. Они стали рассматриваться как один из существенных факторов социализации молодого поколения, который аккумулирует достижения культуры и является механизмом ее трансляции новым поколениям. Об этом свидетельствует и расширение спектра музеев, и их значительное увеличение в количественном измерении. Так, с 1995 по 2010 гг. количество музеев в нашей стране увеличилось почти на 45% [1]. Появление новых музеев включает не только музеи современного искусства, арт-галереи, но и различные виртуальные музеи, использующие возможности современных компьютерных технологий. Инновационные мероприятия, организуемые музеями, также увеличивают заинтересованность людей в их посещении. Таким значимым мероприятием стала, например, ежегодно проводимая акция «Ночь в музее». Несмотря на то, что, по мнению некоторых исследователей, «музеи не стали еще ни научными центрами, ни воспитательными учреждениями» [2, с. 283], в большинстве научных работ прослеживается идея о том, что музеи расширяют свои социальные функции, которые не только сохраняют и демонстрируют достижения культуры, но и влияют на формирование идентичности и системы ценностей, являясь интегративным компонентом непосредственно культурного сектора, культурно-экономического сектора, общественного (публичного) сектора, а также

культурной политики [3]. Современные исследователи музеев и их функций отмечают, что музей в настоящее время в качестве социального института «организует и координирует деятельность людей по сохранению памятников прошлых эпох, без музея эта деятельность имела бы, вероятно, разрозненный, непоследовательный и неустойчивый характер» [4, с. 177]. Все это говорит о том, что музей сегодня является макросоциологическим концептом, который характеризуется различными организационными формами, специфическими локальными структурами, правилами и конвенциями, которые определяют социальные действия внутри данной сферы культуры. Становится очевидным, что исследование музеев как института культуры должно концентрироваться на следующих аспектах:

- культурные интерпретации и оценки (например, произведения искусства, аудитория медиа, критика искусства);
- социальные отношения внутри культурных практик (взаимодействие между профессионалами, интеракция с аудиторией);
- взаимодействие между отдельными культурными организациями и социальной окружающей средой.

Музей как социальный институт. Если обратиться к трактовке понятия «институт», данной Российской социологической энциклопедией, то можно увидеть, что терминологически феномен социального института «...подразумевает возможность обобщения абстрагированных из многообразных действий людей наиболее существенных типов деятельности и социальных отношений, пу-

тем соотношения их с фундаментальными целями и потребностями социальной системы» [5, с. 197]. В настоящее время термин «социальный институт» в контексте социального дискурса рассматривается в качестве «... устойчивого комплекса формальных и неформальных правил, принципов, норм и установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности» [6, с. 117]. При этом институты следует не только идентифицировать с организационными формами (например, театры, галереи, музеи, издательские дома), но и принимать во внимание эксплицитное правило (юридические нормы, установленные нормативные профессиональные виды деятельности), формы обмена (рынки, социальный престиж), а также имплицитные конвенции, поведенческие паттерны, такие как социальные роли, формирующие и стабилизирующие практики профессиональной деятельности. Благодаря их структуре, сфера культурных институтов, в том числе музеев, конституирует практические рамки и способствует регулярности деятельности в контексте существующих традиций и инновационных форм, возникающих в них в результате трансформации социокультурной жизни современных обществ [7].

В рамках социологии институциональный подход к исследованию культурных институтов отличается от большинства функционалистских концепций, поскольку институты культуры не только регулируют социальные действия, но они также формируются социальными действиями. Как подчеркивал Людвиг Витгенштейн, следует понимать, что социальная область действия, конституирующая институты, является только частью социальных практик, поскольку институты структурируют социальное действие, но не определяют его [8]. Институциональный подход особенно внимательно исследует те социальные структуры, которые были сформированы благодаря человеческой деятельности в течение социально-исторического развития человечества, порождая такие социальные связи, вступление в которые становится предопределенным и воспроизводимым в разнообразной человеческой деятельности. В связи с тем, что институт музеев становится все более и более вовлеченным в процесс глобализации, он начинает выполнять существенную

социальную и политическую функцию, для чего постоянно разрабатываются инновационные формы артикуляции и репрезентации, что, безусловно, улучшает и расширяет социальные коммуникации между музеями, в том числе и на международном уровне. Институт музеев становится областью политических, культурных и социальных переговоров, сглаживая существующие противоречия и недопонимания между представителями различных культур.

Основные характеристики института музея могут быть рассмотрены в рамках их функций и их смысловым содержанием, что позволяет выделить акторов, осуществляющих определенные функции, виды музеев (государственные, частные, корпоративные, образовательные и т.д.), каждый из которых нацелен на удовлетворение культурных запросов определенной аудитории. Как отмечает Л.Я. Петрунина, вовлечение в деятельность музеев широких слоев населения (волонтеров, частных коллекционеров, различных гражданских организаций), приводит к тому, что музей все больше интегрируется в систему «прочих социальных институтов наряду с институтами семьи, религии, политических партий, образования и т.д.» [9, с. 135].

Музей как традиционный социальный институт представлял совокупность лиц (музейные работники, администрация музеев, охранники музеев и др.), учреждений (сами музеи, органы культуры, осуществляющие руководство деятельностью музеев, администрация конкретных регионов, международные организации и т.д.), материальные ценности музеев. Однако в настоящее время отмечается тренд по «адаптации» института музея к постоянно трансформирующейся социально-экономической и социально-культурной ситуации. В качестве примеров такой культурной адаптации можно привести:

- «музейные гастроли» — организацию театральных постановок известных драматургов и писателей в усадьбах-заповедниках;
- проведение так называемых пленэров, некоторые из них выходят на международный уровень (пленэр «Зеленый шум»);
- работа музеев по возрождению этнографических традиций;
- трансформация статуса различных небольших центров до статуса музеев (напри-

мер, появление таких музеев, как музей «Русского зарубежья», музей «Истории миграции»).

Эта инновационная деятельность музеев позволяет говорить о том, что усиливается роль института музеев «как современного центра социальных изменений», стремящегося удовлетворить потребности в «культурной пище» различных социальных групп [9, с. 138].

Каждый социальный институт, включая институты культуры, к которым относятся и музеи, имеет конкретные цели, детерминированные выполняемыми функциями, социокультурную ролью в обществе, обеспечивая тем самым выполнение этих конкретных целей, зависящих от политических, экономических и культурных условий существования общества в континууме его исторического развития. Что касается музеев, то их функции как социального института расширяются по мере развития обществ. Отмечается, что на первом этапе институционализации музеев, который был достаточно пролонгированным, начиная с первого тысячелетия до нашей эры до середины XVIII века, музеи постепенно сформировались как специфический институт культуры, получивший развитие в период с последней трети XVIII в. и практически до последнего десятилетия XIX в., когда четко обозначаются области конкретной деятельности музеев. Окончательное структурирование музеев и их формирование как инструмента трансляции культуры от поколения к поколению происходит начиная от конца XIX — начала XX века до конца XX века [10]. Если базовая функция музея как социального института, а именно — функция охраны ценностей, существует с самого начала существования музеев, то научно-исследовательская функция появляется, когда возникает необходимость систематизации накопленных ценностей, в то время как научно-просветительская функция появляется по мере демократизации общества [11]. Последняя функция играет немаловажную роль в социализации индивидов, поскольку способствует интериоризации основных культурных достижений общества, представляющих собой так называемое «ядро культуры», в которое входят базисные ценности, нормы, а также артефакты культуры, являющиеся неотъемлемым наследием, без которого не мыслится национальная культура.

Музеи как социальный институт.

Социальные институты, которые определяются как основные (базисные) в своем скоординированном и постоянном взаимодействии формируют социальную сферу общества, определение которой связано, в первую очередь, с Т. Парсонсом, отмечавшим, что «ядром общества как разновидности социальной системы является ... его интегративная подсистема, которая ... обеспечивает или не обеспечивает различные порядки и уровни внутренней интеграции» [12, с. 23]. Основными функциями социальной сферы, сформулированными Т. Парсонсом, являются следующие: адаптационная функция, целодостижительная функция, структурно-сохраняющая функция, интегративная функция.

Следует отметить, что социальная сфера образуется в контексте постоянного взаимодействия социальных групп, общностей, которое во многом осуществляется благодаря функционированию институтов в сфере культуры, где значимую роль играет институт музеев, так как на основании сохранения и трансляции общих культурных паттернов в сознании людей формируются солидарные связи в обществе. Следовательно, музеи, выполняя роль одного из главных «резерваторов» культуры, сохраняют не только материальные и духовные ценности культуры, но и способствуют «внедрению» в жизнь общества определенных социокультурных ориентиров, тем самым предоставляя поле креативной деятельности для проактивных социальных акторов [13, с. 20]. На протяжении всего времени институционализации музеев они испытывали на себе укорененные ценности, верования и представления, сложившиеся в ходе формирования культуры. Вследствие приверженности к традиционным культурным ценностям и установкам даже в условиях бурного развития информационных технологий, а в конечном итоге и информационного общества, резервируются ценностные смыслы, присущие культуре. В данном контексте институт музеев частично воспроизводит устоявшиеся нормы взаимодействия, корпоративные связи, определяющие основные цели его функционирования. Поэтому, несмотря на различные инновации, появляющиеся в деятельности ныне существующих музеев, «специфические музейные

ценности и правила поведения, являющиеся атрибутом музейной действительности, прочно закрепились в морали и праве общества» [13, с. 22].

Между тем, ни один социальный институт не функционирует как единичное образование, все социальные институты постоянно взаимодействуют, поскольку их деятельность служит удовлетворению нужд (потребностей) определенного социального субъекта. Учитывая эту взаимозависимость и обусловленность функционирования социальных институтов, опираясь на институциональную парадигму в социологии, российские ученые О.Э. Бессонова и С.Г. Кирдина выделили институциональные матрицы, что позволило определить социальные институты как «... глубинные, исторически устойчивые формы социальной практики, обеспечивающие воспроизводство социальных связей и отношений в разных типах обществ, ... которые позволяют обществу выживать и развиваться, сохраняя свою самодостаточность и целостность в ходе исторической эволюции, независимо от воли и желания конкретных субъектов» [14, с. 17]. Что касается института музеев, несомненным видится то, что он относится именно к социетальным институтам, способствующим сохранению и поддержанию целостности общества (государства) и его культуuroобразующих областей. В этом отношении институт музеев функционирует, развивается и видоизменяется в тесном взаимодействии со всеми институтами культуры, и прежде всего, с институтом образования.

С.Г. Кирдина выделяет базисные и дополняющие институты существующего общества в зависимости от их функциональной значимости: «Для базовых институтов, соответствующих типу институциональной матрицы данного общества, в большей мере характерен спонтанный, стихийный характер. Развитие же альтернативных, вспомогательных институтов, обеспечивающих во взаимодействии с базовыми институтами сбалансированное функционирование той или иной общественной сферы, требует целенаправленных усилий со стороны социальных субъектов» [15, с. 32]. Опираясь на данный подход, можно прийти к выводу, что развитие института музеев происходит согласно определенной логике, зависящей от культурной

политики и целей, определяемых культурно-экономическим сектором (культурные объекты, объем культурной продукции, занятость в культурной сфере, спонсорство и т.д.), и публичного сектора (рецепция и потребление культурной продукции, культурная идентичность и гражданское общество, культура и политическая артикуляция и т.д.). Для упорядочивания функционирования института музеев создаются различные организации. Так, например, одной из таких влиятельных и эффективно работающих организаций стал Международный совет музеев (ИКОМ), сформировавший и распространивший по всему миру Этический музейный кодекс, согласно которому музей трактуется как «постоянно действующее некоммерческое учреждение, призванное служить обществу и способствовать его развитию, доступное широкой публике, занимающееся исследованием, приобретением, хранением, популяризацией и экспонированием материальных свидетельств о человеке и его среде обитания в целях изучения, образования и удовлетворения духовных потребностей» [16, с. 46].

Рассмотрение музея в качестве социального института обуславливается тем, что индивиды социализируются внутри культурного окружения, которое влияет на их язык, систему ценностей, традиции и т.д. Исторически музеи были созданы, чтобы сохранить вещи, которые представлялись ценными для некоторых членов общества, для других же они могли никакой ценности не нести. Данное различное восприятие к содержательной части музеев влияет на индивидуальные и коллективные потребности посетителей музеев, очерчивая их экспектации по отношению к музеям — существуют ли данные институции для них и предлагают ли они то, что представляется для них ценным и значимым. Для тех, кто действительно заинтересован в посещении музеев, это восприятие влияет на степень удовлетворенности от посещения того или иного музея. Различное восприятие музеев во многом обусловлено тем, что музей представляет сакрально-культурную сущность, созданную людьми в соответствии с их культурными ценностями и предубеждениями. Поэтому впечатление, которое получает посетитель музея, может согласовываться с ценностями и убеждениями создателей му-

зеев, или же, напротив, вызывать отторжение. Как музеи в качестве социетального института определяют форму, интеракцию, и в какой степени они находятся под воздействием индивидуальных и коллективных потребностей, является ключом для понимания, почему только определенная часть людей регулярно посещает музеи. Это является существенным вопросом, так как музеи XX века стремятся быть релевантными для большего количества людей как в экономическом, так и в культурном отношении, и понимание того, почему они удовлетворяют культурные потребности только определенной части людей, может помочь в формировании стратегии развития музеев и их функционировании.

Для понимания вышеобозначенной проблемы были проведены многочисленные исследования в разных странах. В результате, например, было выявлено, что в таких странах, как США и Австралия, 60–70% от всех посетителей составляют семьи, 20–35% — группы школьников или группы туристов и только 5% составляют индивидуальные посещения. Такой же тренд отмечается в Дании и других развитых странах [17]. При этом было замечено, что вследствие того, что посещения носят, как правило, коллективный характер, люди в большей степени запоминают не содержание экспонатов (выставок), а тех, с кем они посещали музеи, и наиболее запомнившиеся аспекты коммуникации между членами группы. Более того, определенная часть людей посещает музеи именно с целью интеракции с другими. Именно поэтому современные музеи столько внимания уделяют разработке и внедрению в работу музеев различных интерактивных программ. Согласно институциональной парадигме, различные формы существования институтов культуры, в том числе и института музеев, зависят от желания общества по их сохранению и развитию. В данном контексте тенденция по демократизации института музея выражается в инклюзии в его функционирование региональных и локальных музеев, стремящихся продемонстрировать уникальность культуры и истории, характерных для данной территории. Поэтому для развития региональных музеев столь значимым становится выбор культурного ядра (базисных

локальных ценностей), которое презентует специфику историко-культурного наследия. Так, например, в построенном в Ижевске по инициативе В. В. Путина музейно-выставочном комплексе выбор был сделан в пользу военно-патриотического бренда. Историко-краеведческий бренд был выбран для Челябинской и Московской областей, национальная история стала символом Республики Тува, Чеченской республики. Выросла роль музеев в качестве формирования бренда территории, превращающегося в своеобразный «имиджевый инструмент», способствующий привлекательности того или иного региона в различных его проявлениях — историческом, географическом, индустриальном, культурном [18].

Заключение. Институциональный подход в исследовании музеев как одного из институтов культуры позволяет объяснить имплицитное воспроизводство культурных практик, где действия происходят не в «ничейном пространстве», но в социальном пространстве, где взаимодействуют различные социальные институты и где институт музеев можно определить как механизм, формирующий и поддерживающий целостное единство и культурное своеобразие конкретного общества, которое образуется благодаря корпоративному взаимодействию культурно-экономического сектора, общественного сектора, культурного сектора, а также культурной политики, осуществляемой как на государственном уровне, так и в конкретных региональных образованиях.

Таким образом, в деятельности института музеев, видимо, просматриваются две компоненты:

— социальная, нацеленная на удовлетворение культурных потребностей общества, чтобы сохранить, поддержать, а в некоторых случаях возродить культурные ценности, отвечающие культурной политике государства и гражданского общества для резервирования культурного наследия и передачи его будущим поколениям;

— социетальная, которая обеспечивает вышеобозначенные потребности конкретными формами и средствами, соответствующими представлениям о культурном «коде» того или иного общества.

Литература

1. Статистика. Музеи [Электронный доступ] // Госкомстат. — Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/IssWWW.exe/stg/d1/10-03.htm/.

2. Лихачев Д. С. Заметки и наблюдения: Из записных книжек разных лет. — Л.: Советский писатель, 1989.

3. *Hasidschka W., Tschmuck P., Zembylas T.* Cultural Institutions Studies: Investigating the Transformation of Cultural Goods // *The Journal of Arts Management, Law and Society*. — 2005. — Vol. 35. — №2. — Pp. 147–158.

4. Дунаева С. В. Аспекты функционирования музея как особого социального института // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — С. 177–183.

5. Комаров М. С. Введение в социологию. — М.: Наука, 1994. — С. 197.

6. Современная западная социология: Словарь. — М., 1990.

7. Дунаева С. В. Философский аспект трансформации роли музея как социального института и его положение в современном обществе // Вестник Ленинградского государственного ун-та им. А. С. Пушкина. — 2011. — С. 197–204.

8. Витгенштейн Л. Философские работы / Пер. с нем. М. С. Козловой и Ю. А. Асеева. — Ч. I. — М.: Гнозис, 1994.

9. Петрунина Л. Я. От традиционного музея к социальному институту // Вопросы музеологии. — 2020. — Т. 11. — Вып. 1. — С. 133–140.

10. *Tschmuck P.* How Creative Are the Creative Industries? The Case of the Music Industry // *Journal of Arts Management, Law, and Society*. — 2003. — №33 (2). — Pp. 127–141.

11. Российская социологическая энциклопедия. — М., 1998.

12. Парсонс Т. Система современных обществ. — М.: Аспект Пресс, 1998.

13. Грицкевич В. П. История музейного дела до конца XVIII века. — СПб.: СПбГУКИ, 2004.

14. Кулемзин А. М. Современные прогрессивные тенденции в музейном деле // Музееведение и историко-культурное наследие: Сб. статей. — Кемерово: Кемеровский гос. ун-т культуры и искусств, 2008.

15. Федоров Н. В.: К 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти. Антология: в 2 кн. — Т. 1. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2004.

16. Этический кодекс ИКОМ для музеев. — М.: Институт России, 2003.

17. Юхневич М. Ю. Три условия // Мир музея. — 2004. — №9. — С. 22–25.

18. *Gether Chr.* The Art Museums — Still an Institution in Transition // *Museums / Social Learning Spaces and Knowledge Producing Process*. — Pp. 102–116.

References

1. Statistika. Muzei [Statistics. Museums] [Elektronnyj dostup] // Goskomstat. — URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_11/IssWWW.exe/stg/d1/10-03.htm/.

2. *Lihachev D. S.* Zametki i nabljudenija: Iz zapisnyh knizhek raznyh let [Notes and observations: From notebooks of different years]. — Leningrad: Sovetskij pisatel', 1989.

3. *Hasidschka W., Tschmuck P., Zembylas T.* Cultural Institutions Studies: Investigating the Transformation of Cultural Goods // *The Journal of Arts Management, Law and Society*. — 2005. — Vol. 35. — №2. — Pp. 147–158.

4. *Dunaeva S. V.* Aspekty funkcionirovanija muzeja kak osobogo social'nogo instituta [Aspects of the functioning of the museum as a special social institution] // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk [Actual problems of the humanities and natural sciences]. — 2010. — Pp. 177–183.

5. *Komarov M. S.* Vvedenie v sociologiju [Introduction to sociology]. — Moscow: Nauka, 1994. — P. 197.

6. Sovremennaja zapadnaja sociologija: Slovar' [Modern Western Sociology: Dictionary]. — Moscow, 1990.

7. *Dunaeva S. V.* Filosofskij aspekt transformacii roli muzeja kak social'nogo instituta i ego polozhenie v sovremennom obshhestve [The philosophical aspect of the transformation of the role of the museum as a social institution and its position in modern society] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo un-ta im. A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. — 2011. — Pp. 197–204.

8. *Vitgenshtejn L.* Filosofskie raboty [Philosophical works] / Per. s nem. M. S. Kozlovoy i Ju. A. Aseeva. — Part I. — Moscow: Gnozis, 1994.

9. *Petrulina L. Ja.* Ot tradicionnogo muzeja k social'nomu institutu [From a traditional museum to a social institute] // Voprosy muzeologii [Questions of museology]. — 2020. — Vol. 11. — Issue 1. — Pp. 133–140.

10. *Tschmuck P.* How Creative Are the Creative Industries? The Case of the Music Industry // Journal of Arts Management, Law, and Society. — 2003. — №33 (2). — Pp. 127–141.

11. Rossijskaja sociologicheskaja jenciklopedija [Russian Sociological Encyclopedia]. — Moscow, 1998.

12. *Parsons T.* Sistema sovremennyh obshchestv [The system of modern societies]. — Moscow: Aspekt Press, 1998.

13. *Grickevich V.P.* Istorija muzejnogo dela do konca XVIII veka [The history of museum business until the end of the XVIII century]. — Saint Petersburg: SPbGUKI, 2004.

14. *Kulemzin A.M.* Sovremennye progressivnye tendencii v muzejnom dele [Modern

progressive trends in museum business] // Muzeevedenie i istoriko-kul'turnoe nasledie: Sb. statej [Museology and historical and cultural heritage: Collection of articles]. — Kemerovo: Kemerovskij gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2008.

15. *Fedorov N.V.* K 175-letiju so dnja rozhdenija i 100-letiju so dnja smerti. Antologija: v 2 kn. [Fedorov N. V.: To the 175th anniversary of his birth and the 100th anniversary of his death. Anthology: in 2 books]. — Vol. 1. — Saint Petersburg: Izd-vo Russkogo Hristianskogo gumanitarnogo instituta, 2004.

16. *Jeticheskij kodeks IKOM dlja muzeev* [The ethical code of ICOM for museums]. — Moscow: Institut Rossii, 2003.

17. *Juhnevich M. Ju.* Tri uslovija [Three conditions] // Mir muzeja [The world of the museum]. — 2004. — №9. — Pp. 22–25.

18. *Gether Chr.* The Art Museums — Still an Institution in Transition // Museums / Social Learning Spaces and Knowledge Producing Process. — Pp. 102–116.

Поступила в редакцию

18 мая 2021 г.

Литвиненко Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Litvinenko Elena Yurievna — Doctor of Sociological Sciences, Professor the Foreign Languages for Professional Communications Department, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: denis.rimma@mail.ru

Гринберг Галина Павловна — аспирант первого года обучения направления «Социологические науки 39.06.01», старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Южно-Российского Государственного Политехнического Университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Grinberg Galina Pavlovna — 1st-year Postgraduate of course «Sociological Sciences 39.06.01», Senior Teacher of «Foreign Languages» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346410, г. Новочеркасск, ул. Комитетская, 47, кв. 29
47 Komitetskaya st., ap. 29, 346410, Novocherkassk, Russia
E-mail: galusya92120109@rambler.ru

УДК 342.7

10.17213/2075-2067-2021-4-66-72

ОСОБЕННОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ДИСТАНЦИОННОЙ ПОКУПКЕ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

© 2021 г. Н. Ф. Мирошниченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является детальный правовой анализ розничной дистанционной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, а также правовой анализ возможности обмена и возврата денежных средств за лекарственный препарат.

Методологическую базу исследования составляют анализ нормативно-правовых актов, регулирующих розничную торговлю, в том числе дистанционную, лекарственными препаратами для медицинского применения, сравнение, обобщение.

Результаты исследования. Правовой анализ нормативно-правовых актов, регулирующих розничную дистанционную торговлю лекарственными препаратами для медицинского применения, а также правовой анализ возможности обмена и возврата денежных средств за лекарственный препарат установил, что так как лекарственные препараты входят в перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, то соответственно, лекарственные препараты надлежащего качества, вернуть или обменять нельзя [3, ст. 410; 4, ст. 140; 9, ст. 593]. Но при дистанционной покупке лекарственного препарата для медицинского применения за покупателем (потребителем) законодатель закрепил право отказаться от доставленного лекарственного препарата надлежащего качества до оплаты заказа (услуга доставки оплачивается), а также право возврата заказа ненадлежащего качества (например, брак, дефекты маркировки, отсутствие инструкции по применению препарата, истекший срок годности, если доставленный заказ не соответствует заказанному по количеству или составу) без оплаты самого заказа и услуги по его доставке.

Перспективу исследования составляет правовой анализ судебной практики в сфере защиты прав потребителей при дистанционной покупке лекарственных препаратов.

Ключевые слова: защита прав потребителей; лекарственные препараты; дистанционная продажа; возврат денежных средств.

FEATURES OF CONSUMER RIGHTS PROTECTION IN REMOTE PURCHASE OF MEDICINES

© 2021 N. F. Miroshnichenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is a detailed legal analysis of retail remote trade in medicines for medical use, as well as a legal analysis of the possibility of exchanging and returning funds for a drug.

The methodological basis of the study is the analysis of regulatory legal acts regulating retail trade, including remote trade, with medicines for medical use, comparison, and generalization.

The results of the study. *The legal analysis of the normative legal acts regulating retail remote trade in medicines for medical use, as well as the legal analysis of the possibility of exchanging and returning money for a medicinal product, established that, since medicines are included in the List of non-food products of proper quality that are not subject to exchange, respectively, medicines of proper quality cannot be returned or exchanged [3, Article 410; 4, Article 140; 9, Article 593]. However, in the case of remote purchase of a medicinal product for medical use, the buyer (consumer) has the right to refuse the delivered medicinal product of proper quality before paying for the order (the delivery service is paid for), as well as the right to return the order of improper quality (for example, marriage, labeling defects, lack of instructions for the use of the drug, expired expiration date, if the delivered order does not match the ordered quantity or composition) without paying for the order itself and its delivery service.*

The perspective of the study *is the legal analysis of judicial practice in the field of consumer protection in the remote purchase of medicines.*

Key words: *consumer protection; medicines; remote sale; refund of funds.*

Введение. Проблема защиты прав потребителей при покупке лекарственных препаратов является сегодня одной из актуальных ввиду того, что до недавнего времени большинство граждан России находились на самоизоляции по причине новой инфекции, органы власти внесли соответствующие поправки в законодательство, закрепив право аптечных организаций осуществлять розничную торговлю лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, то есть теперь купить лекарственные препараты возможно через Интернет. Вместе с тем сразу возникли вопросы по обмену или возврату лекарственных средств.

Целью исследования данной статьи является детальный правовой анализ розничной дистанционной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения, а также правовой анализ возможности обмена и возврата денежных средств за лекарственный препарат и определение последовательности действий при возникновении необходимости в обмене и возврате денежных средств за приобретенный лекарственный препарат.

Для достижения вышеуказанной цели были сформулированы следующие задачи:

1) провести детальный правовой анализ законодательства, регулирующего розничную дистанционную торговлю лекарственными препаратами для медицинского применения;

2) провести детальный правовой анализ положений законодательства, регулирующих возможность обмена и возврата денежных средств за лекарственный препарат;

3) выявить последовательность действий при обмене и возврате денежных средств за лекарственный препарат.

Правовое регулирование обращения лекарственных средств. Правовое регулирование обращения лекарственных средств на территории РФ регулируется Федеральным законом №61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 г.

3 апреля 2020 года был принят Федеральный закон №105-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об обращении лекарственных средств”», согласно указанным изменениям аптеки теперь имеют право реализовывать лекарственные препараты дистанционно.

Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 г. №697 (ред. от 11.07.2020 г.) утвердило «Правила выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам», а также внесло изменения в акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом.

Так, в Федеральном законе №61-ФЗ определено: фармацевтическая деятельность — деятельность, включающая в себя оптовую торговлю лекарственными средствами, их хранение, перевозку и (или) розничную торговлю лекарственными препаратами, в том числе дистанционным способом, их отпуск, хранение, перевозку, изготовление лекарственных препаратов [5, ст. 1815]. Лекарственные препараты — лекарственные средства в виде лекарственных форм, применяемые для профилактики, диагностики, лечения заболевания, реабилитации, для сохранения, предотвращения или прерывания беременности. Статья 55 вышеуказанного закона устанавливает, что розничная торговля лекарственными препаратами для медицинского применения может осуществляться *дистанционным способом* аптечными организациями, имеющими лицензию на фармацевтическую деятельность и соответствующее разрешение федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере здравоохранения препаратов [5, ст. 1815].

Правила дистанционной торговли и доставки лекарственных средств. Продажа лекарственных средств дистанционно включает в себя: 1) прием заказа; 2) формирование заказа; 3) хранение заказа; 4) доставку заказа.

1. Прием заказов производится при помощи сети Интернет через сайт или мобильное приложение аптечной организации и по телефонам службы заказа, справочной службы.

Расчеты при оплате лекарственных препаратов и услуг по их доставке осуществляются по выбору покупателя в наличной или безналичной форме путем предоплаты заказа или его оплаты в месте получения заказа.

Аптечная организация обязана обеспечить конфиденциальность персональных данных покупателя в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

При приеме заказов на продажу лекарственных средств дистанционно уполномоченный работник аптечной организации обязан:

— проинформировать покупателя о показаниях к применению приобретаемого им

лекарственного средства, его цене, правилах хранения, взаимодействии с другими лекарственными препаратами, сроке годности, условиях отпуска;

— заключить с покупателем договор розничной купли-продажи с условием доставки, в котором указываются срок формирования и стоимость заказа, стоимость услуги по доставке заказа, возможность его получения по месту нахождения аптечной организации или доставки по месту жительства (пребывания, фактического нахождения) покупателя, иному адресу, согласованному с покупателем, способ и место оплаты приобретаемого им лекарственного препарата;

— согласовать с покупателем необходимость предоставления документов, подтверждающих качество лекарственных препаратов при их доставке вне места нахождения аптечной организации.

Договор купли-продажи считается заключенным с момента выдачи аптечной организацией покупателю кассового или товарного чека либо иного документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения аптечной организацией сообщения о намерении покупателя приобрести лекарственные препараты.

2. Сформированный заказ упаковывается в герметичную транспортную упаковку, обеспечивающую защиту лекарственных препаратов от внешнего воздействия в зависимости от условий хранения в соответствии с инструкциями по медицинскому применению лекарственных препаратов и возможность подтверждения факта вскрытия.

На заказ оформляется опись вложения с указанием номера заказа, даты и времени сборки, которая подписывается уполномоченным работником аптечной организации.

3. Аптечная организация ведет регистрацию заказов и доставок лекарственных препаратов с указанием даты, времени и номера заказа, наименований лекарственных препаратов и их производителей, лекарственных форм, форм выпуска, информации о времени, дате и адресе доставки заказа покупателю, а также вносит информацию об оплаченных (отпущенных) и полученных покупателем лекарственных препаратах в систему мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения.

4. Доставка заказа производится работником аптечной организации или другой организации. Заказ передается покупателю по месту его жительства (пребывания, фактического нахождения) или иному указанному им адресу, а при отсутствии покупателя — лицу, предъявившему оригиналы или копии (возможно в электронном виде) квитанции или иного документа, подтверждающего заключение договора купли-продажи, оплату заказа или оформление его доставки.

При доставке лекарственных средств, требующих поддержания определенного температурного режима, применяется соответствующее оборудование.

При получении заказа покупатель проверяет целостность транспортной упаковки, самостоятельно вскрывает транспортную упаковку, сверяет содержимое заказа с описью вложения, проверяет отсутствие повреждений вторичной (потребительской) и первичной упаковок лекарственного препарата, надлежащий вид лекарственного препарата (при возможности), расписывается в получении заказа и в подтверждении отсутствия претензий к аптечной организации и службе доставки.

Возврат доставленного лекарственного препарата. Лекарственные средства надлежащего качества вернуть или обменять нельзя [3, ст. 410; 4, ст. 140; 9, ст. 593]. Но, если продавец не проинформировал покупателя о показаниях к применению приобретаемого им лекарственного препарата, его цене, сроке годности, условиях отпуска, правилах хранения, взаимодействии с другими лекарственными препаратами, покупатель вправе вернуть данный препарат и потребовать от продавца возврата уплаченной за них суммы, даже если лекарственные препараты качественные [3, ст. 410].

Кроме того, у покупателя теперь появилось право отказаться от доставленного лекарственного препарата надлежащего качества до оплаты заказа. В этом случае оплачивается только услуга по доставке [7, ст. 3278].

В случае доставки заказа ненадлежащего качества (ненадлежащее качество лекарственного препарата, дефекты маркировки, отсутствие инструкции по применению препарата, истекший срок годности, доставленный заказ

не соответствует заказанному по количеству или составу,) покупатель вправе вернуть его работнику, осуществляющему доставку, без оплаты доставленного лекарственного препарата и (или) услуги по его доставке и (или) потребовать надлежащее исполнение заказа.

Если аптечная организация отказывается добровольно вернуть денежную сумму за оплаченное лекарственное средство, то необходимо составить претензию с вышеуказанным требованием и направить ее продавцу. Претензия составляется в двух экземплярах в свободной письменной форме. В претензии необходимо указать информацию о том, кому направляется претензия (полное наименование аптечной организации, адрес), данные покупателя (фамилия, имя, отчество, адрес, телефон) и изложить суть претензии (название лекарственного средства, дата и место его приобретения, способ оплаты и обнаруженные недостатки) и требование покупателя о возврате денежных средств или замене лекарственного средства [3, ст. 410]. Кроме того, к претензии необходимо приложить копии документов, подтверждающих покупку и оплату лекарственного средства.

Если аптечная организация отказывается удовлетворить требование покупателя в добровольном порядке, то покупатель имеет право обратиться в суд с исковым заявлением о возврате уплаченной за лекарственное средство суммы, а также потребовать возмещения убытков, причиненных вследствие ненадлежащего информирования о лекарственном средстве или продажи лекарственного средства ненадлежащего качества.

Заключение. Проведенный правовой анализ нормативно-правовых актов, регулирующих розничную дистанционную торговлю лекарственными препаратами для медицинского применения, и нормативно-правовых актов, регулирующих возможность возврата денежных средств за лекарственный препарат, выявил, что лекарственные препараты входят в перечень непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, следовательно, по общему правилу лекарственные препараты *надлежащего качества*, приобретенные непосредственно в аптеке, вернуть или обменять нельзя. Но теперь законодатель закрепил за покупателем право

отказаться от доставленного лекарственного препарата надлежащего качества до оплаты заказа — в случае покупки лекарственного средства дистанционно — оплачивается только услуга по доставке [7, ст. 3278].

В случае доставки заказа ненадлежащего качества (ненадлежащее качество лекарственного препарата, дефекты маркировки, отсутствие инструкции по применению препарата, истекший срок годности, доставленный заказ не соответствует заказанному по количеству или составу) покупатель вправе вернуть его работнику, осуществляющему доставку, без оплаты доставленного лекарственного препарата и (или) услуги по его доставке и (или) потребовать надлежащее исполнение заказа.

Если аптечная организация отказывается добровольно вернуть денежную сумму за оплаченное лекарственное средство, то необходимо составить претензию с вышеуказанным требованием и направить ее продавцу — аптечной организации.

Если аптечная организация отказывается в удовлетворении требования покупателя в добровольном порядке, покупатель имеет право обратиться в суд с исковым заявлением о возврате уплаченной за лекарственное средство суммы, а также потребовать возмещения убытков, причиненных вследствие продажи лекарственного средства ненадлежащего качества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) [Электронный ресурс] / Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 г. Официальный интернет-портал правовой информации. — Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. №51-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 05.12.1994. — №32. — Ст. 3301.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. №14-ФЗ (ред. от 09.03.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 29.01.1996. — №5. — Ст. 410.

4. Закон РФ от 07.02.1992 г. №2300-1 (ред. от 22.12.2020 г.) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. — 15.01.1996. — №3. — Ст. 140.

5. Федеральный закон от 12.04.2010 г. №61-ФЗ (ред. от 22.12.2020 г.) «Об обращении лекарственных средств» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2010. — №16. — Ст. 1815.

6. Федеральный закон от 03.04.2020 г. №105-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» // Собрание законодательства РФ. — 06.04.2020. — №14 (часть I). — Ст. 2035.

7. Постановление Правительства РФ от 16.05.2020 г. №697 (ред. от 11.07.2020 г.) «Об утверждении Правил выдачи разрешения на осуществление розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом, осуществления такой торговли и доставки указанных лекарственных препаратов гражданам и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросу розничной торговли лекарственными препаратами для медицинского применения дистанционным способом» // Собрание законодательства РФ. — 25.05.2020. — №21. — Ст. 3278.

8. Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 г. №2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 18.01.2021. — №3. — Ст. 593.

References

1. Konstitucija Rossijskoj Federacii (prinjata vsenarodnym gososovaniem 12.12.1993

g. s izmenenijami, odobrennymi v hode obshherossijskogo golosovanija 01.07.2020 g.) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020)] [Jelektronnyj resurs] / Oficial'nyj tekst Konstitucii RF s vnesennymi popravkami ot 14.03.2020 g. Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii [The official text of the Constitution of the Russian Federation as amended on 14.03.2020. The official Internet portal of legal information]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaja) ot 30.11.1994 g. №51-FZ (red. ot 09.03.2021 g.) [The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 №51-FZ (ed. of 09.03.2021)] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 05.12.1994. — №32. — Article 3301.

3. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraja) ot 26.01.1996 g. №14-FZ (red. ot 09.03.2021 g.) [The Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 №14-FZ (ed. of 09.03.2021)] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 29.01.1996. — №5. — Article 410.

4. Zakon RF ot 07.02.1992 g. №2300-1 (red. ot 22.12.2020 g.) «O zashhite prav potrebitel'ej» [The Law of the Russian Federation of 07.02.1992 №2300-1 (ed. of 22.12.2020) «On protection of consumer rights»] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 15.01.1996. — №3. — Article 140.

5. Federal'nyj zakon ot 12.04.2010 g. №61-FZ (red. ot 22.12.2020 g.) «Ob obrashhenii lekarstvennyh sredstv» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2021 g.) [Federal Law №61-FZ of 12.04.2010 (ed. of 22.12.2020) «On the circulation of medicines» (with amendments and additions, intro. effective from 01.01.2021)] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 2010. — №16. — Article 1815.

6. Federal'nyj zakon ot 03.04.2020 g. №105-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'ju 15.1 Federal'nogo zakona «Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii» i Federal'nyj zakon «Ob obrashhenii lekarstvennyh sredstv» [Federal Law №105-FZ of 03.04.2020 «On Amendments to Article 15.1

of the Federal Law «On Information, Information Technologies and Information Protection» and the Federal Law «On the Circulation of Medicines»] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 06.04.2020. — №14 (chast' I). — Article 2035.

7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.05.2020 g. №697 (red. ot 11.07.2020 g.) «Ob utverzhdenii Pravil vydachi razreshenija na osushhestvlenie roznichnoj trgovli lekarstvennymi preparatami dlja medicinskogo primenenija distancionnym sposobom, osushhestvlenija takoj trgovli i dostavki ukazannyh lekarstvennyh preparatov grazhdanam i vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po voprosu roznichnoj trgovli lekarstvennymi preparatami dlja medicinskogo primenenija distancionnym sposobom» [Resolution of the Government of the Russian Federation of 16.05.2020 №697 (ed. of 11.07.2020) «On approval of the Rules for issuing permits for the retail sale of medicines for medical use by remote means, the implementation of such trade and delivery of these medicines to citizens and amendments to some acts of the Government of the Russian Federation on the retail sale of medicines for medical use by remote means»] // Sobranie zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 25.05.2020. — №21. — Article 3278.

8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.12.2020 g. №2463 «Ob utverzhdenii Pravil prodazhi tovarov po dogovoru roznichnoj kupli-prodazhi, perechnja tovarov dlitel'nogo pol'zovanija, na kotorye ne rasprostranjaetsja trebovanie potrebitelja o bezvozmezhnom predostavlenii emu tovara, obladajushhego jetimi zhe osnovnymi potrebitel'skimi svojstvami, na period remonta ili zameny takogo tovara, i perechnja neprodovol'stvennyh tovarov nadležashhego kachestva, ne podležashhih obmenu, a takzhe o vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» [Resolution of the Government of the Russian Federation №2463 of 31.12.2020 «On approval of the Rules for the sale of goods under a retail sale agreement, a list of durable goods that are not subject to the Consumer's requirement to provide him with goods having the same basic consumer properties free of charge for the

period of repair or replacement of such goods, and a list of non-food goods of proper quality that are not subject to exchange, as well as on Amendments to Certain acts of the Govern-

ment of the Russian Federation»] // Sbornik zakonodatel'stva RF [Collection of legislation of the Russian Federation]. — 18.01.2021. — №3. — Article 593.

Поступила в редакцию

23 мая 2021 г.

Мирошниченко Наталья Федоровна — ассистент кафедры «Юриспруденция» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Miroshnichenko Natalia Fedorovna — Assistant Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: nadiviev@yandex.ru

УДК 316.422.44

10.17213/2075-2067-2021-4-73-92

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В МАЛОМ ГОРОДЕ: РЕЛИГИОЗНОСТЬ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ?

© 2021 г. И. П. Рязанцев*, М. А. Подлесная**,
В. Г. Писаревский*, В. И. Рязанцев***

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, г. Москва, Россия

**Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН, г. Москва, Россия

***Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Цель исследования. На сегодняшний день Россия входит в десятку стран-лидеров по уровню развития цифровизации и цифровой экономики (*The digital economy and society index (DESI)*). На уровне Правительства РФ разработана специальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой до 2030 года обозначены приоритетные цифровые технологии (беспроводная высокоскоростная связь, большие данные, искусственный интеллект, Интернет вещей, виртуальная и дополненная реальность), а также ключевые задачи для внедрения данных технологий (развитие интернет-инфраструктуры в регионах РФ, создание регулятивной среды цифровой экономики, создание образовательной среды для подготовки кадров цифровой экономики, государственно-частное партнерство в развитии цифровых платформ). Реализация данной правительственной программы сегодня активно осуществляется в федеральных и региональных центрах, в крупных и малых городах. Цель статьи — рассмотрение влияния такого фактора, как православная религиозность, на процесс цифровизации.

Методологическая база исследования. Территорией исследования был выбран Кирилловский район Вологодской области, который отличает наличие древних памятников православной культуры и зодчества, особый исторический и культурный контекст, связанный с территориями так называемого «Русского Севера». Кроме того, данный регион интересен тем, что это малый город и периферийная территория, в равной степени удаленная от таких крупных агломерационных центров, как Вологда и Череповец. Развитие социального процесса цифровизации здесь может быть обусловлено православной религиозностью и спецификой малого города.

В 2019 году был осуществлен второй замер социально-экономических, демографических, религиозных условий жизни населения Кирилловского района Вологодской области (первый замер был произведен в 2009 году). Были заданы вопросы об отношении населения к цифровизации, качестве технического оснащения региона с точки зрения мобильной и интернет-связи, пользовательских возможностях населения и т. д.

Результаты исследования. В результате было обнаружено отсутствие связи между православной религиозностью населения и его отношением к процессу цифровизации, готовностью включаться в него. Было выявлено, что при 40% тех, кто не включен в процесс цифровизации в регионе, подавляющее большинство (76%) выразили свое позитивное отношение к происходящим изменениям.

Перспективы исследования. *Продолжение начатого мониторинга, замер динамики цифровизации в малом городе и изменений, происходящих в пользовательской среде и в оценке процессов цифровизации в регионе населением.*

Ключевые слова: *цифровизация; цифровая трансформация; цифровая экономика; православная религиозность; малый город; Русский Север.*

DIGITALIZATION IN A SMALL TOWN: RELIGIOSITY AS A FACTOR OF INFLUENCE?

© 2021 I. P. Ryazantsev*, M. A. Podlesnaya**,
V. G. Pisarevsky*, V. I. Ryazantsev***

**St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia*

***Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

****Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

The purpose of the research. *Currently Russia is among the top ten countries in terms of digitalization and digital economy development. The Government of Russian Federation has developed a special program «Digital economy of the Russian Federation», within the priority of digital technologies (wireless high-speed communication, big data, artificial intelligence, Internet of things, virtual and augmented reality) are identified until 2030, as well as key tasks for implementing these technologies (development of Internet infrastructure in the regions of the Russian Federation, creation of a regulatory environment for the digital economy, creating an educational environment for training digital economy personnel, public-private partnership in the development of digital platforms). The implementation of this Government program is currently actively carried out in both federal and regional centers, both in large and small cities, both in agglomerations and in peripheral territories. The purpose of the research — to consider the influence of such a factor as Orthodox religiosity on the process of digitalization.*

The methodological framework of the research. *The research area was chosen as the Kirillovsky district of the Vologda region, which is distinguished by the presence of ancient monuments of Orthodox culture and architecture, a special historical and cultural context associated with the territories of the so-called «Russian North». In addition, this region is interesting because it is a small city and a peripheral territory, equally remote from such large agglomeration centers as Vologda and Cherepovets. The development of the social process of digitalization here may be due to both Orthodox religiosity and the specifics of a small city.*

In 2019, the second measurement of socio-economic, demographic, and religious conditions of the population of Kirillov district, Vologda region (the first measurement was made in 2009) was carried out. Questions were asked about the attitude of the population to digitalization, the quality of technical equipment in the region in terms of mobile and Internet communication, user capabilities of the population, etc.

The results of the study. *As a result, it was found that there is no connection between the Orthodox religiosity of the population and their attitude to the process of digitalization, their readiness to be included in it. It was found that with 40% of those who are not included in the digitalization process in the region, the vast majority (76%) expressed their positive attitude to the changes taking place.*

The perspective of the research. *This is a continuation of the monitoring begun, measuring*

the dynamics of digitalization in a small city and changes taking place in the user environment and in assessing the digitalization processes in the region by the population.

Key words: *digitalization; digital transformation; digital economy; Orthodox religiosity; small city; Russian North.*

Введение. Проблемная область, которую мы хотели бы обозначить в данной статье, связана преимущественно с тем, что развитие российской экономики, которая определенными авторами рассматривается как структурно отстающая [31, 116], в том числе зависит от культурной специфики и в частности детерминирована ее религиозным контекстом [22, 25, 26]. Можем ли мы говорить в этой связи о том, что конфессиональный аспект существенно влияет на отношение населения к новым технологиям и инновациям и в действительности тормозит социальный процесс цифровизации в России? Попытаться дать ответ на этот вопрос мы хотели бы на примере анализа эмпирических данных, полученных в результате проведенного нами исследования в Кириллове и Кирилловском районе Вологодской области в 2009 и 2019 годах.

Надо отметить, что Кирилловский район Вологодской области с точки зрения поставленной проблемы весьма интересен, так как насчитывает 12 памятников культового и 25 гражданского зодчества под государственной охраной, среди которых Кирилло-Белозерский, Ферапонтов монастыри, Нило-Сорская пустынь, музей фресок Дионисия, национальный парк «Русский Север» и др. Кирилловский район, как и Вологодская область в целом, причисляется к территориям так называемого «Русского Севера», о котором различными исследователями говорится, как о территориях с населением, где наиболее ярко выразилась «русскость» и типичность «великоросса» [8, с. 176–186]. «Современные исследователи пишут не только о “заслуге Русского Севера в развитии культуры и образования” [Булатов 1999, с. 258], но также и о “метафизике Севера”, о его “сакральной географии”, которая якобы и выделяет его в особую культурную реальность, и позволяет говорить о нем, как о едином культурном пространстве [Теребихин 2004] » [24, с. 142].

Вместе с тем в настоящее время данный район, как и Вологодская область в целом, претерпевает ряд демографических и социально-экономических трудностей: это депопуляция и старение населения, сокращение жителей брачного возраста, отток молодежи в другие, более крупные города, снижение числа мигрантов, приезжающих в регион [6]. В условиях реализуемой Стратегии пространственного развития Российской Федерации (Федеральный закон от 28 июня 2014 г. №172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации») подобная ситуация района усугубляется еще и тем, что будучи территориально отдаленным от центральных городов (от Вологды — 129 км, от Череповца — 100 км), Кирилловский район не вписывается в систему агломераций и отнесен к регионам со средним уровнем социокультурной модернизации [5].

В контексте происходящего цивилизационного сжатия наблюдается не только старение населения, но и социальная инерция населения Русского Севера в целом, говорится о «колее» как жизненном сценарии прежде всего взрослого населения [11, 20].

В нашем исследовании мы рассматриваем, с одной стороны, регион с культурным и религиозным своеобразием, с другой — наиболее типичный с точки зрения своего территориального развития. Кирилловский район Вологодской области интересен еще и тем, что, будучи хранителем памятников древней архитектуры и зодчества, район и его жители вынуждены жить в соответствии с имеющимся наследием, не просто сохраняя данную культуру, но и будучи ее частью. Поэтому здесь, как нигде в другом месте, может наблюдаться конфликт традиции и новых цифровых технологий, невосприимчивость к инновациям или, напротив, собственное прочтение и отношение к происходящим изменениям.

Методы и материалы исследования.

Под малым городом в своем исследовании мы понимаем такое поселение, такую территорию, которая устанавливается в качестве городской в соответствии с правовым статусом «город» и численностью населения до 50 тыс. человек, делая при этом акцент на эндогенных и экзогенных связях города [18], организованных, прежде всего, его жителями, которые трудятся и вступают в трудовые отношения, создают семьи и организуют семейно-бытовую деятельность, проявляют свою общественно-политическую активность, являются производителями и потребителями материальных и духовных благ, заботятся о своем здоровье и здоровье своих детей и т.д. [16]. По сути, «это место — locus социального пространства, где накапливается, развивается и реализуется человеческий и социальный потенциал большей или меньшей по размеру и сложности городской общности; это — ресурсные центры и инфраструктурные узлы для освоения и развития окружающей сельской местности, природной территории» [16, с. 212].

В исследовании был задействован ряд урбанистических теорий, в частности, связанных с концепцией территориального и цивилизационного «сжатия», которая в литературе зарубежных авторов представлена, начиная с 70-х гг. XX века. Это, прежде всего, теория городской эволюции Ван ден Берга [37], концепция «сжатия» в результате глобализации и глобальной реструктуризации, представленная в работах Д. Харви [28], С. Сассен [33], А. Скотта и М. Сторпера [34] и др., концепция регионального фактора «сжатия» городов [32, 27]. Так как данная работа носит междотраслевой характер, то были также привлечены теории коммуникации и цифрового общества, о которых подробнее изложим отдельно, и положения из области социологии религии, касающиеся измерения религиозности населения и уровня воцерковленности (о чем подробнее в соответствующей части).

Основным методом нашего исследования (помимо включенного наблюдения и вторичного анализа данных) стал анкетный опрос населения. Социологические опросы проводились информационно-аналитическим центром факультета социальных наук Православного Свято-Тихоновского гуманитар-

ного университета с помощью анкеты в 2009 и 2019 годах. Исследование повторное, проводилось по единым программе и инструментарию с целью изучения происходящих изменений городской среды в оценке жителей города Кириллова и его района.

Выборка многоступенчатая и формировалась исходя из представлений о том, что сам Кириллов состоит из восьми микрорайонов, а Кирилловский район — из девяти сельских советов, к которым относятся в общей сложности 469 сел и деревень (в том числе нежилые). Отбор улиц, домов, квартир осуществлялся с помощью генератора случайных чисел, мы действовали методами невероятностной выборки в 2009 году, в 2019 году шли по уже отобранному в 2009 году улицам, домам. Квартиры и жильцы, опрошенные в 2009 году, были чаще всего недоступны, поэтому использовался шаг.

В 2009 году общее число жителей Кириллова и Кирилловского района составляло 18627 человек, из них городского населения 7933 человек, сельского — 9866 человек. К 2019 году численность населения Кириллова и Кирилловского района заметно сократилась и составила 15077 человек.

В 2009 году проведение полевых работ было осложнено большим количеством отказов, особенно это касалось «сельской» местности. В итоге даже часть заполненных анкет в результате проверки была забракована. В 2019 году полевые работы проходили легче, сбор анкет с учетом сложностей первого «среза» удалось оптимизировать за счет увеличения числа интервьюеров и методической проработки уже известных проблем. Предварительный расчет выборки с учетом заявленных в программе исследования гипотез, а также численности и характеристик генеральной совокупности при доверительной вероятности 95% и доверительном интервале $\pm 3,5\%$ в 2009 году составил 376 человек, в 2019 году — 375 человек. По факту проведенных полевых работ и сортировки бракованных анкет в анализ 2009 года была принята 301 анкета, в 2019 году — 360 анкет.

Городское и сельское население (от 18 лет) опрашивалось как в 2009-м, так и в 2019 году в соответствии с квотами по полу и возрасту. Квоты по полу и возрасту для городского и сельского населения рассчитывались

отдельно, при этом использовались данные из Паспорта Кирилловского муниципального района за 2007 и 2017 годы. Опросы проходили в соответствии с маршрутными листами в местах проживания респондентов с привлечением интервьюеров. На заполнение каждой анкеты в среднем уходило 15–20 минут.

Исследовательская группа вместе с командой интервьюеров проживала в Кириллове в течение трех недель, делая заметки и ведя дневники наблюдения за городом и его жителями. Выезды в населенные пункты района также сопровождались соответствующими заметками. По завершении каждого дня проводились коллективные обсуждения результатов наблюдения, опроса, что также фиксировалось.

Цифровизация и цифровая экономика: к определению понятий. В связи с определением цифровой экономики, как правило, вспоминается канадский ученый Д. Тэпскотт, который впервые предложил толкование данного понятия [36], Н. Негропonte [30], основавший медиалабораторию в Массачусетском технологическом институте, и Всемирный банк, который также дал определение цифровой экономики, говоря о ней как о «некой системе совокупных отношений экономики, социальной сферы и культуры, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий» [5, с. 133].

О самом процессе цифровизации можно говорить в широком и узком смысле. В широком смысле цифровизация — это влияние взаимосвязанных цифровых технологий на все сферы жизни общества: социальную, экономическую, политическую, культурную. В узком — это непосредственно сама деятельность, связанная с цифровыми технологиями.

Ряд исследователей полагают, что цифровизация затрагивает не только социальную, но и личностную сферу индивида и влияет на изменение потребностей, где базовым становится информационный обмен (исследование Digital Society Index 2019).

К настоящему времени сформирован ряд признанных международных индексов, с помощью которого оценивается динамика развития цифровизации в той или иной стране мира. Например, в связи с этим можно

вспомнить исследование Digital Economy and Society Index (DESI), определяющее рейтинг страны по степени вовлеченности населения в цифровую экономику, или IDI — индекс развития информационно-коммуникационных технологий Международного союза электросвязи, где в качестве основных выступают три субиндекса — доступ, навыки, использование.

Еще один индекс оценки e-Government Development Index (является одним из ключевых индикаторов развития информационного общества в странах мира) был предложен Организацией Объединенных Наций, согласно которому в 2018 году Россия поднялась на 32-е место в мире по уровню готовности правительства использовать информационно-коммуникационные технологии в целях оказания услуг населению.

В литературе также встречается термин «цифровая трансформация». Выделяют три основные трактовки данного термина. Первая сводится к тому, что цифровая трансформация — это эволюционный процесс, который развивается десятилетия, и каждая новая технология добавляет ему новые стадии. Вторая состоит в том, что цифровую трансформацию следует связывать с определенным этапом развития технологий, при этом с появлением облачных вычислений, мобильных устройств, больших данных этот процесс становится синергетическим, когда его конечный эффект — нечто большее, чем просто сумма составляющих [38, 2–5]. Наконец, в рамках третьего подхода утверждается, что цифровая трансформация актуальна для любой компании/индустрии, даже если та не связана напрямую с сетевой реальностью.

В настоящее время проблематику цифровизации изучает целый ряд исследовательских центров в России: Фонд «Общественное мнение» (регулярные замеры в рамках исследовательского проекта «СМИ и Интернет»), Всероссийский центр изучения общественного мнения (исследования влияния различных аспектов цифровизации на социум, а также экспертные дискуссии о роли цифровизации в развитии России и разработка интегральных индексов развития страны, включающих влияние цифровизации), исследовательский центр консалтинговой компании PwC (занимается оценкой цифровой трансформации

российских компаний и доверия российского бизнеса к цифровым технологиям, исследованием «Digital trust insights»).

Еще один исследовательский центр, изучающий влияние цифровизации на различные социальные и экономические процессы в общероссийском масштабе, — Московская школа управления «Сколково». Сотрудники данного исследовательского центра представили проект «Цифровая Россия», в котором оценили уровень цифрового развития российских регионов. В рамках индекса было разработано семь субиндексов: 1) нормативное регулирование и административные показатели цифровизации; 2) специализированные кадры и учебные программы; 3) наличие и формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, включая уровень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ; 4) информационная инфраструктура; 5) информационная безопасность; 6) экономические показатели цифровизации; 7) социальный эффект от внедрения цифровизации. Субиндексы, в свою очередь, оцениваются через субфакторы, которыми в настоящем исследовании выступают события, факты и иная информация, полученная из открытых источников.

Наконец, необходимо упомянуть Высшую школу экономики, которая активно работает в рассматриваемой тематике. Данный исследовательский центр представил проект «Цифровизация в малых и средних городах России».

На базе Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета цифровизация изучается в контексте ее рисков, прежде всего, духовно-нравственных, что нашло отражение в международной исследовательской работе с рядом азиатских и европейских исследовательских центров [19].

Основные черты процесса цифровизации следующие: 1) процесс цифровизации охватывает все сферы жизнедеятельности общества, начиная прежде всего с экономической; 2) процесс цифровизации меняет структуру общества с вертикально ориентированных институтов на горизонтальные сети [13]; 3) основным источником власти и влияния становится генерирование, обработка и передача информации; 4) сама социальная реальность становится тождественна социальной

интернет-реальности [12]; 5) меняются также представления о времени и пространстве, которые сжимаются; 6) сам процесс цифровизации проходит не только этапы революции, но и стадии собственной эволюции, одними из которых становятся «Интернет вещей» (веб 4.0), развитый искусственный интеллект (веб 5.0) и активная роботизация [35]; 7) существенно меняется набор технологий продвижения цифровизации, например, появляется технология конструирования виртуальных объектов человеком с привнесением в них аксиологических черт и смыслов. Таким образом, мы имеем дело с процессом, который кардинально меняет привычную нам социальную реальность, трансформируя в том числе традиционные, привычные нам социальные институты.

Цифровизация и Кирилловский район.

В нашем исследовании приняли участие как мужчины (45 %), так и женщины (55 %), почти всех возрастных групп населения, кроме тех, кто младше 18 лет. Доминирующей возрастной группой стали респонденты, чей возраст старше 55 лет, их доля повысилась с 34 % в 2009 году до 50 % в 2019 году, что соответствует процессам, происходящим в области в целом [6].

За последние десять лет произошло не только заметное старение населения Кирилловского района, но и сократилась численность населения в группах от 18 до 24 и от 35 до 44 лет, то есть экономически наиболее активных жителей района. Неудивительно поэтому, что у большинства опрошенных нами респондентов (40 %) основным источником дохода является пенсия. Доход остальных групп населения формируется из занятости в качестве рабочих (18 %), специалистов (16 %), служащих непроизводственной сферы (7 %), руководителей (5 %). Безработные среди респондентов составили 4 %, что ниже уровня безработицы по Вологодской области в целом (5,4 %). Таким образом, можно сделать вывод о том, что заметная часть населения района живет за счет государственных и бюджетных средств, при этом в сравнении с 2009 годом доля пенсионеров выросла на 10 %, специалистов — на 6 %, сократилась доля рабочих и служащих на 7 % и 8 % соответственно, что может свидетельствовать как

о деиндустриализации района в целом, так и о появлении новых рабочих мест в иных сферах (например, туризме).

При этом обращает на себя внимание тот факт, что за последние десять лет уровень дохода населения Кирилловского района заметно повысился: сократилось число тех, кто испытывал трудности в повседневных расходах, кому не хватало денег даже на еду, увеличилась доля тех, кто имеет средства на все необходимое.

На это же указывают данные вопроса об изменении уровня жизни в целом. Согласно результатам, жизнь респондентов по их субъективной оценке не претерпевает в этом смысле каких-либо серьезных изменений, так как не наблюдается существенного снижения уровня жизни и его роста. Видимо, происходит стагнация жизни, ее крен в сторону социально инертного поведения, которое является не только общим коллективным чувством и образом жизни, но и простимулированным внешними условиями положением населения. О чем, кстати, косвенно свидетельствуют данные другого вопроса на удовлетворенность жителей Кириллова и Кирилловского района различными сферами жизнеобеспечения.

За последние десять лет значительно поменялась картина социально-экономичес-

кой жизни района в целом, где наибольшую удовлетворенность среди населения стали приобретать такие позиции, как обеспечение магазинов продовольствием, удовлетворенность культурной сферой и возможностями проведения своего досуга, тогда как в меньшей — услугами связи, обеспечением магазинов одеждой.

Отдельной строкой стоит отметить изменения, произошедшие в транспортной системе района, удовлетворенность которой снизилась с 56% в 2009 году до 19% в 2019 году, что может косвенно говорить как о низком качестве транспортных услуг, так и об ограничениях передвижения населения, снижении уровня его мобильности.

В условиях намеченной модернизации и стратегии пространственного развития РФ подобные процессы могут указывать в том числе на то, что отдельные регионы не стимулируют к развитию, а напротив, приводят к затуханию социальной жизни и активности населения. Можно, конечно, отметить, что развитая система транспортного сообщения и услуг связи не вполне необходимы в регионе, где основная масса населения пенсионеры, но тогда вслед за этим стоило бы признать, что значительная часть малых городов будет вынуждена жить в ситуации постепенного вымирания и упадка.

Таблица 1

**Удовлетворенность различными сферами жизнеобеспечения
в Кириллове и Кирилловском районе в 2009 и 2019 гг.**

	2009 г.	2019 г.
Удовлетворенность услугами связи	82,50%	76%
Удовлетворенность обеспечением магазинов продуктами	81,60%	78% (1 позиция)
Удовлетворенность обеспечением магазинов одеждой	78%	50%
Удовлетворенность транспортной системой	56%	19%
Удовлетворенность культурной сферой	49%	78%
Удовлетворенность возможностями проведения своего досуга	48%	58%
Удовлетворенность школьным образованием	44%	46%
Удовлетворенность медицинским обслуживанием	36,60%	35%
Удовлетворенность социальными пособиями	33%	31%
Удовлетворенность ценами на жилье	30%	20%
Удовлетворенность коммунальным обслуживанием	27%	35%
Удовлетворенность трудоустройством	25%	20%
Удовлетворенность заработной платой	23%	23%

На этом фоне весьма показательны данные относительно удовлетворенности населения мобильной и интернет-связью. Отметим, что замер этих двух позиций делался только в 2019 году, поэтому мы не смогли сделать сравнительный анализ.

Прежде всего наблюдаются высокие проценты тех, кто удовлетворен мобильной связью; заметно меньше тех, кто удовлетворен интернет-связью. Напомним, что одним из основных субиндексов при оценке развития информационно-коммуникационных технологий является как раз доступ населения к таким средствам связи, как Интернет и мобильные телефоны.

Как отмечается в исследовании ВШЭ «Цифровизация в малых и средних городах России», уровень удовлетворенности интернет-связью опосредованно влияет на качество жизни. Это проявляется через такие критерии, как уровень благосостояния и занятость (возможность удаленной работы через Интернет), потребление услуг (экономия на традиционных услугах, например, междугородней телефонии и одновременное потребление новых цифровых услуг), доступ к современным образовательным технологиям (в том числе к бесплатным курсам ведущих вузов мира), формирование новых качественных социальных связей (по области интереса, а не по месту проживания).

Всего 68% опрошенных Кирилловского района используют Интернет в своих повседневных нуждах, что заметно меньше этого же показателя в целом по России (по данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения, с той или иной периодичностью во Всемирную сеть заходят 81% жителей России).

При этом покрытие мобильного Интернета в исследуемом районе находится на среднем отраслевом уровне, то есть гово-

рить о малой распространенности интернет-инфраструктуры не приходится. Интернетом мало пользуются не потому, что он недоступен, а потому, что не видят в этом необходимости, с одной стороны, и обладают низкой цифровой грамотностью, с другой.

При этом ежедневно пользуются Интернетом 56% опрошенных (что также меньше общероссийского показателя в 65% в исследовании ВЦИОМ), среди них доминируют респонденты, имеющие среднее (24%) или высшее образование (20%), основными возрастными группами среди тех, кто пользуется Интернетом практически ежедневно, являются жители Кириллова и Кирилловского района в возрасте от 30 до 39 лет (14%), от 40 до 49 лет (12%) и от 50 до 59 лет (11%).

Стоит отметить, что 37% жителей Кириллова и Кирилловского района не пользуются Интернетом вообще, эту группу составили те, кто не пользуется Интернетом никогда, и те, кто пользуется Интернетом реже, чем несколько раз в неделю. Как правило, это люди в возрасте от 60 до 69 лет (12%), от 70 до 79 лет (8%) и от 50 до 59 лет (5%), имеющие среднее специальное (13%) или среднее образование (10%). То есть почти 40% населения района не включены в процесс цифровизации, что связано в том числе с возрастом и образованием пользователей: чем они старше и менее образованны, тем больше вероятность, что не являются активными пользователями сети.

Если говорить об уровне цифровых компетенций жителей Кирилловского района, то наблюдается следующее: 50% опрошенных прибегают к Интернету для просмотра сайтов и общения в социальных сетях, 39% респондентов используют в качестве электронной почты и 36% используют различные интернет-сервисы (интернет-магазины,

Таблица 2

Удовлетворенность населения Кирилловского района услугами связи в целом, мобильной и интернет-связью. Данные 2009 и 2019 гг.

	2009 г.	2019 г.
Удовлетворенность услугами связи	82,50%	76%
Удовлетворенность мобильной связью	—	85%
Удовлетворенность интернет-связью	—	56%

электронные банковские и страховые услуги и пр.). Аналогичные данные приводятся и в исследовании ВШЭ «Цифровизация в малых и средних городах России». Структура использования Интернета в малых и крупных городах отличается тем, что в малых городах сеть используется исключительно в коммуникационных целях (использование социальных сетей и электронной почты), в то время как в крупных городах речь идет о вовлечении населения в цифровую экономику через использование интернет-услуг (сервисы заказа и доставки еды, онлайн-покупки, заказ такси онлайн, использование платных интернет-сервисов и т.д.)

При этом в малых городах России госуслуги, предоставляемые через Интернет, являются «точкой входа» населения в цифровую экономику. Это обусловлено постоянным развитием государственных интернет-сервисов, их бесплатностью и удобством пользования.

Госуслугами онлайн в Кирилловском районе пользуются 53 % населения, при этом наиболее популярные госуслуги — это личный кабинет налогоплательщика (31 % опрошенных), регистрация брака и использование материнского капитала (10 %), получение различных льгот, в том числе санаторного лечения (12 %).

Важно при этом следующее: при наличии почти 40 % тех, кто не пользуется Интернетом вообще, подавляющее большинство жителей Кириллова и Кирилловского района (76 %) выразили свое позитивное отношение к процессу цифровизации, отмечая таким образом не только свое согласие с общественным мнением, но и определенный оптимизм в отношении происходящих процессов. И это несмотря на то, что половина респондентов старше 55 лет, то есть относится к тем группам, кто меньше всего участвует в процессе цифровизации.

Религиозность населения Кириллова и Кирилловского района. Вопросам определения и измерения религиозности в отечественной социологии посвящена масса литературы [23, 21, 20, 14, 15]. При этом данная дискуссия продолжается до сих пор [9, 17, 4, 29]. В своем исследовании мы руководствовались критерием поведенческой религиозности, говорящей в том числе о степени институциональной принадлежности верующих, и аспектом знания основ вероучения, с которым связывается религиозная идентичность. Это позволило нам, не углубляясь в детали (что не требовалось в данном исследовании, не посвященном сугубо изучению религиозности населения малого города), выделить собственную типологию в соответствии с нашими исследовательскими задачами.

Если говорить о наличии групп верующих и неверующих по самоидентификации в районе в 2009 и 2019 годах, то мы обнаружим, что количественно эти группы стабильны: неверующие составляют, как и 10 лет назад, 19 %, верующие — 81 % опрошенных. Вместе с тем при детализации групп ответов обнаруживаются изменения в позициях: в сравнении с 2009 годом несколько возросло количество тех, кто назвал себя «скорее верующим» (то есть сомневающимися), и тех, кто причислил себя к «атеистам». И хотя разница в процентах не превышает 5 %, то есть статистически не значима, можно все же обратить внимание на определенное колебание в оценке религиозной позиции.

О своей принадлежности к православному вероисповеданию заявили 83 % опрошенных из тех, кто назвали себя «верующими», что свидетельствует о том, что по конфессиональной самоидентификации значительная часть населения Кириллова и Кирилловского района связывает себя все-таки с православием. Причем этот процент был высок

Таблица 3

Религиозность жителей Кирилловского района Вологодской области в 2009 и 2019 гг.

	2009 г.	2019 г.
Я верующий	45%	41%
Скорее верующий, чем неверующий	36%	40%
Скорее неверующий, чем верующий	11%	7%
Я атеист	8%	12%

как в 2009, так и в 2019 году (хотя состав населения по возрасту и социальному положению, как было показано ранее, несколько изменился). При этом наблюдаются существенные изменения населения в ритуальном поведении и понимании основ православного вероучения.

За последние десять лет значительно сократилось число тех, кто вообще не посещает или посещает раз в год православные богослужения в храме, кто не соблюдает посты (хотя процент несоблюдающих посты в сравнении с другими показателями остается самым высоким). Таким образом, мы видим, что показатели институциональной религиозности повысились, а это косвенно может свидетельствовать об изменении религиозной ситуации в районе в целом. Отношение к Таинствам и участие в них остается практически неизменным, и непричащающихся (с различной степенью регулярности) почти тот же процент — больше половины опрошенных.

Благодаря проведенному факторному анализу (факторы извлекались методом главных осей с последующим косоугольным обилимин-вращением, варимакс с нормализацией Кайзера, мера КМО = 0,61, критерий

сферичности Бартлетта $< 0,0001$), удалось выделить несколько групп факторов по критерию собственного значения > 1 . Выделенные факторы объясняют 50 % дисперсии.

С первым фактором коррелируют такие утверждения, как «религия — способ обмана народа», «можно быть православным и не ходить в храм» и «православие обманывает». Назовем этот фактор **антирелигиозной позицией индивида**.

Со вторым фактором коррелируют утверждения: «я могу обратиться к колдунам», «я регулярно читаю гороскопы», «я хорошо отношусь к православию», «можно быть православным и не ходить в храм». Назовем этот фактор **«религиозный синкретизм»**, то есть смесь традиционно православных представлений и «языческих», с преобладанием интереса к последним.

С третьим фактором коррелирует: вера в Бога-Троицу, в будущее второе пришествие Христа, в существование чудотворных икон, отрицательное отношение к гороскопам. Назовем этот фактор **«традиционно православное мировоззрение»**.

Таким образом, мы видим, что среди опрошенных православных верующих (тех, кто назвал себя таковыми) есть те, кто

Таблица 4

Вероисповедание жителей Кирилловского района Вологодской области в 2009 и 2019 гг.

	2009 г.	2019 г.
Православие	76,70%	83%
Христианство и другие конфессии	4,30%	2,50%
Затрудняюсь ответить	16,70%	14,50%

Таблица 5

Ритуальное поведение жителей Кирилловского района Вологодской области в 2009 и 2019 гг.

	2009 г.	2019 г.
<i>Посещение богослужений в храме</i>		
Реже одного раза в год + не посещал никогда	47%	32,60%
<i>Соблюдение постов</i>		
Не соблюдаю постов	83%	63%
<i>Исповедь и причастие</i>		
Не исповедуюсь, не причащаюсь	57%	53,50%

Таблица 6

Факторный анализ ответов на вопрос о знании своей веры и об отношении к православию жителей Кирилловского района Вологодской области, 2019 г.

	Фактор		
	1	2	3
Я верю в Бога-Троицу	0,223	–0,207	0,63
Религия — способ обмана народа	0,815	–0,037	–0,018
Я обращался колдунам	0,073	0,73	0,074
Я верю в будущее второе пришествие Христа	0,03	0,084	0,57
Я регулярно читаю гороскопы	0,145	0,744	–0,010
Я верю в существование чудотворных икон	–0,115	0,081	0,607
Можно быть православным и не ходить в храм	0,526	0,314	0,013
Православие обманывает	0,787	0,157	0,067
Я хорошо отношусь к православию	–0,421	0,342	0,447

Таблица 7

Содержание религиозных представлений жителей Кирилловского района Вологодской области в 2009 и 2019 гг.

	2009 г.	2019 г.
<i>Я обращался или готов обратиться за помощью к гадалкам, колдунам, магам</i>		
Полностью и скорее согласен	11%	6%
<i>Религия — это способ обмана народа»</i>		
Полностью и скорее согласен	17%	13,20%
<i>Я регулярно читаю гороскопы, астрологические прогнозы</i>		
Полностью и скорее согласен	32%	25,40%
<i>Православие обманывает человека, уводит его от житейских забот в иллюзорный мир</i>		
Полностью и скорее согласен	18%	7,60%
<i>В будущем мир ожидает Второе Пришествие Христа</i>		
Полностью и скорее согласен	49%	37,20%
<i>Можно быть православным и не ходить в церковь, не соблюдать церковные обряды</i>		
Полностью и скорее согласен	74%	72,30%
<i>Я верю в Святую Троицу</i>		
Полностью и скорее согласен	79%	76,10%
<i>Существуют чудотворные иконы</i>		
Полностью и скорее согласен	77%	80,20%
<i>Я хорошо отношусь к православной вере</i>		
Полностью и скорее согласен	93,40%	93,70%

придерживается антирелигиозной позиции, и те, кто выражает традиционно православную точку зрения. Помимо крайних позиций, есть и промежуточные варианты. Подобный факт указывает на то, что православная религиозность в Кирилловском районе неоднородна. Но что объединяет? Как правило, наличие основного признака — желание либо быть в рамках конфессионального и религиозного поля, либо быть вне его (с разной степенью отрицательного отношения к религии и церкви, иногда и просто индифферентного).

Согласно полученным данным, за последние десять лет произошли некоторые изменения в понимании православной веры и в отношении к ней жителей Кириллова и Кирилловского района. Очевидно, что поменялось отношение к религии и православия в целом: считающих, что религия и в частности православие — способ обмана, стало заметно меньше. Это может свидетельствовать о постепенном уходе советских штампов антирелигиозной идеологии из сознания индивидов.

Вместе с этим остаются процентно неизменными группы тех, кто придерживается традиционных представлений о православных догматах — высок процент «хорошо относящихся» к православию в целом, а также согласных с тем, что они веруют в Святую Троицу, в существование чудотворных икон.

На этом фоне весьма показательно наличие таких (количественно заметных) респондентов, кто считает, что можно быть православным и не ходить в церковь, не соблюдать обряды; таковых было достаточно много как в 2009, так и в 2019 году. Данное представление среди определенной части населения можно считать неизменным и устойчивым, что может говорить о наличии сформировавшейся группы, в которой вера чаще всего не связывается с церковным институтом, более того, может осуществляться помимо него. При этом возникает вопрос, что же понимает население под «быть православным»? Этот вопрос становится еще более актуальным в ситуации, когда за последние десять лет число тех, кто верил в будущее второе пришествие Христа, заметно сократилось с 49% в 2009 до 37% в 2019 году. Можно предположить, что подобное сокращение говорит не столько о незнании этого догмата, сколько о понижении уровня доверия к нему.

Еще один вопрос на субъективную оценку степени влияния православной веры на различные аспекты жизни населения Кириллова и Кирилловского района также показал произошедшие изменения за последние годы.

Для начала стоит отметить, что для основной массы опрошенных подобное влияние неактуально. Но тех, кто признает такое влияние, за последние десять лет стало за-

Таблица 8

Самооценка влияния православной веры на различные аспекты жизни населения Кириллова и Кирилловского района Вологодской области в 2009 и 2019 гг.

	2009 г.	2019 г.
<i>Православная вера влияет на мои представления о семье, в частности, на количество детей в ней</i>		
Полностью и скорее согласен	12,60%	22,40%
<i>Православная вера влияет на мое участие в выборах и политическую активность</i>		
Полностью и скорее согласен	10%	15%
<i>Православная вера влияет на проведение досуга</i>		
Полностью и скорее согласен	18%	27,80%
<i>Православная вера влияет на выбор чтения литературы</i>		
Полностью и скорее согласен	15%	23,40%
<i>Православная вера влияет на мои идеалы и принципы</i>		
Полностью и скорее согласен	23%	42%

метно больше. Они отмечали влияние православия как в выборе способов проведения своего досуга, чтения литературы, представлений о семье, так и в формировании идеалов и жизненных принципов в целом. Даже в такой сфере, как политический выбор и голосование, по оценке респондентов, есть подобное влияние, хотя и в меньшей степени, чем в других сферах. Таким образом, можно отметить, что при подавляющем большинстве тех, кто не видит влияния православия на свою жизнь, число тех, кто разделяет принципы православной веры (и скорее всего, некую традицию, устойчивые представлений о ней), возросло.

В итоге можно отметить, что при подавляющем большинстве тех опрошенных, кто назвал себя «православными верующими», степень их религиозности и воцерковленности различна: от традиционно верующих до носителей антирелигиозных воззрений, от верующих в Святую Троицу до считающих, что спасение возможно вне таинств Церкви, при этом хорошо относящихся к православию в целом и в общей своей массе не верящих во второе пришествие Христа, отходящих от атеистических представлений советского прошлого о религии как об опиуме для народа и вместе с тем не признающих влияния православия на свою жизнь. Подобный микс складывается как в результате активной православной проповеди, так и в результате влияния уже имеющихся представлений и верований.

Цифровизация и православная религиозность малого города. Одной из основных гипотез нашего исследования была гипотеза о влиянии религиозного фактора на отношение и оценку цифровизации населением, на их поведенческие «цифровые» практики. В связи с этим мы в первой части статьи подробным образом описали, как проходит процесс цифровизации в малом городе в целом (в условиях его стагнации и сокращения молодого населения), также дали оценку преимущественно православной религиозности, которая не только неоднородна, но и в ряде случаев квазирелигиозна.

В этом разделе мы предпринимаем попытку проверить наличие связи между установленной нами православной религиозностью населения Кириллова и Кирилловского

района и процессами цифровизации, осуществляемыми населением в малом городе. С этой целью был использован коэффициент корреляции Спирмена, позволяющий оценить тесноту связи между двумя рядами сопоставляемых количественных показателей. Напомним, что коэффициент корреляции может принимать значения от минус единицы до единицы, причем при $r_s = 1$ имеет место строго прямая связь, а при $r_s = -1$ — строго обратная связь, если коэффициент корреляции равен нулю, то связь между величинами практически отсутствует.

Прежде чем перейти к процедуре проверки корреляции, мы выделили в отдельную группу тех, кого можно назвать религиозными в той или иной степени, они составили 34,7% опрошенных. К группе «религиозные люди» нами были отнесены все те, кто:

— посещают православные храмы несколько раз в неделю и несколько раз в месяц, причащаются не менее 4 раз в год и соблюдают хотя бы 4 многодневных поста (таковых 4,2% в выборочной совокупности);

— посещают храмы несколько раз в год, причащаются не менее раза в год и стараются соблюдать Великий пост (таковых 5,8% в выборочной совокупности);

— посещают храмы реже одного раза в год, причащаются реже одного раза в год, не соблюдают посты (таковых 24,7% в выборочной совокупности).

Все прочие, кто никогда не посещали храмы или вообще затруднились ответить на этот вопрос, никогда не причащались и не исповедовались или не знакомы с этим обрядом и не соблюдают посты, были отнесены нами в группу «нерелигиозные люди» и исключены из дальнейшего анализа.

В итоге всех проделанных процедур корреляция признаков осуществлялась в сравнении «религиозность» и «использование Интернета» (вопрос №17 в анкете), «религиозность» и «пользование госуслугами» (вопрос №18 в анкете). Были получены следующие значения корреляции Спирмена (см. таблицу 9).

Согласно полученным данным, мы не можем говорить о наличии как прямой, так и обратной связи между коррелируемыми признаками. Связь между величинами практически отсутствует, что свидетельствует о том, что фактор религиозности не влияет на отноше-

Таблица 9

**Значение корреляции признаков «религиозность» и «использование Интернета»,
«религиозность» и «пользование госуслугами»**

Сопоставляемые количественные показатели	Значение корреляции Спирмена
Пользуюсь интернетом / «Религиозность»	0,054
Интернет для просмотра сайтов / «Религиозность»	–0,033
Интернет для электронной почты / «Религиозность»	–0,080
Интернет для соцсети / «Религиозность»	–0,044
Интернет для сервисов / «Религиозность»	–0,038
Не пользуюсь интернетом / «Религиозность»	0,096
Госуслуги. Личный кабинет налогоплательщика / «Религиозность»	–0,093
Госуслуги. Регистрация брака, ребенка, маткапитал / «Религиозность»	–0,110
Госуслуги. Установление пенсии, пособия / «Религиозность»	–0,145
Госуслуги. Запись в детский сад, школу / «Религиозность»	–0,084
Госуслуги. Проверка судебной задолженности / «Религиозность»	–0,034
Не пользуюсь госуслугами / «Религиозность»	0,082

ние и оценку цифровизации и на поведенческие «цифровые» практики населения.

Заключение. Главный вывод нашей работы состоит в том, что религиозность населения Кириллова и Кирилловского района не оказывает влияние на отношение основной части населения данной территории к процессу цифровизации.

Подобный итог может быть объяснен несколькими причинами. Во-первых, это можно связать с малочисленностью самой группы православных верующих.

Во-вторых, в самом исследовании не были заложены вопросы, требующие полярных оценок, такие, например, как чипирование населения и т.д., которые, возможно, могли бы дать зависимости. Особенно, если бы изучались не сами «цифровые» практики и участие населения в них, от которых в общем никуда не деться и это в определенном смысле бывает удобно, а изучались бы идеологические штампы (например, апокалипсически окрашенные риски и последствия).

Третья причина — цифровизация в ее умеренном варианте, который мы исследовали, — не является объектом полярных оценок в общественном дискурсе и в христианстве,

отсюда следует, что сам процесс цифровизации у православных верующих не вызывает опасений и тревоги.

Четвертое объяснение отчасти находим в исследовании «Московской школы социально-экономических наук» 2016 года, в ходе которого был выявлен значительный «технологический оптимизм» жителей России [39]. То есть речь идет в целом о достаточно высокой лояльности россиян к инновациям и технологиям. В социологической литературе подобное явление объясняется через понятие традиционалистский модернизм [3, 2, 7], которым характеризуется принятие всего, что связано с научно-техническим прогрессом до тех пор, пока это не вступает в противоречие с разделяемыми принципами и ценностями [1]. Если этого не происходит, то технический прогресс только приветствуется.

Основной причиной торможения процесса цифровизации в малых городах и периферийных территориях, таких как Кириллов и Кирилловский район, является стагнирование этих территорий, депопуляция и старение населения. В свою очередь, это проявляется не только в ухудшении транспортного сообщения района и услуг связи, активно задействованных в процессе циф-

ровизации, но и в ограниченном доступе населения к качественной интернет-связи, в отсутствии нужных компетенций и «цифровой» грамотности.

У той части населения, которая пользуется Интернетом, пока не происходит «вторичной цифровизации», то есть нет привычки пользоваться Интернетом не только ради развлечения и общения, но и в рабочих и повседневных нуждах. Надо признать, что для последнего пока слабо сформированы как сами навыки, так и мало подготовлена сама среда и соответствующие инфраструктуры. Наиболее успешными в этом смысле оказались госуслуги, через которые население малого города и приобщается постепенно к процессу цифровизации.

Литература

1. *Аксенова О.В.* Субъект социального действия в современном развитии России: актор, агент, никто? // Вестник Института социологии. — 2020. — Т. 11. — №2. — С. 37–53. — DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640.
2. *Аксенова О.В., Халий И.А.* Современное развитие. К постановке темы исследования // Вестник Института социологии. — 2018. — №24. — С. 13–26. — DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.492>.
3. *Андреев А.Л.* Российский социум как «другая Европа» // Общественные науки и современность. — 2013. — №3. — С. 70–79.
4. *Беликова Е.О.* Поиски стратегии социологического изучения религиозной идентичности // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — №2. — С. 116–127. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.05.
5. *Богданов В.С.* Организационно-методологические аспекты дистанционного исследования проблем цифровизации регионов с различным уровнем социокультурной модернизации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. — 2020. — Т. 8. — №1. — С. 131–149. — DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7100.
6. *Будилов А.П., Калачикова О.Н.* Миграция и переселенческие установки жителей Вологодской области // Проблемы развития территории. — 2020. — №2 (106). — С. 108–119. — DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8.
7. *Вебер А.Б.* Парадоксы современно-го развития: человечество у развилки истории // Вестник Института социологии. — 2018. — №24. — С. 52–75. — DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.494>.
8. *Деготь Е.* Пространственные коды «русскости» в искусстве XIX века [Электронный ресурс] // Отечественные записки. — 2002. — №6. — Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/prostranstvennye-kody-russkosti-v-iskusstve-xix-veka-fragment.html> (Дата обращения: 30.06.2020).
9. *Емельянов Н.Н.* Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — №2. — С. 32–48. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.02.
10. *Забаяев И.В.* Религия и экономика: можем ли мы все еще опираться на Макса Вебера? // Социологическое обозрение. — 2018. — Т. 17. — №3. — С. 107–148.
11. *Ильин В.И.* Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии) // Мир России. — 2020. — Т. 29. — №3. — С. 6–27. — DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27.
12. *Кастельс М.* Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Пер. с англ. — Екатеринбург: «У-Фактория», 2004. — 328 с.
13. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. — М.: ГУ ВШЭ, 2000. — 608 с.
14. *Лебедев С.Д.* Парадоксы религиозности в мире Позднего Модерна // Социологические исследования. — 2010. — №12.
15. *Лебедев С.Д., Сухоруков В.В.* Тесный путь не туда? // Социологические исследования. — 2013. — №1. — С. 118–127.
16. Малые города в социальном пространстве России: монография [Электронный ресурс] / А.Ю. Ардалянова, П.В. Бизюков, Р.Г. Браславский и др. // Отв. ред. В.В. Маркин, М.Ф. Черныш; предисл. ак. М.К. Горшков. — М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 545 с. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019. — Режим доступа: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751.

17. Маркин К. В. Между верой и неверием: непрaktикующие православные в контексте российской социологии религии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. — 2018. — №2. — С. 266–282. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.16.
18. Масло Р. Е. Определение понятия «Малый город» в глобальной системе мирохозяйственных связей // Бизнес Информ. — 2014. — №10. — С. 14–17.
19. Рязанцев И. П., Писаревский В. Г. Философия раннего христианства и вызовы цифровизации. Международная конференция «Философия раннего христианства в эпоху цифровизации», Католический университет Фужэнь (Тайвань, 6–7 декабря 2019 г.) // Журнал «Экономическая социология». — 2020. — Т. 21. — №2. — С. 91–98.
20. Узланер Д. А. Секуляризация как социологическое понятие // Социологические исследования. — 2008. — №8.
21. Филатов С. Б., Лункин Р. Н. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — №6.
22. Хариссон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма [Электронный ресурс] // Доклад на международной конференции НИУ ВШЭ. — 2009. — Режим доступа: <https://www.hse.ru/news/science/7075536.html> (Дата обращения: 10.05.2020).
23. Чеснокова В. Ф. Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века. — М., 2005. — 304 с.
24. Шабаетов Ю. П., Жеребцов И. Л., Журавлев П. С. «Русский Север»: культурные границы и культурные смыслы // Мир России. — 2012. — №4. — С. 134–153.
25. Ясин Е. Г. Модернизация российской экономики: что в повестке дня // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2001. — Т. 5. — №2. — С. 158–178.
26. Ясин Е., Яковлев А. Конкурентоспособность и модернизация российской экономики // Вопросы экономики. — 2004. — №7. — С. 4–34.
27. Guimarães M., Nunes L., Barreira A., Panagopoulos T. What makes people stay in or leave shrinking cities? An empirical study from Portugal // European Planning Studies. — 2016. — Vol. 24. — №9. — Pp. 1684–1708. — DOI: 10.1080/09654313.2016.1177492.
28. Harvey D. Spaces of hope. — Edinburgh University Press, Edinburgh, 2000. — 310 p.
29. Lebedev S., Blagoevic M., Pokaninova E. Value- and Reflection-based Approach to Indicators of Orthodox Religiosity of the Population [Electronic resource] // Stanovništvo. (In Serbian). — 2020. — №58 (1). — Pp. 47–61. — URL: <http://idn.org.rs/ojs3/stanovnistvo/index.php/STNV/article/view/381> (Date accessed: 08.08.2020).
30. Negroponte N. Being Digital. — NY: Knopf, 1995. — 256 p.
31. Pollak D. Renaissance des Religiösen? Veränderungen auf dem religiösen Feld in ausgewählten Ländern Ost- und Ostmitteleuropas // Archiv für Sozialgeschichte. — 2011. — №51. — P. 116.
32. Ryan B. D. Design after Decline: How America Rebuilds its Shrinking Cities. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. — 288 p.
33. Sassen S. The global city: New York, London, Tokyo [Electronic resource]. — Princeton University Press, Princeton, NJ, 2001. — URL: <http://dx.doi.org/10.1515/9781400847488>.
34. Scott A., Storper M. Regions, globalization, development // Regional Studies. — 2007. — №37 (6–7). — Pp. 579–593. — DOI: 10.1080/0034340032000108697a.
35. Skinner C. Digital human. The fourth revolution of humanity includes everyone. — Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd, 2018. — 328 p.
36. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence. — NY: McGraw-Hill, 1994. — 368 p.
37. Van den Berg L., Drewett R., Klaasen L. Urban Europe: A Study of Growth and Decline. — Pergamon, Oxford, 1982. — 162 p.
38. Weill P., Woerner S. Digital business transformation. — Harvard Business Review Press (USA), 2018. — 260 p.
39. Исследование поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (Дата обращения: 09.02.2021).

References

1. *Aksenova O. V.* Sub'ekt social'nogo dejstviya v sovremennom razvitii Rossii: aktor, agent, nikto? [The subject of social action in the modern development of Russia: actor, agent, nobody?] // *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. — 2020. — Vol. 11. — №2. — Pp. 37–53. — DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.640.
2. *Aksenova O. V., Halij I. A.* Sovremennoe razvitie. K postanovke temy issledovaniya [Modern development. To the formulation of the research topic] // *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. — 2018. — №24. — Pp. 13–26. — DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.492>.
3. *Andreev A. L.* Rossijskij socium kak «drugaja Evropa» [Russian society as «another Europe»] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and modernity]. — 2013. — №3. — Pp. 70–79.
4. *Belikova E. O.* Poiski strategii sociologicheskogo izuchenija religioznoj identichnosti [The search for a strategy for the sociological study of religious identity] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. — 2018. — №2. — Pp. 116–127. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.05.
5. *Bogdanov V. S.* Organizacionno-metodologicheskie aspekty distancionnogo issledovaniya problem cifrovizacii regionov s razlichnym urovnem sociokul'turnoj modernizacii. Chast' 2 [Organizational and methodological aspects of remote research of the problems of digitalization of regions with different levels of socio-cultural modernization. Part 2] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. — 2020. — Vol. 8. — №1. — Pp. 131–149. — DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7100.
6. *Budilov A. P., Kalachikova O. N.* Migracija i pereselencheskie ustanovki zhitelej Vologodskoj oblasti [Migration and resettlement attitudes of residents of the Vologda region] // *Problemy razvitija territorii* [Problems of territory development]. — 2020. — №2 (106). — Pp. 108–119. — DOI: 10.15838/ptd.2020.2.106.8.
7. *Veber A. B.* Paradoksy sovremenno-go razvitija: chelovechestvo u razvilki istorii [Paradoxes of modern development: humanity at the fork of history] // *Vestnik Instituta sociologii* [Bulletin of the Institute of Sociology]. — 2018. — №24. — Pp. 52–75. — DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2018.24.1.494>.
8. *Degot' E.* Prostranstvennye kody «russkosti» v iskusstve XIX veka [Spatial codes of «Russianness» in the art of the XIX century] [Elektronnyj resurs] // *Otechestvennye zapiski*. — 2002. — №6. — URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2002/6/prostranstvennye-kody-russkosti-v-iskusstve-xix-veka-fragment.html> (Date accessed: 30.06.2020).
9. *Emel'janov N. N.* Paradoks religioznosti: otkuda berutsja verujushhie? [The paradox of religiosity: where do believers come from?] // *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring public opinion: Economic and social changes]. — 2018. — №2. — Pp. 32–48. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.02.
10. *Zabaev I. V.* Religija i jekonomika: mozhem li my vse eshhe opirat'sja na Maksa Vebra? [Religion and economics: can we still rely on Max Weber?] // *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological review]. — 2018. — Vol. 17. — №3. — Pp. 107–148.
11. *Il'in V. I.* Chelovek na starom Russkom Severe: mezhdru svobodoy voli i strukturnym prinuzhdeniem (istoricheskij ocherk v terminah jekzistencial'noj sociologii) [A man in the Old Russian North: between free will and structural coercion (a historical essay in terms of existential sociology)] // *Mir Rossii* [World of Russia]. — 2020. — Vol. 29. — №3. — Pp. 6–27. — DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-6-27.
12. *Kastel's M.* Galaktika Internet: Razmyshlenija ob Internetе, biznese i obshchestve. Per. s angl. [Galactica Internet: Reflections on the Internet, Business and Society. Trans. from English]. — Ekaterinburg: «U-Faktorija», 2004. — 328 p.
13. *Kastel's M.* Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information age: economy, society and culture]. — Moscow: GU VShJe, 2000. — 608 p.
14. *Lebedev S. D.* Paradoksy religioznosti v mire Pozdnego Moderna [Paradoxes of religiosity in the world of Late Modernity] // *Sociologicheskije issledovaniya* [Sociological research]. — 2010. — №12.
15. *Lebedev S. D., Suhorukov V. V.* Tesnyj put' ne tuda? [A tight path is not there?] // So-

ciologicheskie issledovaniya [Sociological research]. — 2013. — №1. — Pp. 118–127.

16. *Malye goroda v social'nom prostranstve Rossii: monografija* [Small cities in the social space of Russia: a monograph] [Elektronnyj resurs] / A. Ju. Ardal'janova, P.V. Bizjukov, R.G. Braslavskij i dr. // Otv. red. V.V. Markin, M.F. Chernysh [In V.V. Markin, M.F. Chernysh (eds.); predisl. ak. M.K. Gorshkov. — Moscow: FNIS RAN, 2019. — 545 p. — DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-323-2.2019. — URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=7751.

17. *Markin K. V. Mezhdru veroj i neveriem: nepraktikujushhie pravoslavnye v kontekste rossijskoj sociologii religii* [Between faith and unbelief: non-practicing Orthodox in the context of the Russian sociology of religion] // *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. — 2018. — №2. — Pp. 266–282. — DOI: 10.14515/monitoring.2018.2.16.

18. *Maslo R. E. Opredelenie ponjatija «Mal'j gorod» v global'noj sisteme mirohoz'jajstvennyh svjazej* [Definition of the concept of «Small city» in the global system of world economic relations] // *Biznes Inform.* — 2014. — №10. — Pp. 14–17.

19. *Rjazancev I. P., Pisarevskij V. G. Filosofija rannego hristianstva i vyzovy cifrovizacii. Mezhdunarodnaja konferencija «Filosofija rannego hristianstva v jepohu cifrovizacii», Katolicheskij universitet Fuzhen' (Tajvan', 6–7 dekabrja 2019 g.)* [The philosophy of early Christianity and the challenges of digitalization. International Conference «Philosophy of Early Christianity in the Era of Digitalization», Fuzhen Catholic University (Taiwan, December 6–7, 2019)] // *Zhurnal «Jekonomicheskaja sociologija»*. — 2020. — Vol. 21. — №2. — Pp. 91–98.

20. *Uzlaner D. A. Sekuljarizacija kak sociologicheskoe ponjatie* [Secularization as a sociological concept] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. — 2008. — №8.

21. *Filatov S. B., Lunkin R. N. Statistika rossijskoj religioznosti: magija cifr i neodnoznachnaja real'nost'* [Statistics of Russian religiosity: the magic of numbers and ambiguous reality] // *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. — 2005. — №6.

22. *Harisson L. Evrei, konfuciancy i protestanty: kul'turnyj kapital i konec*

mul'tikul'turalizma [Jews, Confucians and Protestants: cultural capital and the end of multiculturalism] [Elektronnyj resurs] // *Doklad na mezhdunarodnoj konferencii NIU VShJe.* — 2009. — URL: <https://www.hse.ru/news/science/7075536.html> (Date accessed: 10.05.2020).

23. *Chesnokova V. F. Tesnym putem. Process vocerkovlenija naselenija Rossii v konce XX veka* [In a close way. The process of the Church formation of the population of Russia at the end of the XX century]. — Moscow, 2005. — 304 p.

24. *Shabaev Ju. P., Zherebcov I. L., Zhuravlev P. S. «Russkij Sever»: kul'turnye granicy i kul'turnye smysly* [«Russian North»: cultural boundaries and cultural meanings] // *Mir Rossii* [World of Russia]. — 2012. — №4. — Pp. 134–153.

25. *Jasin E. G. Modernizacija rossijskoj jekonomiki: chto v povestke dnja* [Modernization of the Russian economy: what is on the agenda] // *Jekonomicheskij zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Economic Journal of the Higher School of Economics]. — 2001. — Vol. 5. — №2. — Pp. 158–178.

26. *Jasin E., Jakovlev A. Konkurentosobnost' i modernizacija rossijskoj jekonomiki* [Competitiveness and modernization of the Russian economy] // *Voprosy jekonomiki* [Economic issues]. — 2004. — №7. — Pp. 4–34.

27. *Guimarães M., Nunes L., Barreira A., Panagopoulos T. What makes people stay in or leave shrinking cities? An empirical study from Portugal* // *European Planning Studies.* — 2016. — Vol. 24. — №9. — Pp. 1684–1708. — DOI: 10.1080/09654313.2016.1177492.

28. *Harvey D. Spaces of hope.* — Edinburgh University Press, Edinburgh, 2000. — 310 p.

29. *Lebedev S., Blagoevic M., Pokaninova E. Value- and Reflection-based Approach to Indicators of Orthodox Religiosity of the Population* [Electronic resource] // *Stanovništvo.* (In Serbian). — 2020. — №58 (1). — Pp. 47–61. — URL: <http://idn.org.rs/ojs3/stanovnistvo/index.php/STNV/article/view/381> (Date accessed: 08.08.2020).

30. *Negroponte N. Being Digital.* — NY: Knopf, 1995. — 256 p.

31. *Pollak D. Renaissance des Religiösen? Veränderungen auf dem religiösen Feld in ausgewählten Ländern Ost- und Ostmitteleuro-*

pas// Archiv für Sozialgeschichte. — 2011. — №51. — P. 116.

32. *Ryan B.D.* Design after Decline: How America Rebuilds its Shrinking Cities. — Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2012. — 288 p.

33. *Sassen S.* The global city: New York, London, Tokyo [Electronic resource]. — Princeton University Press, Princeton, NJ, 2001. — URL: <http://dx.doi.org/10.1515/9781400847488>.

34. *Scott A., Storper M.* Regions, globalization, development // Regional Studies. — 2007. — №37 (6–7). — Pp. 579–593. — DOI: 10.1080/0034340032000108697a.

35. *Skinner C.* Digital human. The fourth revolution of humanity includes everyone. — Marshall Cavendish International (Asia) Pte Ltd, 2018. — 328 p.

36. *Tapscott D.* The Digital Economy: Promise and Peril In The Age of Networked Intelligence. — NY: McGraw-Hill, 1994. — 368 p.

37. *Van den Berg L., Drewett R., Klaasen L.* Urban Europe: A Study of Growth and Decline. — Pergamon, Oxford, 1982. — 162 p.

38. *Weill P., Woerner S.* Digital business transformation. — Harvard Business Review Press (USA), 2018. — 260 p.

39. Issledovanie povedencheskih i institucional'nyh predposylok tehnologicheskogo razvitiya regionov RF [Research of behavioral and institutional prerequisites for the technological development of the regions of the Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russiapdf (Date accessed: 09.02.2021).

Поступила в редакцию

18 мая 2021 г.

Рязанцев Игорь Павлович — доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных наук историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Ryazantsev Igor Pavlovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Social Sciences, Faculty of History and Philology, St. Tikhon's Orthodox University.

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23б
23b Novokuznetskaya st., 115184, Moscow, Russia
E-mail: dekan-soc@mail.ru

Подлесная Мария Александровна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук.

Podlesnaya Maria Alexandrovna — Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences.

117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5
24/35 Krzhizhanovskogo st., bld. 5, 117218, Moscow, Russia
E-mail: yamap@yandex.ru

Писаревский Василий Геннадьевич — кандидат социологических наук, доцент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

Pisarevsky Vasily Gennadievich — Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of St. Tikhon's Orthodox University.

115184, г. Москва, ул. Новокузнецкая, 23б
23b Novokuznetskaya st., 115184, Moscow, Russia
E-mail: wausily@yandex.ru

Рязанцев Вадим Игоревич — магистр Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Ryazantsev Vadim Igorevich — Master of Science of Moscow State University.

119234, г. Москва, Ленинские Горы мкр., 1, корп. 3, стр. 33
1 Leninskie Gory microdistrict, bld. 3, str. 33, 119234, Moscow, Russia.
E-mail: vir220497@gmail.com

УДК 316

10.17213/2075-2067-2021-4-93-101

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ И ЕГО РЕСУРСНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ В СОЦИАЛИЗАЦИИ ЦИФРОВОЙ МОЛОДЕЖИ

© 2021 г. Л. И. Саидова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является обоснование роли экологического туризма в социализации современной молодежи, жизненный мир которой уже не мыслится без информационных и цифровых технологий. Высокая актуальность данной проблематики объясняется как этим обстоятельством, так и связанным с ним фактором снижения здоровья молодежи, замыкающейся на своих микромирах, зачастую виртуальных и погруженных в социальные сети в ущерб реальным практикам общения и территориальной мобильности.

Методологическую базу исследования представляют принципы дискурсивного анализа, позволившего выявить особенности и многообразие точек зрения и позиций относительно понятия экологического туризма, его функций и тенденций развития, а также типологического анализа, в рамках которого, включенных в обширное пространство туристских практик, экотуризм предстает как один из типов туризма.

Результаты исследования позволили обосновать точку зрения о социализационном потенциале экологического туризма, особенно значимого в информационную эпоху, когда цифровые технологии становятся источником дальнейшего замыкания на собственных этнокультурных мирах, сетевых коммуникациях, что ограничивает социализационный процесс, в условиях полиэтнического населения России нуждающийся в механизмах кросскультурных взаимодействий. Экологический туризм, помимо функции сохранения экосистемы, выполняет множество иных, связанных с расширением социальных связей и коммуникаций в процессе туристской деятельности, знакомством с иными этнокультурными мирами, а также включением в пространство социально-полезной деятельности и становлением социальной субъектной молодежи. Однако экологический туризм имеет и обратную сторону. В условиях расширения и увеличения масштабов этого направления туристической деятельности растет и количество угроз окружающей среде, охранять которую призван экотуризм. На фоне этой противоречивой тенденции в развитии экологического туризма сам процесс экологической социализации нуждается в дополнительном осмыслении с точки зрения выстраивания экологической политики в области туризма в благополучном сценарии развития экологии и социализации молодых поколений.

Перспективу исследования составляет вывод о необходимости дальнейших научных изысканий в области экологического туризма как пространства социализации российской молодежи с учетом того, что сама молодежь является активным субъектом экотуристских практик, а, значит, имеет ресурс влияния на экологическую ситуацию и вектор трансформации экотуризма как социального института. И в этом заключается ключевая перспектива социологического изучения экологического туризма как самостоятельного социального института, включенного в институциональное пространство туризма, имеющего общие с ним функции, а также специфические, обусловленные природой происхождения экотуризма.

Ключевые слова: туризм; экологический туризм; цифровая молодежь; цифровизация; информационное общество; социализация; природа; окружающая среда.

ECOLOGICAL TOURISM AND ITS RESOURCE POTENTIAL IN THE SOCIALIZATION OF DIGITAL YOUTH

© 2021 L. I. Saidova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study is to substantiate the role of eco-tourism in the socialization of modern youth, whose life world can no longer be imagined without information and digital technologies. The high relevance of this issue is explained both by this circumstance and by the associated factor of reducing the health of young people who are locked in their microcosms, often virtual and immersed in social networks to the detriment of real communication practices and territorial mobility.

The methodological basis of the research is represented by the principles of discursive analysis, which made it possible to identify the features and diversity of points of view and positions regarding the concept of ecological tourism, its functions and development trends, as well as typological analysis, in which ecotourism appears as one of the types of tourism included in the vast space of tourist practices.

The results of the study allowed us to substantiate the point of view about the socialization potential of eco-tourism, which is especially significant in the information age, when digital technologies become a source of further closure on their own ethno-cultural worlds, network communications, which limits the socialization process, which needs mechanisms of cross-cultural interactions in the conditions of the multi-ethnic population of Russia. Ecological tourism, in addition to the function of preserving the ecosystem, performs many other functions related to the expansion of social ties and communications in the process of tourist activity, acquaintance with other ethno-cultural worlds, as well as inclusion in the space of socially useful activities and the formation of social subjective youth. However, eco-tourism has a downside. In the context of the expansion and increase in the scale of this area of tourist activity, the number of threats to the environment, which ecotourism is designed to protect, is also growing. Against the background of this contradictory trend in the development of ecological tourism, the process of ecological socialization itself needs additional reflection from the point of view of building an environmental policy in the field of tourism in a successful scenario for the development of ecology and socialization of young generations.

The perspective of the study is the conclusion about the need for further scientific research in the field of ecotourism as a space for socialization of Russian youth, taking into account the fact that young people themselves are an active subject of ecotourism practices, and, therefore, have a resource of influence on the environmental situation and the vector of transformation of ecotourism as a social institution. And this is the key perspective of the sociological study of ecotourism as an independent social institution included in the institutional space of tourism, having common functions with it, as well as specific ones due to the nature of the origin of ecotourism.

Key words: tourism; ecological tourism; digital youth; digitalization; information society; socialization; nature; environment.

Введение. В современном обществе наблюдается динамичное развитие туризма, который для многих стран становится ключевым направлением экономического развития. Для России, обладающей колоссальными природными и историко-культурными ресурсами, данная отрасль экономики также является значимой, что и определяет вектор государственной политики, ориентированной на долговременное развитие туризма как магистральное в социально-экономической динамике российского государства [1]. Туризм в России развивается достаточно активно, чему способствует ряд факторов, связанных, прежде всего, с обширной и многообразной территорией страны с богатейшим природным и этнокультурным ландшафтом, величайшим историческим наследием, а также осознанием важности развития внутреннего туризма как фактора развития межкультурной коммуникации и закрепления межэтнических и межрегиональных связей полиэтнического российского населения. Последнее обстоятельство представляет особую важность для российского общества, испытывающего острый дефицит культуры межэтнического общения [2].

Сеть туристских практик стремительно развивается не только в логике традиционных видов туризма (спортивного, развлекательного, познавательного), но и новых его направлений, рождаемых самой эпохой с ее информационной динамикой развития и переходом к цифровым технологиям, значительно изменившим облик современного мира и человека [3], а также ключевых институтов социализации и, прежде всего, института образования [4–6]. Этот новый цифровой мир, имеющий преимущества по сравнению с предыдущими историческими этапами развития мирового сообщества, несет с собой множество рисков, связанных с устоявшимися принципами развития рыночной экономики, и ситуация пандемии коронавируса обозначила критический характер такого формата социально-экономического развития и социокультурной траектории социума в целом [7].

Многие страны, относящиеся к ряду экономически развитых, оказались в ситуации глубокого кризиса, не столько экономического, сколько социального, связанного с переосмыслением самой парадигмы социокуль-

турного развития в логике рыночно ориентированной экономики. В этой связи сформировалось понимание того, что необходимо изменить социально-экономическое устройство с отказом от принципов свободного рынка как решающего все проблемы и переходом к обществу нового формата — «социально-экологическому рыночному обществу» (*термин член-корреспондента РАН Р. Гринберга*), в основе которого общество «с человеческим лицом» [8].

И в этой «экологической» парадигме общественного развития естественным образом на передний план выходит экологический туризм как ориентированный на сохранение целостности экосистемы [9].

Как известно, в туристских практиках активно принимает участие молодежь как наиболее мобильная, стремящаяся к познанию всего нового, открытая миру и готовая к апробации новых социальных практик, в том числе и туристских. Предпочтения молодежи в туризме достаточно многообразны. Если говорить о российской молодежи, то традиционную активность она проявляет в области спортивного туризма в самых различных его проявлениях и видах с упором на экстремальные (скалолазание, альпинизм, горный туризм, рафтинг и т.д.), но и туристское направление, связанное со знакомством с природными достопримечательностями и культурным достоянием России, также привлекает внимание молодых граждан страны [10]. В отношении экологического туризма, который с каждым годом наращивает свой потенциал развития за счет ежегодного увеличения количества экотуристов на 7–20% (в разных странах динамика отличается) [11], можно сказать, что этот вид туризма постепенно становится зоной притяжения молодежи. Исследователи даже отмечают, что экологический туризм наиболее востребован среди представителей молодого поколения [12].

В любом случае, независимо от вида туризма, от функций, которые он выполняет, а они самые разнообразные — от оздоровления, достижения спортивных результатов до расширения кругозора и познания родного края, его культуры и истории, а также национальных культур других регионов и стран, туризм в целом можно и следует рассматривать как пространство социализации личности.

Экологический туризм в фокусе научной рефлексии. Понятие экологического туризма является одним из тех, которые обросли многочисленными дефинициями, восприятиями, научными коннотациями. Ученые насчитывают более 100 определений данного понятия, указывая, что первое из них было дано Д. Хетзером, который понимал под ним «вид деятельности, основанный на естественных и археологических ресурсах, например, наблюдение за птицами и представителями дикой природы, посещение живописных территорий, пещер, мест находок ископаемых видов, археологических объектов, вредных и болотных территорий, районов редких или вымирающих видов флоры и фауны» [9, с. 2193].

Сложности определения понятийных границ экологического туризма связаны с тем, что само по себе данное понятие достаточно общее, вмещающее в себя все возможное разнообразие туристских практик, связанных с познанием природы, ее сохранением и защитой [12], а потому и определений феномену дано большое количество. В одних, как мы уже указали, акцент делается на посещении мест дикой нетронутой природы, в других — на деятельности по охране природы, сохранении экосистемы. Есть определения, в которых эти акценты объединены в единую дефиницию экологического туризма. Так, согласно определению В.В. Лапочкиной, Н.В. Косаревой, Т.А. Адашовой, экологический туризм — «это форма природоориентированного туризма, осуществляемая с целью познания дикой природы и культуры дестинации, не нарушающая целостности экосистемы, призванная внести вклад в сохранение природных ресурсов, охрану окружающей среды и социально-экономическое развитие туристской территории» [13].

Проанализировав ряд дефиниций российских и зарубежных исследователей, Д.С. Богатырева пришла к выводу, что экологический туризм следует рассматривать как «природоориентированный вид туризма, который призван гармонизировать отношения между человеком и окружающей средой, важной функцией которого является экологическое просвещение и воспитание» [14, с. 22]. Как видим, в данном определении совмещены акценты, связанные с охра-

ной природы и просвещенческой функцией экологического туризма.

Иной подход к изучению экологического туризма, основанный на институциональной парадигме, предлагает П.В. Жуков. В его концептуальном ракурсе экотуризм — подсистема социального института туризма, представляющая собой «социальное образование, в котором развиваются социальные отношения и взаимодействия с участием субъектных носителей социальных отношений (экотуристы, турфирмы, особо охраняемые природные территории (далее ООПТ))» [15, с. 9]. В своей институциональной ипостаси экотуризм призван выполнять разнообразные социальные функции и удовлетворять групповые и индивидуальные потребности социально-экологического порядка. Само возникновение данного вида туризма как подсистемы института туризма Жуков связывает с разрушительным эффектом туристских практик по мере развития туристической отрасли. Туристическая деятельность, приносящая крупные доходы, способствующая удовлетворению самых различных видов человеческих потребностей приключенческого, познавательного, коммуникативного и иного порядка, является одновременно и фактором деградации природной среды, разрушения целостности и уникальности природных ландшафтов и экосистемы в целом, так как высокая динамика туристских потоков способствует возрастанию антропогенной нагрузки и, соответственно, отрицательных последствий туристской деятельности. И именно на стыке противоречивых последствий развития института туризма как социума, важного и необходимого для социокультурной динамики, но несущего разрушительные явления для экосистемы, рождается экологический туризм, ставший своего рода ответом развитых стран на негативные последствия от массового туризма к концу XX века [15].

О разрушительных последствиях самого экологического туризма пишут такие исследователи, как В.С. Плотникова, А.В. Васильева. Проблемы и угрозы окружающей среде, связанные с экологическим туризмом, эти ученые связывают с несовершенной политикой тех структур и организаций, которые призваны осуществлять надзор и контроль на природных территориях, с критическим

ростом рекреационной нагрузки на определенные природные территории, находящиеся в зоне особой охраны, а также с расхождением между принципами экологического туризма и реализуемыми в ходе экологических туров практиками [9].

В обозначенной ситуации тематика, связанная с экологическим туризмом, привлекает все большее количество исследователей, изучающих ее под собственным углом зрения в соответствии с поставленными задачами. Наша задача сводится к обоснованию социализационной миссии экологического туризма как ключевой в современном цифровом мире, в котором рождается и обретает субъектность «цифровая» молодежь.

Социализационная миссия экологического туризма в цифровую эпоху: молодежный формат. Безусловно, туризм как отрасль экономики ориентирован, прежде всего, на извлечение прибыли, на ее увеличение, но как социальный институт туризм призван выполнять множество функций. Наиболее значимая из них связана с социокультурной целью, которая достигается за счет трансляции через знакомство с культурным наследием общества ценностей согласия, консолидации, межнациональной гармонии, международного сотрудничества. Справедливым можно считать мнение специалистов, полагающих, что туристское пространство есть «зона общения, сфера раскрытия способностей и реализации потребности в самовыражении и признании» [16, с. 48]. Именно в этом и заключается институциональная суть туризма как пространства социализации. В этом его социализационная миссия и значимость для воспитания молодых поколений, особенно современных, цифровых, рожденных в эпоху господства информации и цифровых технологий, без которых мир уже немыслим, хоть он и несет массу угроз современной человеческой цивилизации, прежде всего, в контексте цифровизации самого человека [17].

Социализационная миссия туризма наиболее выражена в таком виде туризма, как экологический, поскольку само его происхождение и распространение, как отмечают исследователи, связано с тем, что человечество осознало губительное и глобальное по своим последствиям влияние своей ин-

дустриальной деятельности, а потому экологический туризм зачастую еще называют природо-ориентированным, социально-ответственным [13].

Растущая популярность экотуризма, на долю которого по некоторым данным уже приходится более 10–20% прибыли от всего туристского рынка [18], можно объяснить тем, что он представляет возможность побывать в экологически чистых уголках природы, получить эстетическое удовольствие, набраться физических и духовных сил, почувствовать гармонию с природой, что особенно важно в мире, стремительно утрачивающем связи с природой и замыкающемся не только в пространстве городов, но информационных технологий.

Для молодежи, погруженной в социальные сети и проводящей больше времени за компьютером, чем на природе, экотуризм крайне важен, поскольку восприятие природы в этом виде туризма способствует формированию особого типа сознания, ориентированного не на загрязнение окружающей среды, не на разрушение природного ландшафта, а на его сохранение как фундамента гармоничного развития личности и сосуществования человека с окружающей средой в гармонии [19].

Современное молодое поколение социализируется в среде, далекой от принципов и норм здоровьесбережения. По праву называемая молодежью экранной, цифровой, компьютерной, эта среда с самого рождения связана со всевозможными средствами компьютерной и иной информационной техники, что формирует специфический фон социализации и самой реальности как сверхтехнологизированной, антропотехногенной. Указанные социальные факторы становятся определяющими в формировании здоровья подростков и молодежи [20], а многочисленные данные о снижении здоровья в молодежной среде современного российского общества говорят о том, что новая цифровая реальность и информационная среда социализации молодежи рискогенна по своей сути, что она несет риск здоровью молодежи.

В указанных обстоятельствах вопрос о создании здоровьесберегающей среды для молодежи не носит праздный характер, а приобретает чрезвычайную остроту [21].

Необходимы условия, при которых цифровое поколение молодежи сможет развиваться без рисков для здоровья. Такая среда должна сформироваться в противовес техногенной, чтобы создать необходимый баланс природного и техногенного. Для этого необходимо использовать потенциал тех видов деятельности, которые позволяют оторваться от экранов мониторов, увидеть мир не сквозь призму экранных сюжетов, а собственными глазами. И экологический туризм имеет все ресурсы для создания таких условий.

Реализуя экотуристские практики, молодежь имеет возможность не только познать окружающий мир, оценить всю красоту дикой природы, но и познать себя, понять свое место в этой экосистеме. Экологический туризм позволяет стать взрослее, сознательнее, более ответственно относиться к окружающей среде, к своей роли в обществе, поскольку активное включение молодых граждан в экотуристские практики способствуют столь же активному включению и в социальную жизнь, в решение социально значимых задач.

Таким образом, экологический туризм как агент социализации способствует формированию социальной субъектности молодежи, ее интеграции в социальные отношения и обретению статуса полноценного социального актора, включенного в систему социальных связей и социально-полезной деятельности.

Заключение. Экологический туризм как предметное пространство научной и социологической рефлексии нуждается в глубокой научной разработке, поскольку он обладает значительным ресурсом решения актуальных социальных проблем российского общества через реализацию многочисленных функций и прежде всего социализационной.

В данном тематическом направлении уже работают исследователи, стремящиеся создать теоретические основы для изучения этого вида туризма, а также его роли в развитии молодежи. Однако высокая динамика цифрового общества не оставляет сомнений в том, что любая сфера социальной жизни, любые социальные практики, в том числе и туристские, нуждаются в постоянном научном мониторинге, постоянном внимании

в контексте отслеживания новых тенденций и перспектив в их развитии.

Полагаем, интерес к экологическому туризму, обозначившийся в российской социологической науке, еще долго будет предметом научного дискурса и эмпирических практик, так как экотуризм стремительно расширяется во всем мире и в России в том числе, обозначая большие перспективы дальнейшей динамики в мире, развивающемся по технократической траектории. Более того, рожденный в ответ на вызовы техногенной эпохи в целях защитить природные территории, приблизить человека к природе, создать его экологическое сознание, он сам становится угрозой экосистеме по мере роста экотуристов и развития экотуристической отрасли, что свидетельствует о противоречивом формате становления и развития экотуризма как подсистемы института туризма. Дальнейшее развитие экотуризма в России должно быть подчинено логике сохранения уникальной природы российских регионов, а также реализации его социализационной миссии через приобщение к целостной и не разрушенной человеком природе.

Литература

1. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года (утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года №2129-р) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossiyskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda>.
2. Мустафаев Ф. М. Факторы разрушения культуры межнационального общения в современном полиэтническом пространстве российского общества // Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — №3. — С. 113–123.
3. Процессы цифровизации в современном социуме: тенденции и перспективы развития: сборник докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Елец, 27 ноября 2019 г.) / под ред. И. В. Дарда и др. — М.: Редакционно-издательский дом Российского нового университета, 2019.
4. Верецагина А. В., Нечипуренко В. Н., Самыгин С. И. Ценностный кризис современ-

ного образования в исторической проекции и динамике модернизации его парадигмальных оснований в условиях вызовов информационной эпохи // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. — 2016. — №2. — С. 74–91.

5. *Воденко К. В., Боровая Л. В., Ефимов А. В.* Российское образование в условиях глобальной информатизации и цифровизации: социально-философский дискурс // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №3. — С. 36–44.

6. *Лубский А. В., Ковалев В. В.* От «онлайн-образования» высшей школы к онлайн-образованию // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 33–50.

7. *Волков Ю. Г., Курбатов В. И.* Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды постковидного мира // Гуманитарий Юга России. — 2020. — Т. 9. — №2. — С. 17–32.

8. Постпандемический мир и Россия: новая реальность [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/708800>.

9. *Плотникова В. С., Васильева А. В.* Рекреационная емкость как организационно-экономический инструмент развития экологического туризма на особо охраняемой природной территории // Экономические отношения. — 2019. — Т. 9. — №3. — С. 2191–2202. — DOI: 10.18334/eo.9.3.40950.

10. *Булганина С. В., Ананьева К. В., Тюмина Н. С., Шутова Ю. Г.* Маркетинговое исследование предпочтений молодежи в области туризма [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «Науковедение». — 2016. — Т. 8. — №4. — Режим доступа: <http://naukovedenie.ru/PDF/06EVN416.pdf>.

11. *Афанасьев О. Е., Афанасьева А. В.* Концепт «экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы // Современные проблемы сервиса и туризма. — 2017. — №4. — С. 7–26. — DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25.

12. *Поуесов А. В., Виницкая А. В.* Экологический туризм в досуге молодежи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/6-visheslovatskie-chtenia/pouesov.pdf>.

13. *Лапочкина В. В., Косарева Н. В., Адашова Т. А.* Экологический туризм в России:

тенденции развития [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. — 2016. — №5 (47). — Ч. 1. — С. 100–105. — Режим доступа: <https://research-journal.org/economical/ekologicheskij-turizm-v-rossii-tendencii-razvitiya/>.

14. *Богатырева Д. С.* Феномен экологического туризма как мейнстрим современности // Сервис в России и за рубежом. — 2015. — №4. — С. 16–26.

15. *Жуков П. В.* Экотуризм как подсистема социального института туризма // Сетевой журнал «Научный результат». Серия: Технологии бизнеса и сервиса. — 2016. — Т. 2. — №1 (7). — С. 8–11. — DOI: 10.18413/2408-9346-2016-2-1-8-11.

16. *Степановский Е. П., Скляр А. В.* Социализация в туристском пространстве // Научный вестник ЮИМ. — 2015. — №4. — С. 48–52.

17. Цифровизация человека: влияние цифровых технологий на общество [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html>.

18. *Щербакова Е. А.* Экологический туризм как приоритетное направление культивирования здорового образа жизни среди студенческой молодежи [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2017-03/shcherbakova_e.a_idpo_2017.pdf.

19. *Крайнов А. Л.* Экологическое сознание: сущность и социально-исторические феномены: автореф. ... дис. канд. филос. наук. — Саратов, 2001. — 17 с.

20. *Журавлева И. В., Лакова Н. В.* Социальная обусловленность здоровья подростков во временном аспекте // Социологическая наука и социальная практика. — 2019. — №2 (26). — С. 132–151.

21. *Бойченко Я. Б.* Здоровьесбережение современной молодежи: монография. — Х.: Издательство Иванченко И. С., 2013. — 195 с.

References

1. Strategija razvitija turizma v Rossijskoj Federaciji na period do 2035 goda (utverzhdjena Rasporjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 20 sentjabrja 2019 goda №2129-r) [The strategy of tourism development in the Russian Federation for the period up to 2035 (approved

by the Decree of the Government of the Russian Federation No. 2129-r of September 20, 2019)] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://tourism.gov.ru/contents/documenty/strategii/strategiya-razvitiya-turizma-v-rossijskoy-federatsii-v-period-do-2035-goda>.

2. *Mustafaev F.M.* Faktory razrusheniya kul'tury mezhnacional'nogo obshheniya v sovremennom polijetnichnom prostranstve rossijskogo obshhestva [Factors of the destruction of the culture of interethnic communication in the modern multi-ethnic space of Russian society] // *Gumanitarnye i social'nye nauki* [Humanities and social Sciences]. — 2014. — №3. — Pp. 113–123.

3. Processy cifrovizacii v sovremennom sociume: tendencii i perspektivy razvitiya: sbornik dokladov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Elec, 27 nojabrja 2019 g.) [The process of digitalization in the modern society: trends and prospects: collection of reports of all-Russian scientific-practical conference with international participation (Elec, 27 Nov. 2019)] / pod red. I. V. Darda i dr. [In I. V. Darda et al. (eds.)]. — Moscow: Redakcionno-izdatel'skij dom Rossijskogo novogo universiteta, 2019.

4. *Vereshhagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I.* Cennostnyj krizis sovremennogo obrazovaniya v istoricheskoj proekcii i dinamike modernizacii ego paradigmal'nyh osnovanij v uslovijah vyzovov informacionnoj jepohi [Value crisis of modern education in the historical projection and dynamics of the modernization paradigm bases in the context of the challenges of the information age] // *Kontekst i refleksija: filosofija o mire i cheloveke* [The context and reflection: philosophy of the world and man]. — 2016. — №2. — Pp. 74–91.

5. *Vodenko K.V., Borovaja L.V., Efimov A.V.* Rossijskoe obrazovanie v uslovijah global'noj informatizacii i cifrovizacii: social'no-filosofskij diskurs [Russian education in the conditions of global informatization and digitalization: socio-philosophical discourse] // *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №3. — Pp. 36–44.

6. *Lubskij A.V., Kovalev V.V.* Ot «onlajnizacii» vysshej shkoly k onlajn-obrazovaniju [From «Onlinization» of higher school to online education] // *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 33–50.

7. *Volkov Ju. G., Kurbatov V.I.* Global'naja sociologija pandemii: otechestvennye i zarubezhnye scenarii i trendy poslekoronavirusnogo mira [Global sociology of the pandemic: domestic and foreign scenarios and trends of the post-coronavirus world] // *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. — 2020. — Vol. 9. — №2. — Pp. 17–32.

8. Postpandemicheskij mir i Rossija: novaja real'nost' [The post-pandemic world and Russia: new reality] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/708800>.

9. *Plotnikova V.S., Vasil'eva A.V.* Rekreatcionnaja emkost' kak organizacionno-jekonomicheskij instrument razvitiya jekologicheskogo turizma na osobo ohranjaemoj prirodnoj territorii [Recreational capacity as an organizational and economic tool for the development of ecological tourism in a specially protected natural area] // *Jekonomicheskie otnosheniya* [Economic relations]. — 2019. — Vol. 9. — №3. — Pp. 2191–2202. — DOI: 10.18334/eo.9.3.40950.

10. *Bulganina S.V., Anan'eva K.V., Tjulina N.S., Shutova Ju. G.* Marketingovoe issledovanie predpochtenij molodezhi v oblasti turizma [Marketing research of youth preferences in the field of tourism] [Elektronnyj resurs] // *Internet-zhurnal «Naukovedenie»* [Online magazine «Science Studies»]. — 2016. — Vol. 8. — №4. — URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/06EVN416.pdf>.

11. *Afanas'ev O. E., Afanas'eva A.V.* Koncept «jekologicheskogo turizma» v mirovoj i rossijskoj praktike: komparativnyj analiz i kejsy [The concept of «ecological tourism» in world and Russian practice: comparative analysis and cases] // *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. — 2017. — №4. — Pp. 7–26. — DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25.

12. *Pouesov A.V., Vinickaja A.V.* Jekologicheskij turizm v dosuge molodezhi [Ecological tourism in the leisure of youth] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.tsutmb.ru/nauka/internet-konferencii/6-visheslovatskie-chtenia/pouesov.pdf>.

13. *Lapochkina V.V., Kosareva N.V., Adashova T.A.* Jekologicheskij turizm v Rossii: tendencii razvitiya [Ecological tourism in Russia: development trends] [Elektronnyj resurs] // *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Scientific Research Journal]. — 2016. —

№5 (47). — Part 1. — Pp.100–105. — URL: <https://research-journal.org/economical/ekologicheskij-turizm-v-rossii-tendencii-razvitiya/>.

14. *Bogatyreva D.S.* Fenomen jekologicheskogo turizma kak mejnstrim sovremennosti [The phenomenon of ecological tourism as the mainstream of modernity] // *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. — 2015. — №4. — Pp. 16–26.

15. *Zhukov P.V.* Jekoturizm kak podsistema social'nogo instituta turizma [Ecotourism as a subsystem of the social institute of tourism] // *Setevoy zhurnal «Nauchnyj rezul'tat»*. Seriya: Tehnologii biznesa i servisa [Online magazine «Scientific result». The series: Technologies of business and service]. — 2016. — Vol. 2. — №1 (7). — Pp. 8–11. — DOI: 10.18413/2408-9346-2016-2-1-8-11.

16. *Stepanovskij E.P., Skljarov A.V.* Socializacija v turistskom prostranstve [Socialization in the tourist space] // *Nauchnyj vestnik JuIM* [Scientific Bulletin of the YUIM]. — 2015. — №4. — Pp. 48–52.

17. *Cifrovizacija cheloveka: vlijanie cifrovych tehnologij na obshhestvo* [Human digitalization: the impact of digital technologies on society] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://mentamore.com/socium/cifrovizaciya-cheloveka.html>.

18. *Shherbakova E.A.* Jekologicheskij turizm kak prioritnoe napravlenie kul'tivirovanija zdorovogo obraza zhizni sredi studencheskoj molodezhi [Ecological tourism as a priority direction of cultivating a healthy lifestyle among students] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/2017-03/shcherbakova_e.a_idpo_2017.pdf.

19. *Krajnov A.L.* Jekologicheskoe soznanie: sushhnost' i social'no-istoricheskie fenomeny: avtoref. ... dis. kand. filos. nauk [Ecological consciousness: the essence and socio-historical phenomena: Ph. D. (Philosophy) Thesis]. — Saratov, 2001. — 17 p.

20. *Zhuravleva I.V., Lakomova N.V.* Social'naja obuslovlennost' zdorov'ja podrostkov vo vremennom aspekte [Social conditionality of adolescent health in a temporary aspect] // *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. — 2019. — №2(26). — Pp. 132–151.

21. *Bojchenko Ja. B.* Zdorov'esberezhenie sovremennoj molodezhi: monografija [Health care of modern youth: a monograph]. — Kharkiv: Izdatel'stvo Ivanchenko I.S., 2013. — 195 p.

Поступила в редакцию

12 июля 2021 г.

Саидова Липа Исаевна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, старший преподаватель кафедры туризма и индустрии гостеприимства Чеченского государственного университета.

Saidova Lipa Isaevna — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), a Senior Lecturer at the Department of Tourism and Hospitality Industry of the Chechen State University.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: lipa-chlenti@mail.ru

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

УДК 005.5

10.17213/2075-2067-2021-4-102-111

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЯ: ЭТАПЫ И ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТЬ

© 2021 г. В. Н. Гарькуша, С. А. Черноусова, И. И. Сальникова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является обоснование этапов процесса стратегического управления развитием предприятия и их последовательности с учетом выявленных характеристик понятия «стратегическое управление» и его цели.

Методологическую базу исследования представляют теория организации, теории менеджмента, теории управленческих решений, теории сбалансированного развития, концепции устойчивого развития, анализируемые под углом зрения взаимодействия предприятия с внешней средой, и теории экономики отраслевых рынков. Применение этих методов позволяет изучить и обосновать последовательность этапов стратегического управления в процессе достижения глобальной цели.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является выявленная последовательность и этапы нарастания нестабильности внешней среды в экономике России, в которой действует предприятие в соответствии с характеристиками нарастания нестабильности, предложенными И. Ансоффом. Результаты такого анализа необходимы для понимания способов принятия управленческих решений. В работе анализируется модель сферической спирали, которая отражает тот факт, что, с одной стороны, все исследования стратегического управления определены рамками организации, но, с другой стороны, в процессе разработки и реализации методических инструментов происходит углубление и последовательная конкретизация методологии стратегического менеджмента. Рассмотренные этапы и их последовательность в процессе разработки и реализации системы стратегий, предложенные различными авторами, определили целесообразность в современных условиях первоначального проведения стратегического анализа организационной среды бизнеса (экономики, отрасли, рынков), затем других этапов процесса стратегического планирования. Стратегический анализ, проводимый с учетом ценностно-компетентной составляющей стратегического управления, имеет важное значение как для разработки корпоративной, так и бизнес-стратегий.

Перспективу исследования составляет обоснованность принципов разработки концептуальной схемы системы стратегического управления, выбор конкретных инструментов разработки и реализации системы стратегий с позиции их адекватности и нацеленности на желаемый результат.

Ключевые слова: стратегическое управление; нестабильность внешней среды; стратегический анализ организационной среды бизнеса.

STRATEGIC MANAGEMENT OF ENTERPRISE DEVELOPMENT: STAGES AND THEIR SEQUENCE

© 2021 V. N. Garkusha, S. A. Chernousova, I. I. Salnikova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The aim of the study is to substantiate the stages of the process of strategic management of enterprise development and their sequence, taking into account the identified characteristics of the concept of strategic management and its goals.

The methodological basis of the research is represented by the theory of organization, the theory of management, the theory of management decisions, the theory of balanced development, the concept of sustainable development, analyzed from the point of view of the interaction of the enterprise with the external environment and the theory of the economics of industrial markets. The use of these methods allows you to study and substantiate the sequence of stages of strategic management in the process of achieving a global goal.

Research results. One of the important results is the identified sequence and stages of increasing instability of the external environment in the Russian economy, in which the enterprise operates, in accordance with the characteristics of increasing instability proposed by I. Ansoff. The results of such an analysis are necessary to understand the ways of making management decisions. The paper analyzes the model of a spherical spiral, which reflects the fact that, on the one hand, all studies of strategic management are determined by the framework of the organization, but, on the other hand, in the process of developing and implementing methodological tools, the methodology of strategic management is deepened and consistently concretized. The considered stages and their sequence in the process of developing and implementing the strategy, proposed by various authors, determined the feasibility in modern conditions of the initial sectoral analysis of business (economy, industry, markets), then other stages of the strategic planning process. Industry analysis, taking into account the value-based component of strategic management, is essential for the development of corporate and business strategies.

The prospect of the research is the validity of the principles of developing a conceptual scheme of a strategic management system, the choice of specific tools for the development and implementation of a system of strategies from the standpoint of their adequacy and focus on the desired result.

Key words: *strategic management; instability of the external environment; strategic analysis; industry analysis.*

Введение. Актуальность исследования процесса стратегического управления предприятиями, который еще совсем недавно был относительно новым для российских предприятий, а сегодня становится необходимым инструментом для эффективного управления ими, возрастает в условиях увеличивающейся неопределенности и непредсказуемости внешней среды бизнеса. В этих условиях важно найти стратегически грамотные подходы к разработке и реализации системы стра-

тегий предприятия с точки зрения последовательности этапов этого процесса, принципов формирования стратегии предприятия, инструментов ее разработки и реализации.

Отдельное место в решении проблемы повышения эффективности стратегического управления занимают вопросы, связанные с формированием стратегического мышления и системного подхода к разработке и реализации стратегических управленческих решений с целью развития бизнеса, обеспе-

чения конкурентоспособности и устойчивого роста.

Влияние нестабильности на изменение условий предпринимательской деятельности. В российской экономике в теории и практике стратегического управления предприятием за свою относительно короткую историю развития сформировалось понимание его как процесса непрерывного и многогранного взаимодействия с внешней средой. При этом экономика России прошла все стадии нарастания нестабильности внешней среды, сформулированные И. Ансоффом, «от привычных событий до неожиданных и совершенно новых, темп изменения которых все чаще становится мало предсказуемым» [1]. Так, в экономике России можно выделить следующие стадии последовательного нарастания нестабильности среды, в которой действует организация. Стадия стабильности в экономике страны закончилась в 1982 г.; реакция на проблемы в пределах экстраполяции опыта наблюдалась в 1982–1985 гг.; неожиданные события, имеющие аналогии в прошлом, возникали в период 1985–1989 гг.; 1989–1992 гг. — период, когда события и проблемы будущего еще были предсказуемы, однако их развитие происходило быстрее, чем организация могла на них отреагировать; 1993 г. — по настоящее время — период, когда возникают совершенно новые и неожиданные события, серьезно влияющие на результаты деятельности организации.

При этом нестабильность может быть результатом изменений в национальной внутренней среде или быть следствием мировых финансовых проблем:

— 1990–1998 гг. — результат внутренних проблем: ГКО, дефолт 1998 г., курс рубля к доллару увеличился с 6 руб. до 22 руб.;

— 1998–2008 гг. — кризис 2008–2009 гг. как следствие мирового финансового кризиса: цена на нефть упала до 40 долларов США за баррель, падение ВВП в 2009 г. составило 7,9%;

— 2009–2014 гг. — кризис развивается только в России как следствие резкого снижения стоимости нефти до 57 долларов за баррель (в бюджет закладывалась стоимость 97), присоединение Крыма, санкции и т.п.; 2016 г. — последний год экономического спада;

— 2017 г. — стадия начала небольшого экономического роста;

— 2020 г. — спад экономического роста в связи пандемией коронавируса COVID-19, которая началась в середине декабря 2019 г. в городе Ухань в центральном Китае и охватила весь мир.

На всех этих этапах нестабильности можно было наблюдать различную по степени эффективности деятельность как Правительства РФ, так и высшего менеджмента предприятий различных отраслей промышленности, приводящую к соответствующим результатам, на основе которых развивается методология и практика стратегического управления в Российской экономике.

Разделяя мнение Н.П. Коноваленко [2] «о триединой сущности стратегического управления как деятельности, процесса и методологии», можно сказать, что стратегическое управление предприятием — это процесс непрерывного и многогранного взаимодействия предприятия с внешней средой, целенаправленного и развивающего характера на основе использования специального инструментария подготовки, разработки и реализации системы стратегий для достижения эффективного и устойчивого развития предприятия. Данное определение воспроизводит триединую сущность стратегического управления: деятельность (многогранное взаимодействие субъекта управления с окружающей средой, носящее целенаправленный и развивающий характер), процесс (непрерывный характер последовательной смены стадий подготовки, разработки и реализации системы стратегий) и методология (применение системы специальных принципов, методов и методик).

Анализ определения стратегического менеджмента, этапов процесса разработки и реализации стратегии и их последовательность. Анализ литературы по стратегическому управлению показывает, что мнения авторов по поводу процесса разработки и реализации стратегии являются неоднозначными. При этом в отношении перечня этапов стратегического управления нет существенных различий и в целом их можно свести к следующим четырем блокам: анализ, планирование, реализация, контроль. Однако

в последовательности осуществления этих этапов все разнообразие можно свести к двум аспектам: часть авторов на первоначальных этапах процесса стратегического управления предлагают определить свои позиции в области идеологии стратегического управления (формулировки миссии, стратегического видения, целей) [3, 4, 5], а потом исследовать среду организации, другая часть — наоборот [6, 7, 8]. Поэтому важно найти стратегически грамотные подходы к разработке и реализации стратегии предприятия с точки зрения последовательности этапов этого процесса, принципов формирования системы стратегий предприятия, инструментов их разработки и реализации.

Нам представляется, что с точки зрения обоснования системы стратегий и достижения целей на первом этапе процесса стратегического управления должна быть оценка стратегического потенциала бизнеса, а потом уже планирование стратегий. При этом важное значение имеет обоснование и применение принципов стратегического управления как основных исходных положений, без которых невозможно сформулировать адекватную систему стратегий на предприятии и добиться ее эффективной реализации. Наряду с общепризнанными принципами «научности, непрерывности, стратегической гибкости, комплексности стратегической информации и др.» [9, 10], на наш взгляд, следует выделить такие принципы формирования стратегий, как принцип ценностных установок и компетенций организации, адекватности инструментов разработки и реализации стратегии, гуманитарной организационной культуры и участия, без которых в современных условиях динамичной внешней среды невозможно эффективное функционирование организации. Кроме того, данные принципы являются определяющими для дальнейшего функционального разделения (каскадирования) процесса стратегического управления. Как мы отмечали выше, анализ процесса стратегического управления развитием предприятия позволил установить, что, как правило, выделяют четыре блока стратегического управления: анализ, планирование, реализация, контроль в соответствии с его функциями, которые на схеме (рис. 1) разбиты на более мелкие задачи.

На основе сформулированной концептуальной схемы процесса стратегического управления предприятием может быть предложена схема процесса формирования и реализации системы стратегий предприятия (рис. 2).

Содержание предлагаемой схемы структурирования процесса формирования системы стратегий предприятия может быть конкретизировано следующими положениями.

1. В качестве первого шага формирования системы стратегий предприятия положена оценка стратегического потенциала сферы бизнеса (отрасли, рынка и т.д.), причем исходным документом для всех российских стратегических разработок разных уровней (региональных, межотраслевых, отраслевых, корпоративных), на наш взгляд, может выступать «Стратегия социально-экономического развития РФ», построенная с учетом Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, в котором предусмотрен специальный раздел, освещающий долгосрочные ориентиры развития отрасли или рынка конкретной продукции. В современной России в качестве стратегии социально-экономического развития выступает Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г., чаще называемый «Концепция — 2030», а также Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года [11, 12].

Более конкретно оценка потенциала сферы бизнеса (отрасли, рынка конкретного продукта и т.д.), как правило, приводится в различных отраслевых документах. Так, например, «Стратегию повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года» [13] целесообразно проанализировать с точки зрения выявления стратегических разрывов конкретного предприятия с желаемыми целевыми показателями в области качества выпускаемой продукции.

2. Далее осуществляется идентификация стратегического целевого разрыва, поскольку именно несоответствие желательного состояния предприятия в будущем и складывающихся в настоящее время тенденций его развития могут послужить доводом в пользу начала формирования системы стратегий как действенного механизма достижения ключевых целей развития.

3. Подобная структуризация процесса формирования системы стратегий предприятия предполагает параллельное выполнение процедур оценки организационной (внешней и внутренней) и конкурентной среды, а также оценку потенциала системы менеджмента, что может позволить значительно сократить время на этапах стратегического анализа и планирования выбора стратегических позиций.

4. Разделяя современные взгляды отечественных и зарубежных ученых, определяющих этап целеполагания как центральный, исходный в процессе планирования и управления, авторы считают обоснованным выделение его в качестве одного из этапов разработки стратегии, поскольку стратегия и соответственно система стратегий являются средством достижения поставленной цели.

При этом цели должны быть установлены до того, как сформулирована стратегия.

5. На основе выбранного оптимального варианта корпоративной (базовой, общей) стратегии осуществляется разработка деловых, функциональных и операционных стратегий. Главное требование к их разработке — взаимообусловленность и взаимозависимость, которая должна найти отражение в соответствующих инструментах реализации стратегии, а именно — в системе стратегических планов, программ, проектов, мероприятий.

6. Процесс формирования системы стратегий предприятия представляет собой циклический итеративный процесс, нуждающийся в силу неопределенности внешней среды в постоянных корректировках. Вследствие этого большое значение имеют вопросы, во-первых,

Рис. 1. Концептуальная схема системы стратегического управления предприятием

Рис. 2. Схема процесса формирования и реализации системы стратегий предприятия

об обеспечении рассматриваемого процесса механизмом обратной связи, а, во-вторых, о встраивании системы контроля в процесс разработки системы стратегий, позволяющей своевременно получать и доводить до сведения субъектов стратегического управления предприятия ранние сигналы о необходимости и направлениях разработки корректирующих мероприятий. Механизмы контроля и обратной связи должны обеспечивать возможность своевременного возврата на предыдущие этапы формирования системы стратегий и корректировки соответствующих действий в пределах одного цикла, а за его пределами — системное стратегическое управление.

Итак, в процессе формирования системы стратегий предприятия важны все этапы ее обоснования. Но мы в своем исследовании остановимся на этапе реализации стратегии, который, как правило, представляет собой единство двух составляющих: стратегических изменений (во всех внутренних переменных организации), которые и составляют суть практической реализации стратегии, и управления ими.

Существует много точек зрения по вопросу описания процесса реализации стратегии. Есть авторы, которые не рассматривают подробно реализацию стратегии, считая, что это часть обычной систематически осуществляемой деятельности менеджеров.

Действительно, управление любым объектом можно представить как управление функционированием и управление развитием [14], но мы считаем, что его лучше представить как управление изменениями. И в этом контексте для понимания управления реализацией системы стратегий предприятия большое значение имеют выбор и обоснование инструментов, адекватных целям стратегии. На наш взгляд, чрезвычайно эффективно можно выявить противоречия между существующими компетенциями предприятия, определяющими уровень разрыва его стратегических позиций, и целевыми установками высшего менеджмента в соответствии с моделью диагностики системы менеджмента на основе матрицы 7S McKinsey. Данная модель направлена именно на развитие предприятия, который как один из видов управляемых изменений, наверное, является самым предпочтительным в современных условиях.

Развитие — это изменение, характеризующееся движением вперед, формированием новых черт, новых структурных характеристик объекта. Применительно к предприятию развитие означает устойчивые изменения направления деятельности, выполняемых функций, структуры предприятия, уровня эффективности и качества деятельности предприятия в целом на основе развития компетенций персонала, т.е. стратегические изменения.

Заключение. Итак, в процессе формирования системы стратегий предприятия важны все этапы ее обоснования, реализующиеся путем использования соответствующих инструментов и методов, выбор которых определяется компетенциями высшего руководства предприятия и его ценностными установками.

Литература

1. *Ансофф И.* Стратегическое управление [Электронный ресурс] / И. Ансофф. — М.: Экономика, 1989. — 519 с. — Режим доступа: <https://obuchalka.org/strategicheskoe...ansoff-i-1989.html>.
2. *Коноваленко Н.П.* Концепция эволюционного развития стратегического управления: эволюционная спираль [Электронный ресурс] / Н.П. Коноваленко. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/view/sfericheskoy-spirali>.
3. *Томпсон А.А.* Стратегический менеджмент: концепции и ситуации для анализа [Электронный ресурс] / А.А. Томпсон, А.Д. Стрикленд. — М.: Вильямс, 2013. — 928 с. — Режим доступа: <https://referatodrom.ru/amenedzhmentanalizastriklend>.
4. *Мескон М.* Основы менеджмента [Электронный ресурс] / М.Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. — 3-е изд. — М.: Вильямс, 2016. — 665 с. — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003381549>.
5. *Шифрин М.Б.* Стратегический менеджмент: учебник для академического бакалавриата [Электронный ресурс] / М.Б. Шифрин. — М.: Издательство Юрайт, 2017. — 321 с. — Режим доступа: <https://static.myshop.ru/product/pdf/267/2666778.pdf>.
6. *Ансофф И.* Стратегический менеджмент: классическое издание [Электронный ресурс] / И. Ансофф. — М.: ЗАО «Бизнес»

ском», 2010. — 342 с. — Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004716502>.

7. Минцберг Г. Школы стратегий [Электронный ресурс] / Г. Минцберг, Б. Альстрэнд, Дж. Лэмпел — М.: Книга по Требованию, 2017. — 330 с. — Режим доступа: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/46/25/0.pdf>.

8. 11 этапов разработки стратегии развития Ctrategium Space Scrum [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://strategium.space/news/razrabotka-strategii-etapy-metody>.

9. Кербиева М. Ю. Основные принципы разработки стратегии развития предприятия [Электронный ресурс] / М. Ю. Кербиева. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsiipy-razrabotki-strategii-razvitiya-predpriyatiya>.

10. Принципы разработки стратегии предприятия в современных рыночных условиях [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://topknowledge.ru/printsiipy-razrabotki-strategiiiv/>.

11. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://static.government.ru/media/file/>.

12. Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW312165>.

13. Стратегия повышения качества пищевой продукции в Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW200636>.

14. Хейфиц Б. И. Современные инструменты разработки и реализации стратегии предприятия [Электронный ресурс] / Б. И. Хейфиц // Вестник Иркутского государственного технического университета. — 2009. — №2 (38). — С. 135–139. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye...i...strategii>.

References

1. Ansoff I. Strategicheskoe upravlenie [Strategic management] [Jelektronnyj resurs] / I. Ansoff. — Moscow: Jekonomika, 1989. — 519 p. — URL: <https://obuchalka.org/strategicheskoe...ansoff-i-1989.html>.

2. Konovalenko N. P. Koncepcija jevoljucionnogo razvitija strategicheskogo upravlenija: jevoljucionnaja spiral' [The concept of the evolutionary development of strategic management: the evolutionary spiral] [Jelektronnyj resurs] / N. P. Konovalenko. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/model-sfericheskoy-spirali>.

3. Tompson A. A. Strategicheskij menedzhment: koncepcii i situacii dlja analiza [Strategic management: concepts and situations for analysis] [Jelektronnyj resurs] / A. A. Tompson, A. D. Striklend. — Moscow: Vil'jams, 2013. — 928 p. — URL: <https://referatodrom.ru/amenedzhmentanalizastriklend>.

4. Meskon M. Osnovy menedzhmenta [Fundamentals of management] [Jelektronnyj resurs] / M. H. Meskon, M. Al'bert, F. Hedouri. — 3-e izd. — Moscow: Vil'jams, 2016. — 665 p. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003381549>.

5. Shifrin M. B. Strategicheskij menedzhment: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata [Strategic management: textbook for academic bachelor's degree] [Jelektronnyj resurs] / M. B. Shifrin. — Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2017. — 321 p. — URL: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/267/2666778.pdf>.

6. Ansoff I. Strategicheskij menedzhment: klassicheskoe izdanie [Strategic management: classical edition] [Jelektronnyj resurs] / I. Ansoff. — Moscow: ZAO «Bizneskom», 2010. — 342 p. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004716502>.

7. Mincberg G. Shkoly strategij [Schools of strategies] [Jelektronnyj resurs] / G. Mincberg, B. Ap'strjend, Dzh. Ljempel — Moscow: Kniga po Trebovaniju, 2017. — 330 p. — URL: <https://www.bookvoed.ru/files/3515/46/25/0.pdf>.

8. 11 etapov razrabotki strategii razvitija Ctrategium Space Scrum [11 stages of developing a strategy for the development of Ctrategium Space Scrum] [Jelektronnyj resurs]. — URL: <https://strategium.space/news/razrabotka-strategii-etapy-metody>.

9. Kerbieva M. Ju. Osnovnye principy razrabotki strategii razvitija predpriyatija [Basic principles of the development of the enterprise development strategy] [Jelektronnyj resurs] / M. Ju. Kerbieva. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-printsiipy-razrabotki-strategii-razvitiya-predpriyatiya>.

10. Principy razrabotki strategii predpriyatija v sovremennyh rynochnyh usloviyah [Principles of enterprise strategy development in modern market conditions] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://topknowledge.ru/printsipy-razrabotki-strategiiiv/>.

11. Prognoz dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [Forecast of long-term socio-economic development of the Russian Federation for the period up to 2030] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://static.government.ru/media/file/>.

12. Prognoz social'no-jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii na period do 2036 goda [Forecast of socio-economic development of the Russian Federation for the period up to

2036] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW312165>.

13. Strategija povyshenija kachestva pishhevoj produkcii v Rossijskoj Federacii do 2030 goda [Strategy for improving the quality of food products in the Russian Federation until 2030] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.consultant.ru/document/consdocLAW200636>.

14. *Hejfic B.I.* Sovremennye instrumenty razrabotki i realizacii strategii predpriyatija [Modern tools for the development and implementation of the enterprise strategy] [Elektronnyj resurs] / B.I. Hejfic // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta [Bulletin of the Irkutsk State Technical University]. — 2009. — №2 (38). — Pp. 135–139. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye...i...strategii>.

Поступила в редакцию

18 апреля 2021 г.

Гарькуша Валентина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Автор ряда работ по проблемам планирования, стратегического менеджмента и страхования.

Garkusha Valentina Nikolaevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Author of numerous works, dedicated to problems of planning, strategic management and insurance.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: eiup@npi-tu.ru

Черноусова Светлана Александровна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» ЮРГПУ (НПИ). Автор работ по внедрению образовательных технологий, инновационной деятельности в образовании.

Chernousova Svetlana Aleksandrovna — Senior Lecturer of the Department «Production and Innovative Management», Platon South Russian State Polytechnical University (NPI). Author of works on the introduction of educational technologies, innovation in education.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: chernousowa.s@yandex.ru

Сальникова Инна Ивановна — ассистент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова. Автор работ по производственным системам, эффективности технологических процессов, методам управления обращения с отходами.

Salnikova Inna Ivanovna — Assistant, Department of Production and Innovation Management, Platon South Russian State Polytechnic University (NPI). Author of works on production systems, efficiency of technological processes, waste management methods.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: s-inna79@mail.ru

УДК 332.1: 314.7

10.17213/2075-2067-2021-4-112-123

**ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ РЕГИОНА:
ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА
(НА ПРИМЕРЕ ФИНЛЯНДИИ)**

© 2021 г. Д. В. Гризовская

Тверской государственный университет, г. Тверь, Россия

Целью исследования является оценка инструментов регулирования процессов привлечения международных трудовых мигрантов в региональную экономику, опираясь на переносимый опыт государств.

Методологическую базу исследования представляют классические теории о региональной экономике как об устойчивой экономической системе (В. В. Климанов, О. В. Кузнецова, В. Н. Лексин, А. З. Ощепкова). Инструментально-методический аппарат исследования базируется на комплексном подходе, в рамках которого было уточнено понятие миграции как объективного фактора, обеспечивающего развитие региональной экономики, представляющего собой целеориентированный процесс, заключающийся во въезде в страну международных трудовых мигрантов, основными мотивами которых являются определенные целевые установки по пребыванию ими на избранной территории, и оказывающего положительное или негативное влияние на условия экономического развития региона. Исследование сочетает использование различных методов научного познания: системный анализ, сравнительный, бенчмаркинг и др. В рамках структурно-функционального подхода мероприятия по регулированию международной трудовой миграции в экономике региона были рассмотрены целостная система мер, в которой основополагающим инструментом были определены «барометры занятости».

Результаты исследования. В рамках комплексного подхода и с учетом целеориентированности процесса международной трудовой миграции, исходя из согласованности целевых установок субъектов миграционных процессов, была проведена оценка инструментов регулирования процесса привлечения международных трудовых мигрантов в Финляндии по следующим критериям: характеристика миграционного фона территории, специфика регионального экономического развития, целевые установки государства, институционализация миграционного регулирования, используемые миграционные инструменты, эффективность применяемых мер. Анализ миграционной модели регулирования международной трудовой миграции Финляндии позволил выявить следующие характеристики:

— использование информационного подхода регулирования миграционных процессов, что выражается в масштабном внедрении информационных технологий и системы прогнозирования параметров развития экономики региона;

— применение в качестве приоритетного инструмента миграционного регулирования «барометров занятости», в которых отражена потребность экономики региона в определенных специалистах;

— сочетание информационного подхода с элементами интеграционной политики как приоритетного механизма согласования целевых установок всех субъектов, вовлеченных в миграционные процессы и обеспечивающих развитие региональной экономики.

Перспективу исследования составляет проведение сравнительного анализа лучших практик регулирования международной трудовой миграции в экономике региона, а также поиск вариантов адаптации наиболее эффективных мер для региональной экономики субъектов РФ.

Ключевые слова: барометры занятости; международная трудовая миграция; система прогнозирования; экономика региона.

**INSTRUMENTS FOR REGULATING INTERNATIONAL LABOR MIGRATION
IN THE REGIONAL ECONOMY:
OPPORTUNITIES TO USE FOREIGN EXPERIENCE
(ON THE EXAMPLE OF FINLAND)**

© 2021 D. V. Grizovskaya

Tver State University, Tver, Russia

The purpose of the study is to evaluate the tools for regulating the processes of attracting international labor migrants to the regional economy, based on the best practices of states.

The methodological base of the study is represented by classical theories about the regional economy as a stable economic system (V.V. Klimanov, O.V. Kuznetsova, V.N. Leksin, A.Z. Oshchepkova). The instrumental and methodological apparatus of the study is based on an integrated approach, which clarified the concept of migration as an objective factor that ensures the development of the regional economy, which is a goal-oriented process consisting in the entry of international labor migrants into the country, whose main motives are certain targets for their stay in the chosen territory, and which has a positive or negative impact on the conditions of economic development of the region. The research combines the use of various methods of scientific knowledge: system analysis, comparative analysis, benchmarking, etc. Within the framework of the structural and functional approach, measures to regulate international labor migration in the region's economy were considered as an integral system of measures, within which the «employment barometers» were defined as the fundamental tool.

The results of the study. Within the framework of an integrated approach and taking into account the purposefulness of the international labor migration process, based on the consistency of the target settings of the subjects of migration processes, the assessment of the tools for regulating the process of attracting international labor migrants in Finland was carried out according to the following criteria: characteristics of the migration background of the territory, the specifics of regional economic development, state targets, institutionalization of migration regulation, the migration tools used, the effectiveness of the measures applied. The analysis of the migration model of regulation of international labor migration in Finland revealed the following characteristics:

- the use of an information approach to the regulation of migration processes, which is expressed in the large-scale introduction of information technologies and a system for predicting the parameters of the region's economic development;

- the use of «employment barometers» as a priority tool for migration regulation, which reflect the need of the regional economy for certain specialists;

- combining the information approach with the elements of integration policy as a priority mechanism for coordinating the goals of all subjects involved in migration processes and ensuring the development of the regional economy.

The prospect of the study. *Conducting a comparative analysis of the best practices of regulating international labor migration in the economy of the region, as well as searching for options for adapting the most effective measures for the regional economy of the subjects of the Russian Federation.*

Key words: *employment barometers; international labor migration; forecasting system; regional economy.*

Введение. Значимость миграционных процессов для современной РФ определяется на основании выбранных целевых приоритетов развития экономики региона. В этой связи Россия вынуждена формировать активную миграционную политику, т.к. пассивные меры в виде совершенствования законодательной базы и т.д. не всегда могут обеспечить достижение ожидаемого результата, например, увеличение доли высококвалифицированных работников среди международных трудовых мигрантов, нивелирование демографических проблем, а также решение проблем кадрового голода в промышленном секторе национальной экономики [13]. В этой связи актуализируется исследование передового опыта использования инструментария регулирования международной трудовой миграции с целью обеспечения развития региональной экономики. Целью данного исследования является оценка инструментов регулирования процессов привлечения международных трудовых мигрантов в региональную экономику, опираясь на опыт передовой опыт государств.

Ведущие методологические подходы изучения регулирования процесса привлечения международных трудовых мигрантов в экономику региона. В современном научном пространстве существует достаточное количество исследовательских подходов к анализу функционирования региональной экономики в условиях процесса привлечения международных трудовых мигрантов.

Проблемы влияния международной трудовой миграции на экономику региона в Финляндии и России рассмотрены в работах С. Ярошенко, О.С. Чудиновских, К. Коскинен. Анализ данных работ позволил выделить региональные особенности расселения мигрантов, а также основные этапы трудовой миграции в рассмотренные страны. Кроме

этого, авторы обращают внимание на специфику взаимодействия субъектов, вовлеченных в миграционные процессы (Ф.М. Абдулрахман, С.А. Дукарт, Е.В. Маренкова, Ю.С. Нехорошев, С. Хауг, В.И. Мукомель и др.).

Проблемам регулирования процесса привлечения внешних трудовых мигрантов в Финляндию и Россию посвящены исследования К.М. Губиной, М.В. Немытиной, Л. Карачуриной, М. Б., Фельдхоффа, К.Р. Короткина, Е.М. Чичковой, И.А. Скорнякова, Г.Ю. Тюменцевой, О. Деркач, В. Быкова.

Однако рассмотрение инструментов воздействия на привлечение внешних трудовых мигрантов ограничено необходимостью согласования региональными органами власти вырабатываемого механизма с федеральной государственной миграционной политикой. В свою очередь, в существующих исследованиях анализируются лишь результаты воздействия миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию региона и вопросы инкорпорирования мигрантов в региональный социум. При этом не учитывается комплексность социально-экономических процессов и возникающих социологических, исторических, демографических и других подходов к анализу миграционного фактора регионального развития, зачастую несогласованных между собой.

Формирование механизма регулирования процессов привлечения международных трудовых мигрантов в региональную экономику на примере Финляндии. Изменение миграционной роли Финляндии с классической страны эмиграции (до начала XXI в.) на центр притяжения международных трудовых мигрантов произошло в 1990-х годах. Ключевыми катализаторами смены экономических приоритетов развития выступили: переход от традиционных отраслей к развитию

инновационных технологий. Перед государством возникла новая задача — преодоление дисбаланса в спросе и предложении на рынке труда, а также развитии экономики региона. В период с 1995 по 2003 гг. количество международных трудовых мигрантов в стране увеличилось в четыре раза. В этой связи возникла необходимость формирования нового законодательства по регулированию процесса привлечения международных трудовых мигрантов [13]. В таблице 1 рассмотрены основные этапы развития нормативно-правового инструментария миграционной политики. Исходя из представленных в ней данных, можно сказать, что ключевыми направлениями в регулировании международной трудовой миграции в начале XXI в. стало преодоление дефицитов экономики региона за счет целенаправленного привлечения международных мигрантов, в том числе имеющих финские корни [7].

Основным инструментом по достижению поставленной цели стала принятая в 2006 г. Министерством Труда Финляндии Программа миграционной политики, в которой приоритетным видом миграции была признана трудовая.

Национально-этнический состав международных трудовых мигрантов, въезжающих в Финляндию, является дифференцированным. Основными государствами-донорами традиционно являются Афганистан, Алжир,

Китай, Египет, Косово, Индия, Ирак, Иран, Марокко, Саудовская Аравия, Сирия, Тунис, Турция, Пакистан, Сомали и т.д. Однако лидером в предоставлении трудовых мигрантов выступает Россия, т.к. ежегодно из РФ в Финляндию въезжает около 3000 человек, 30% из которых в качестве цели пребывания указывают трудоустройство, а 25% — образование [3].

Также стоит отметить, что количество международных трудовых мигрантов, не имеющих финского гражданства, в период с 2010 г. по 2016 г. преимущественно растет (см. рис. 1), но их доля в процентном отношении — 2% от общей численности населения Финляндии. Данный показатель является одним из наиболее низких среди стран Европейского Союза. Однако привлечение международных трудовых мигрантов стало причиной появления нового экономического вызова — роста безработицы среди мигрантов, проживающих в стране, например, среди русских мигрантов безработица составляла 30%, а среди финнов — около 8% [11].

В этой связи в Финляндии был разработан специальный комплекс мер по регулированию процесса привлечения международных трудовых мигрантов в региональную экономику с целью снижения уровня безработицы. Отличительной особенностью выработанного подхода к регулированию международной трудовой миграции в Финляндии является

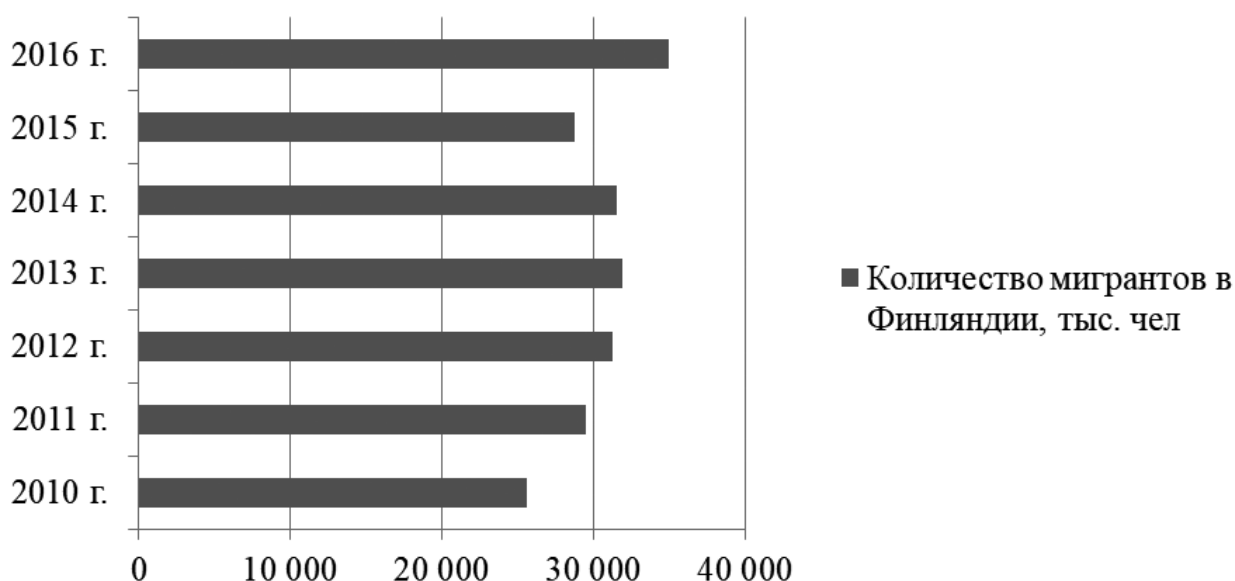

Рис. 1. Количество международных мигрантов в Финляндии, тыс. чел. [16]

Таблица 1

Этапы формирования правовых инструментов регулирования международной трудовой миграции в Финляндии [2, 4, 20]

Период	Миграционная стратегия/ нормативный документ	Основание пребывания в стране	Экономическая необходимость	Результат	Специфика
До 1995 г.	«Вынужденная миграция»	Юридическое оформление статуса беженца	–	Незначительный прирост населения за счет миграционного обмена	Отрицательное сальдо миграции
1995 г.	Создание Комитета по вопросам предоставления убежища и иммиграционной политики	Юридическое оформление статуса беженца, переселенца	–	Ведение ежегодного отчета «Контролируемая иммиграция и эффективная интеграция»	Необходимость содействия международной трудовой миграции
1997 г.	Принятие основных принципов программ иммиграционной политики и политики в отношении беженцев	Получение статуса беженца или переселенца, а также политического убежища	Потребность экономики региона в трудовых ресурсах в связи со структурными изменениями в национальной экономике	Увеличение количества международных мигрантов и рост безработицы среди них	Большую долю международных мигрантов составляли «вынужденные» и «этнические» мигранты

Окончание таблицы 1

1999 г.	Принятие закона «Об интеграции иммигрантов и приеме лиц, ищущих убежище»	Получение статуса беженца или переселенца, а также политического убежища или гражданства	Формирование трудового резерва из международных трудовых мигрантов для региональной экономики (получение необходимых навыков и знаний) Сокращение безработицы среди международных трудовых мигрантов	Выделение двух сторон ответственности по реализации закона: государство и сами мигранты Создание «системы ориентирования» — проведение тренингов, консультаций на родине международных трудовых мигрантов Формирование системы управления и обеспечения правовой защиты международных трудовых мигрантов	Признание интеграции процессом индивидуального развития мигранта, позволяющим ему полноценно участвовать в социально-экономической жизни при сохранении культурной и языковой идентичности Внесение поправок в закон Международная трудовая миграция признается главным механизмом развития экономики	Введение термина «иная этническая принадлежность»
2001–2005 гг.						
2004 г.	Закон «Об иностранных гражданах» [8] Закон «О борьбе с дискриминацией» [16]		Поддержание конкурентного развития рынка труда	Усиление юридической защиты мигрантов и этнических меньшинств		

акцент на специфику развития экономики региона, что выражается в следующем:

- обязательное требование для трудоустройства — оформление разрешения/ВНЖ;

- возможность смены места трудоустройства только в пределах той профессиональной категории, на которую распространяется выданное разрешение на работу;

- учетывание при выдаче разрешения на работу дефицитов и потребностей региональной экономики, в том числе ситуации на региональном рынке труда, оценка которой формируется на основании специальной системы.

Система прогнозирования развития экономики региона в Финляндии основана на определении уровня востребованности компетенций работников и состоит из национального и регионального уровней (см. рис. 2).

С учетом специфики исследования и ориентации на цели и задачи наибольший интерес представляет организация процессов прогнозирования на региональном уровне. Этапы, обозначенные на рис. 2, обеспечиваются рядом официальных ведомств:

1) Региональные советы, чьей основной задачей является разработка количественных и качественных оценок спроса и предложения

на региональном рынке труда на основании отчетов официальных органов, барометров, статистики, научных исследований и др. Прогнозирование может базироваться на собственных программах как регионального уровня, так и федерального, т.е. могут сотрудничать с министерствами и ведомствами;

2) Центры экономического развития, транспорта и окружающей среды (ELY-центры) и ТЕ-офисы (операционно-учётные подразделения). Главной задачей ELY-центров является содействие повышению конкурентоспособности регионов, росту уровня жизни и реализации принципов устойчивого развития. Сферы ответственности Центров достаточно широки: экономическое развитие, занятость, образование и культура, транспорт и инфраструктура, окружающая среда и природные ресурсы. Центры, функционирующие в каждой из сфер, соподчиняются соответствующим министерствам [19].

К основным задачам Центров относится апробация новых методов и инструментов прогнозирования и оценки развития экономики региона. Одним из наиболее распространенных инструментов ELY-центров является регулярный опрос субъектов региональной экономики, направленный на выяв-

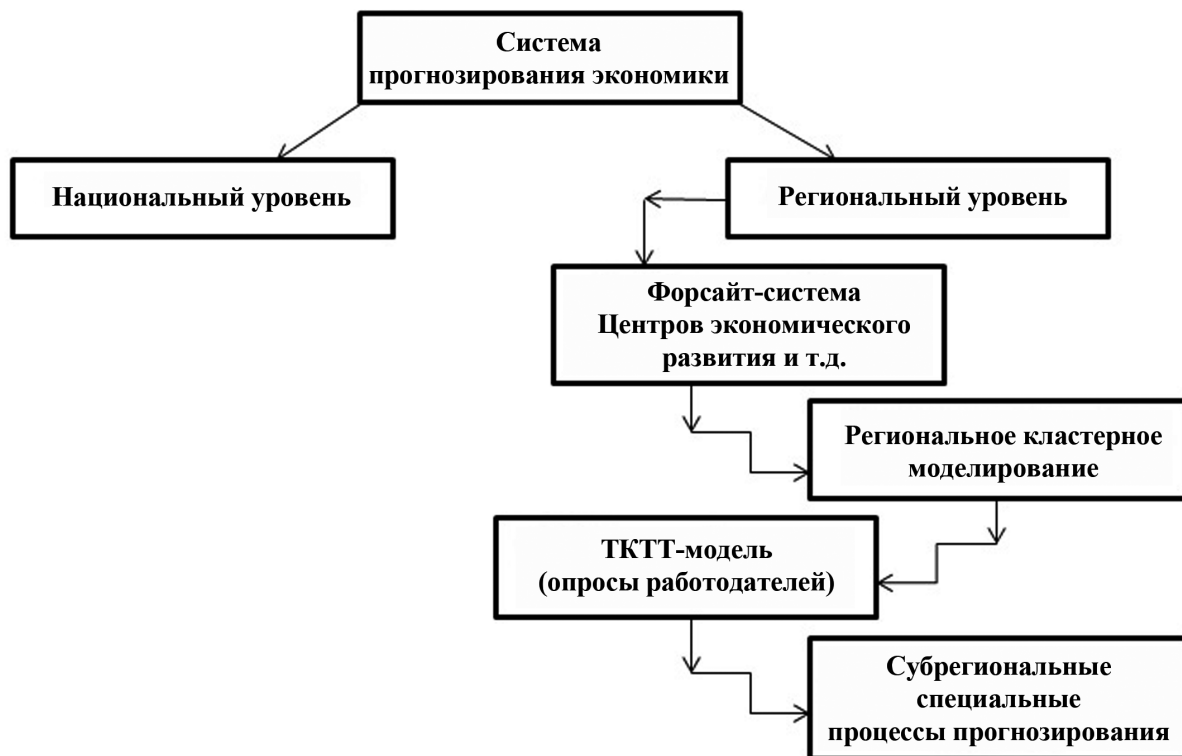

Рис. 2. Система прогнозирования развития экономики в Финляндии

ление потребностей предприятий в рабочей силе и профессиональной подготовке сотрудников, так называемая ТКТТ-модель.

Характерной чертой данной модели является коллаборация организаций работодателей и работников, предприятий, образовательных учреждений, суб-региональных центров развития и ELY-центров и ТЕ-офисов [5]. Преимуществом подобной организации процесса анализа потребностей региональной экономики и разработки управленческого механизма, выражающееся во включении в процесс всех заинтересованных субъектов, позволяет провести всесторонний анализ ситуации, повысить уровень информационной осведомленности и эффективности принимаемых решений.

В качестве операционных подразделений выступают ТЕ-офисы, обеспечивающие работу ELY-центров. В круг их полномочий входит разработка оптимальной формы интервью и его непосредственное проведение. Существует универсальный перечень из десяти утвержденных тем, которые могут фигурировать не в каждом интервью [5].

Результатом работы вышеназванных ведомств являются «барометры занятости»

для каждого региона. Их разработка состоит из нескольких этапов:

— оценка спроса на региональном рынке труда на минимум двести профессий за один год [9, 18];

— определение баланса спроса и предложения по выбранным профессиям;

— классификация анализируемых специальностей и профессий по трем категориям: недостаток соискателей, баланс между числом вакансий и соискателями, а также избыток работников.

Целью создания «барометров» как инструментов прогнозирования развития региональной экономики является удовлетворение потребностей регионального рынка труда, поддержка межсекторного сотрудничества в процессе принятия управленческих решений в сфере регулирования международной трудовой миграции с учетом специфики развития экономики региона [2, 10].

«Барометры занятости» (Occupational barometer) являются цифровым инструментом, который разрабатывается при помощи ГИС-технологий и доступен для всех заинтересованных субъектов в виде интерактивной карты Финляндии с цветографическими

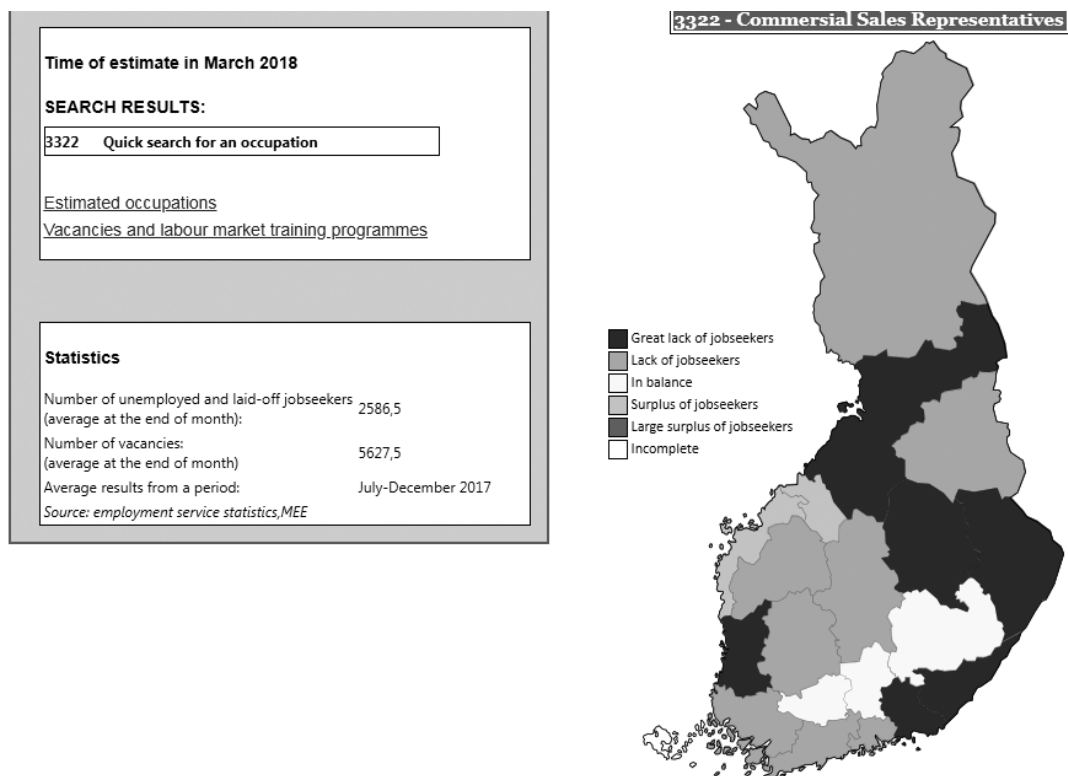

Рис. 3. Пример барометра занятости федерального уровня [21]

OCCUPATIONAL BAROMETER OF SOUTHWEST FINLAND, I / 2018

***Bottleneck problem**

A bottleneck problem is a situation where workforce shortage in the local labour market prevents offices and businesses from expanding

Further information

Loi=Loimaa sub-regional unit
Sal=Salo sub-regional unit
Tur=Turku sub-regional unit
Vak=Vaaka-Suomi sub-regional unit
Äbo=Åboland-Turunmaa sub-regional unit

Occupation	Estimated demand for workforce, next six months					Estimated balance between supply and demand for workforce, next six months					Balance between supply and demand for workforce in selected Employment and Economic Development Offices
	Increases fast					Serious shortage of job seekers					Serious shortage of job seekers
	Increases					Shortage of job seekers					Shortage of job seekers
	Remains unchanged					In balance					In balance
	Decreases					Surplus of job seekers					Surplus of job seekers
	Decreases fast					Large surplus of job seekers					Large surplus of job seekers
Occupation	Estimated demand for workforce, next six months					Estimated balance between supply and demand for workforce, next six months					Balance between supply and demand for workforce in selected Employment and Economic Development Offices
1112 - Senior Government Officials	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance
1120 - Managing Directors and Chief Executives	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance
1211 - Finance Managers	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance
1219 - Business Services and Administration Ma...	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance
2113 - Chemists	Loi	Sal	Tur!	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur!	Vak	Äbo	Surplus of job seekers
2120 - Mathematicians, Actuaries and Statistic...	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance
2131 - Biologists, Botanists, Zoologists and R...	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Surplus of job seekers
2132 - Farming, Forestry and Fishers Advisers	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance
2133 - Environmental Protection Professionals	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Surplus of job seekers
2142 - Civil Engineers	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Shortage of job seekers
2144 - Mechanical Engineers	Loi	Sal	Tur!	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur!	Vak	Äbo	Shortage of job seekers
2145 - Chemical Engineers	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	Loi	Sal	Tur	Vak	Äbo	In balance

Рис. 4. Пример барометра занятости для юго-западной Финляндии [21]

обозначениями трудовых потребностей региональной экономики. Трудовые дефициты экономики региона определяются также на основании анализа уровня безработицы по данным за прошедшие два-три месяца (см. рис. 3) [21].

Выбор международным трудовым мигрантом приоритетного региона позволяет увидеть сам барометр в виде трехзонной интерактивной таблицы, в которой отражены выбранные при анализе профессий категории (см. рис. 4).

При выборе необходимой профессии международный трудовой мигрант попадает на страницу с её подробным описанием и списком организаций/предприятий, которые испытывают потребность в подобных трудовых ресурсах.

Барометры признаны одним из наиболее эффективных инструментов регулирования международной трудовой миграции в экономике региона. Так, первый барометр, разработанный в 2008 г. для юго-западного региона Финляндии, в 2010 г. был тиражирован

еще в десяти регионах Финляндии и нескольких регионах Польши. В 2011 г. барометры занятости были введены на всей территории Финляндии [12, 5]. В настоящее время страны Балтии заключают договора о приобретении барометров для своих государств.

Заключение. Таким образом, миграционные инструменты регулирования процесса привлечения международных трудовых мигрантов в экономику региона базируются на масштабном использовании информационных технологий, что позволило создать одну из лучших в мире систем прогнозирования параметров развития региональной экономики. С ее помощью возможно своевременно информировать население, международных трудовых мигрантов, работодателей и др. о различных изменениях в структуре региональной экономики. Инновационным инструментом, позволяющим оперативно предоставлять сведения о миграционных потребностях экономики региона, являются «барометры занятости». Однако, анализ

международной практики регулирования трудовой миграции проводился в условиях различия миграционных политик и экономического развития региона, поэтому предоставляет возможность лишь фрагментарных заимствований. Наибольшей адаптации могут быть подвергнуты меры Финляндии по созданию информационного прогнозирования развития региональной экономики и информирования международных трудовых мигрантов о потребностях региональной экономики.

Литература

1. Барометр занятости. 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://mycareer.karelia.ru/barometer>.
2. Гризовская Д. В. «Барометры занятости» как инструмент регулирования трудовой миграции в Финляндии // Вестник Тверского государственного университета. — 2018. — №4. Экономика и управление. — С. 218–226.
3. Международная миграция. 2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.
4. Удивительная Финляндия — все плюсы и минусы заграничной жизни русских мигрантов. 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://emigrant.guru/kuda/plusminus/udivitel'naya-finlyandiya-vse-plusy-i-minusy.html#i-6>.
5. Яковлева А. А. Финский опыт проведения опросов работодателей для прогнозирования потребностей экономики и востребованных компетенций // Спрос и предложение на рынке труда и рынке образовательных услуг в регионах России: Сб. докладов по материалам восьмой всероссийской научно-практ. интернет-конференции (27–28 октября 2011 г.). — 2011. — Кн. III. — С. 312–321.
6. 27 National Seminars on Anticipating and Managing Restructuring — A.R.E.N.A.S. (Service contract VC/ 2008/0667) EU SYNTHESIS REPORT 27 September 2010 [Electronic resource]. — URL: <http://arenas.itcilo.org/en/eu-synthesis-report>.
7. Ahokas J., Honkatukia J., Marttila K. Forecasting Demand for Labour and Skills with an AGEmodel in Finland. Government Institute for Economic Research, Finland. — 2010. — P. 28.
8. Aliens Act 301/2004 (2004) [Electronic resource]. — URL: <http://www.finlex.fi/sv/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf>.
9. Beyond Europe: How different international employment services anticipate skill demands. Anthology 2012 IWAK. — Pp. 276–286.
10. Gurtov V., Kekkonen A., Sigova S. Crucial occupational skills forecasting: the experience of Russia and European countries // Journal of International Scientific Publications: Educational Alternatives. — 2012. — Vol. 10. — Part 1. — Pp. 16–23.
11. Immigration gain decreased clearly from one year earlier. 2021 [Electronic resource]. — URL: http://www.stat.fi/til/muutl/2015/muutl_2015_2016-05-17_tie_001_en.html.
12. Kekkonen A., Sigova S. Competency building approach as the basis of lifelong education in the context of an innovation-driven economy. 2012 [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/competency-building-approach-as-the-basis-of-lifelong-education-in-the-context-of-an-innovation-driven-economy>.
13. Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouao-uci A., Pellegrino A., Taylor J. E. Worlds in motion: Understanding international migration at the end of the millennium. 1998 [Electronic resource]. — URL: <https://www.coursehero.com/file/p5c5q93d/7-Massey-et-al-1998-3-argue-that-The-theoretical-concepts-now-employed-by/>.
14. Migration Theory: Talking across discipline. 2000 / Ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. — Routledge/Taylor&Francis Group, NY and London.
15. Nam-Eun Lee. Europäisierung deutscher Migrationspolitik. — Göttingen, 2012 — 366 p.
16. Non-Discrimination Act. 2019. [Electronic resource]. — URL: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=&p_isn=101088.
17. Occupational barometer of Southwest Finland, I (2018) [Electronic resource]. — URL: <https://www.ammattibarometri.fi/vertailu.asp?maakunta=varsinaissuomi&vuosi=18i&kieli=en>.
18. Sigova S., Serebryakov A., Iakovleva A. «Skills barometers» as an instrument for curricula updating. 2013 [Electronic resource]. — URL: <http://openbudgetrf.ru/files/events/2013-07-01/article.pdf>.

19. *Simmons A., Piche V.* Teaching Migration and Globalisation // *Genus*. — 2002. — Vol. LVIII. — P. 116.

20. World Economic Forum lists top 10 emerging technologies for 2020 (2020) [Electronic resource]. — URL: <https://www.weforum.org/reports/top-10-emerging-technologies-2020>.

21. Occupational barometer. 2021 [Electronic resource]. — URL: <https://www.ammattibarometri.fi/?kieli=en>.

References

1. Barometr zanjatosti [Employment barometer]. 2020 [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://mycareer.karelia.ru/barometer>.

2. *Grizovskaja D. V.* «Barometry zanjatosti» kak instrument regulirovaniya trudovoj migracii v Finljandii [«Employment barometers» as a tool for regulating labor migration in Finland] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tver State University]. — 2018. — №4. *Jekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. — Pp. 218–226.

3. Mezhdunarodnaja migracija [International migration]. 2020 [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#.

4. Udivitel'naja Finljandija — vse pljusy i minusy zagranichnoj zhizni russkih migrantov [Amazing Finland — all the pros and cons of the life of Russian migrants abroad]. 2019 [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://emigrant.guru/kuda/plusminus/udivitelnaya-finlyandiya-vse-plyusy-i-minusy.html#i-6>.

5. *Jakovleva A. A.* Finskij opyt provedenija oprosov rabotodatelej dlja prognozirovaniya potrebnostej jekonomiki i vostrebovannyh kompetencij [Finsky opyt conducting surveys of employers for forecasting the needs of the economy and demanded competencies] // *Spros i predlozhenie na rynke truda i rynke obrazovatel'nyh uslug v regionah Rossii: Sb. dokladov po materialam vos'moj vsrossijskoj nauchno-prakt. internet-konferencii (27–28 oktjabrja 2011 g.)* [Demand and supply on the labor market and the market of educational services in the regions of Russia: Collection of reports on the materials of the Eighth All-Russian scientific and Practical internet conferences (October 27–28, 2011)]. — 2011. — Book III. — Pp. 312–321.

6. 27 National Seminars on Anticipating and Managing Restructuring — A.R.E.N.A.S. (Service contract VC/ 2008/0667) EU SYNTHESIS REPORT 27 September 2010 [Electronic resource]. — URL: <http://arenas.itsilo.org/en/eu-synthesis-report>.

7. *Ahokas J., Honkatukia J., Marttila K.* Forecasting Demand for Labour and Skills with an AGEmodel in Finland. Government Institute for Economic Research, Finland. — 2010. — P. 28.

8. Aliens Act 301/2004 (2004) [Electronic resource]. — URL: <http://www.finlex.fi/sv/laki/kaannokset/2004/en20040301.pdf>.

9. Beyond Europe: How different international employment services anticipate skill demands. Anthology 2012 IWAK. — Pp. 276–286.

10. *Gurtov V., Kekkonen A., Sigova S.* Crucial occupational skills forecasting: the experience of Russia and European countries // *Journal of International Scientific Publications: Educational Alternatives*. — 2012. — Vol. 10. — Part 1. — Pp. 16–23.

11. Immigration gain decreased clearly from one year earlier. 2021 [Electronic resource]. — URL: http://www.stat.fi/til/muutl/2015/muutl_2015_2016-05-17_tie_001_en.html.

12. *Kekkonen A., Sigova S.* Competency building approach as the basis of lifelong education in the context of an innovation-driven economy. 2012 [Electronic resource]. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/competency-building-approach-as-the-basis-of-lifelong-education-in-the-context-of-an-innovation-driven-economy>.

13. *Massey D. S., Arango J., Hugo G., Kouaouci A., Pellegrino A., Taylor J. E.* Worlds in motion: Understanding international migration at the end of the millennium. 1998 [Electronic resource]. — URL: <https://www.coursehero.com/file/p5c5q93d/7-Massey-et-al-1998-3-argue-that-The-theoretical-concepts-now-employed-by/>.

14. Migration Theory: Talking across discipline. 2000 / Ed. by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. — Routledge/Taylor&Francis Group, NY and London.

15. Nam-Eun Lee. Europäisierung deutscher Migrationspolitik. — Göttingen, 2012. — 366 p.

16. Non-Discrimination Act. 2019 [Electronic resource]. — URL: http://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_lang=&p_isn=101088.

17. Occupational barometer of Southwest Finland, I (2018) [Electronic resource]. — URL: <https://www.ammattibarometri.fi/vertailu.asp?maakunta=varsinaissuomi&vuosi=18i&kieli=en>.

18. Sigova S., Serebryakov A., Iakovleva A. «Skills barometers» as an instrument for curricula updating. 2013 [Electronic resource]. — URL: <http://openbudgetrf.ru/files/events/2013-07-01/article.pdf>.

19. Simmons A., Piche V. Teaching Migration and Globalisation // Genus. — 2002. — Vol. LVIII. — P. 116.

20. World Economic Forum lists top 10 emerging technologies for 2020 (2020) [Electronic resource]. — URL: <https://www.weforum.org/reports/top-10-emerging-technologies-2020>.

21. Occupational barometer. 2021 [Electronic resource]. — URL: <https://www.ammattibarometri.fi/?kieli=en>.

Поступила в редакцию

28 апреля 2021 г.

Гризовская Дарья Викторовна — старший преподаватель кафедры регионоведения, начальник отдела магистратуры и специалитета управления образовательных программ Тверского государственного университета. Специалист в области исследования международной трудовой миграции как фактора развития региональной экономики, инструментов регулирования привлечения международных трудовых мигрантов в экономику региона.

Grizovskaya Darya Viktorovna — Senior Lecturer of the Department of Regional Studies, Head of the Department of Master's Degree and Specialty of the Department of Educational Programs, Tver State University. Specialist in the field of research of international labor migration as a factor in the development of the regional economy, tools for regulating the involvement of international labor migrants in the economy of the region.

170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33
33 Zhelyabova st., 170100, Tver, Russia
E-mail: Grizovskaya.DV@tversu.ru

УДК 338.1: 336.6

10.17213/2075-2067-2021-4-124-132

КОРРЕЛЯЦИОННО-РЕГРЕССИОННЫЙ АНАЛИЗ ИСЛАМСКИХ ФИНАНСОВ© 2021 г. **И. Н. Ишемгулов***Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия***Цель исследования:** выявить закономерности и взаимосвязи в исламских финансах.**Методы исследования:** анализ и синтез, системный подход, а также методы корреляционно-регрессионного анализа.

Результаты исследования. Предложен методический подход к применению инструментов корреляционно-регрессионного анализа в моделировании исламских финансов. В качестве результативного при проведении корреляционно-регрессионного анализа и построении математических моделей предлагается использовать объем финансирования инвестиций исламской финансовой организацией. В числе зависимых переменных и факторов, влияющих на объем финансирования инвестиций исламской финансовой организацией, предлагается использовать переменные, характеризующие капитал (такие показатели, как оплаченный капитал финансовой исламской организации, суммарные активы, суммарные обязательства, собственный капитал финансовой исламской организации), а также показатели дохода и прибыли финансовой исламской организации (такие показатели, как общий доход (выручка) и чистая прибыль финансовой исламской организации). Апробация предложенного подхода осуществлена на примере крупнейшей исламской финансовой организации — Исламского банка развития (Islamic Development Bank). Разработаны многофакторные экономико-статистические модели зависимости объема финансирования инвестиций от ряда факторов. По результатам расчетов выявлена сильная корреляционная связь между объемом инвестиций исламской финансовой организации и величинами оплаченного капитала, суммарных обязательств, собственного капитала, общего дохода и чистой прибыли. Предсказанные значения расположены максимально близко к остаточным значениям, что свидетельствует о том, что полученное уравнение регрессии имеет высокую степень точности.

Перспективы исследования: результаты исследования могут быть использованы для выявления значимых факторов развития исламских финансов в Российской Федерации.

Ключевые слова: исламские финансы; Исламский банк развития; инвестиции исламской финансовой организации; активы исламской финансовой организации; доход исламской финансовой организации; чистая прибыль исламской финансовой организации; корреляционно-регрессионный анализ; коэффициент корреляции.

CORRELATION AND REGRESSION ANALYSIS OF ISLAMIC FINANCE© 2021 **I. N. Ishemgulov***Bashkir State University, Ufa, Russia***Purpose of the study:** to identify patterns and relationships in Islamic finance.

Methods of the study: analysis and synthesis, systematic approach, as well as methods of correlation and regression analysis.

The results of the study. *A methodological approach to the use of correlation-regression analysis tools in the modeling of Islamic finance has been proposed. It is proposed to use the volume of investment financing by an Islamic financial organization as effective in carrying out the correlation-regression analysis and constructing mathematical models. Among the dependent variables and factors affecting the volume of investment financing by an Islamic financial organization, it is proposed to use variables characterizing capital (such indicators as paid-in capital of a financial Islamic organization, total assets, total liabilities, equity of a financial Islamic organization), as well as indicators of income and profit a financial Islamic organization (indicators such as total income (revenue) and net profit of a financial Islamic organization). Approbation of the proposed approach was carried out on the example of the largest Islamic financial organization — the Islamic Development Bank. Multivariate economic and statistical models have been developed for the dependence of the volume of investment financing on a number of factors. According to the results of calculations, a strong correlation was revealed between the volume of investments of an Islamic financial organization and the values of paid-in capital, total liabilities, equity capital, total income and net profit. The predicted values are located as close as possible to the residual values, which indicates that the resulting regression equation has a high degree of accuracy.*

The prospect of the study: *the research results can be used to identify significant factors in the development of Islamic finance in the Russian Federation.*

Key words: *islamic finance; Islamic Development Bank; investments of an Islamic financial organization; assets of an Islamic financial organization; income of an Islamic financial organization; net profit of an Islamic financial organization; correlation and regression analysis; correlation coefficient.*

Введение. Исламские финансы, под которыми мы в рамках данного исследования понимаем совокупность финансовых учреждений и инструментов, соответствующих нормам исламского права — шариата, занимают важное место в мировых финансах. В состав исламских финансов относятся не только исламские банки, но и фонды, лизинговые и страховые компании, а также микрофинансовые организации. Поиск оптимальных параметров, характеризующих исламские финансы, определяет стратегическую направленность развития исламских финансов.

Использование инструментов корреляционно-регрессионного анализа помогает выявить закономерности, что позволит эффективно управлять исламскими финансами с научной точки зрения.

Корреляционный анализ состоит в определении степени (тесноты) связи между случайными величинами, регрессионный — в исследовании формы связи между ними. Корреляционно-регрессионный анализ как общее

понятие включает в себя измерение тесноты, определение направления связи и установление аналитического выражения связи.

Ключевым показателем деятельности исламских финансовых организаций является объем инвестиций, который осуществляют исламские финансовые организации.

Целью корреляционно-регрессионного анализа исламских финансов является выяснение связи между рассматриваемыми признаками. Если такая связь существует, вычисляется мера зависимости и находится математическое уравнение, более или менее ее отражающее.

Методика исследования. В рамках данного исследования предлагается методический подход к применению инструментов корреляционно-регрессионного анализа для моделирования исламских финансов.

В качестве результирующего показателя (У) предлагается использовать показатель объема финансирования инвестиций исламской финансовой организацией.

Предлагаемые зависимые показатели для модели:

— X_1 — оплаченный капитал финансовой исламской организации;

— X_2 — суммарные активы финансовой исламской организации;

— X_3 — суммарные обязательства финансовой исламской организации;

— X_4 — собственный капитал финансовой исламской организации;

— X_5 — общий доход (выручка) финансовой исламской организации;

— X_6 — чистая прибыль финансовой исламской организации.

Этапы построения корреляционно-регрессионной модели следующие.

Этап 1. Формирование массива данных [6, 7].

Этап 2. Проведение корреляционного анализа, построение корреляционной матрицы, отбор факторов в модель с использованием инструмента «Корреляция» в пакете «Анализ данных» MS Excel.

Инструмент «Корреляция» определяет коэффициент корреляции между двумя множествами данных (интервалами ячеек массив 1 и массив 2). Основная задача корреляционного анализа заключается в выявлении взаимосвязи между случайными переменными путем точечной и интервальной оценки парных (частных) коэффициентов корреляции и детерминации. Кроме того, с помощью корреляционного анализа решаются следующие задачи: отбор факторов, оказывающих наиболее существенное влияние на результативный признак, на основании измерения степени связи между ними; обнаружение ранее неизвестных причинных связей.

Этап 3. Проведение регрессионного анализа, построение уравнения регрессии, обоснование полученной зависимости с использованием инструмента «Регрессия» в пакете «Анализ данных» MS Excel [8–10].

С помощью этого инструмента выполняется линейный регрессионный анализ. Регрессия подбирает график для набора наблюдений с помощью метода наименьших квадратов. Регрессия используется в широком диапазоне приложений для анализа воздействия на отдельную зависимую переменную факторов, значений одной или более независимых переменных.

Регрессионный анализ предназначен для исследования зависимости исследуемой переменной от различных факторов и отображения их взаимосвязи в виде регрессионной модели. Группа итоговых выходных таблиц (ВЫВОД ИТОГОВ) будет включать следующие таблицы: Регрессионная статистика: Множественный R, R-квадрат, Нормированный R-квадрат, Стандартная ошибка (оценка стандартного отклонения выборки), Наблюдения (счет); Дисперсионный анализ (Регрессия, Остаток, Итого (столбцы df, SS, MS, F — значение критерия Фишера для выборки), Значимость F (вероятность ошибочного отклонения нулевой гипотезы для F)), Коэффициенты (коэффициенты регрессии для определения наличия взаимосвязи между массивами зависимой и независимыми переменными), Стандартная ошибка, t-статистика (критерий Стьюдента), P-Значение, Нижние 95 %, Верхние 95 %, Нижние 95.000 %, Верхние 95.000 % (границы интервальных оценок для математического ожидания и дисперсии).

Качество уравнения регрессии оценивается с помощью коэффициента детерминации (R-квадрат). Оценка значимости уравнения регрессии в целом дается с помощью F-критерия Фишера. Если $F_{набл} > F_{табл}$, уравнение регрессии считается статистически значимым, в противном случае — статистически незначимым. Проверка значимости отдельных коэффициентов регрессии осуществляется с помощью t-критерия Стьюдента. Расчетные значения сравниваются с табличными, определенными при $n - 2$ степенях свободы и соответствующем уровне значимости α . Кроме того, использование инструмента «Регрессия» позволяет получить графическое изображение остатков, подбора, нормальной вероятности.

Апробация методики. В настоящее время на рынке исламских финансов доминирующие позиции распределены между семью странами: Ираном (30 % доля мирового рынка исламских финансов), Саудовской Аравией (24 %), Малайзией (11 %), Объединенными Арабскими Эмиратами (10 %), Катаром (5 %) и Бахрейном (4 %). В той или иной форме совокупные активы исламских финансов превышают 2 трлн. долл. США [1].

Апробация предложенного методического подхода проведена на примере Исламского банка развития (IsDB — Islamic Development Bank) [4]. Это международная финансовая организация, которая ориентирована на исламское финансирование. Исламский банк развития был основан в 1974 г. и в настоящее время является **мировым лидером в области исламских финансов**, предоставляя долгосрочные устойчивые и этичные структуры финансирования для поддержки инвестиций в свои проекты. За последние два десятилетия банк получил рейтинг AAA и стал крупнейшим глобальным эмитентом сукук (эквивалент облигаций). В настоящее время в состав Исламского банка развития входят 57 стран из Ближнего Востока, Африки, Азиатско-Тихоокеанского региона, Южной Азии, Европы и Южной Америки. Основным

условием членства является то, что потенциальная страна-член должна быть членом Организации исламского сотрудничества (ОИС). Все финансовые операции осуществляются в соответствии с исламским правом (шариатом). Проектное финансирование, кредиты и техническая помощь Исламского банка развития направлены на развитие сельского хозяйства, базовой инфраструктуры и промышленных секторов, образования, учреждений здравоохранения и других учреждений социального сектора, а также инвестиции в развитие финансовых институтов.

В таблице 1 представлены основные акционеры Исламского банка развития по состоянию на 01.01.2021 г.

По состоянию на 01.01.2020 г.: общие активы банка — 32,6 млрд. руб., подписанный акционерный капитал (собственный капитал) —

Таблица 1
Основные акционеры Исламского банка развития по состоянию на 01.01.2021 г. [4]

Место	Страна	Сумма капитала, млрд. долл. США	% от общего капитала
1	Саудовская Аравия	11,9	23,5
2	Ливия	4,8	9,43
3	Иран	4,2	8,25
4	Нигерия	3,9	7,66
5	ОАЭ	3,8	7,51
6	Катар	3,6	7,18
7	Египет	3,6	7,07
8	Кувейт	3,5	6,92
9	Турция	3,3	6,45
10	Алжир	1,3	2,54

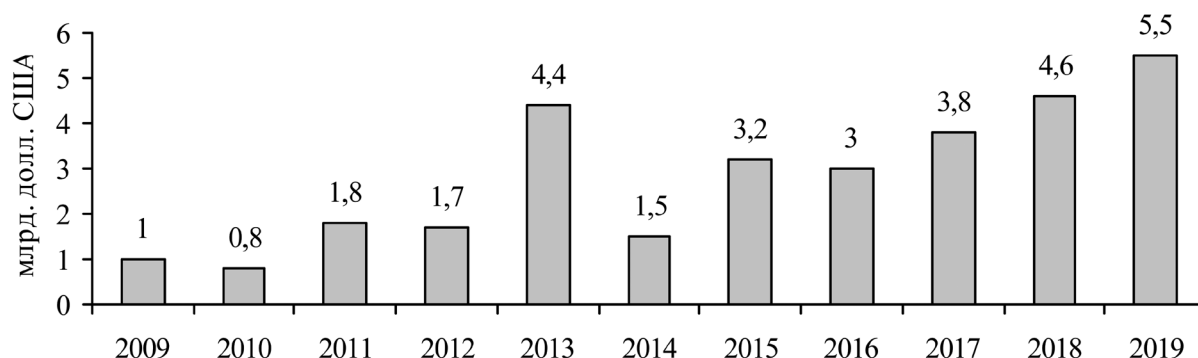

Рис. 1. Динамика объемов финансирования инвестиций Исламским банком развития (составлено автором по данным [9])

69,5 млрд. руб., оплаченный капитал — 8 млрд. долл. США, отношение долга и собственного капитала (Debt/Equity) — 156,2%, отношение активов к общей сумме обязательств (Assets/Total Liabilities) — 162,5%, отношение ликвидных активов к общей сумме обязательств (Liquid Assets/Total Liabilities) — 50,6% [9].

На рис. 1. представлена динамика объемов финансирования инвестиций Исламским банком развития за 2009–2019 гг.

Выявим зависимости между объемом финансирования инвестиций и показателями деятельности Исламского банка развития.

В таблице 2 представлены первичные значения показателей Исламского банка развития, на основании которых проведены дальнейшие расчеты.

Коэффициенты парных корреляций, отражающих взаимосвязи между показателями, приведены в таблице 3.

Как видно из полученной корреляционной матрицы, наиболее тесные корреляционные связи наблюдаются между X_1 и Y , X_2 и Y , X_3 и Y , X_4 и Y , X_5 и Y . В то же время между рассматриваемыми факторными признаками наблюдается мультиколлинеарность, что значительно ухудшит качество уравнения регрессии, поэтому фактор X_2 исключим для получения достоверной оценки по регрессионной модели.

Выведем регрессионное уравнение, отражающее зависимость объема финансирования инвестиций (Y) от оплаченного капитала (X_1), суммарных обязательств (X_3), собственного

Таблица 2

Показатели Исламского банка развития для проведения корреляционного регрессионного анализа, млрд. долл. США [9, 10]

Показатель	Обозначение	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Объем финансирования инвестиций	Y	1,5	3,2	3	3,8	4,6	5,5
Оплаченный капитал	X_1	6,7	6,8	7,1	7,4	7,7	8
Суммарные активы	X_2	22,388	22,26	25,094	27,209	30,488	32,599
Суммарные обязательства	X_3	10,922	11,406	13,575	15,434	18,402	20,063
Собственный капитал	X_4	11,467	10,855	11,519	11,777	12,086	12,536
Общий доход	X_5	0,529	0,556	0,952	0,796	0,744	0,859
Чистая прибыль	X_6	0,245	0,218	0,425	0,272	0,116	0,194

Таблица 3

Значения коэффициентов парных корреляций при использовании инструмента «Корреляция» (рассчитано автором)

	Y	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6
Y	1						
X_1	0,941	1					
X_2	0,914	0,996	1				
X_3	0,932	0,997	0,999	1			
X_4	0,735	0,915	0,939	0,920	1		
X_5	0,543	0,622	0,598	0,597	0,563	1	
X_6	-0,44544	-0,40633	-0,43157	-0,44146	-0,33776	0,440	1

капитала (X_4), общего дохода (X_5). Результаты расчетов приведены в таблицах 4, 5 и 6.

Полученная регрессионная зависимость находится в области достаточной аппроксимации (R -квадрат $0,94 > 0,8$). Выбранные факторы существенно влияют на величину объема финансирования инвестиций.

Расчетное значение F -критерия Фишера 4 попадает в критический интервал $(0,36; +\infty)$. Это свидетельствует о том, что коэффи-

циент детерминации найденной регрессионной зависимости является значимым.

Сравнивая попарно t -статистики и p -значения для всех коэффициентов, оставим те, где значения t -статистики больше p -значения. Эти факторы значимы. Таким образом, исключили из уравнения X_3 и X_6 . График подбора по X_1 и X_5 представлен на рисунках 2 и 3.

Поскольку предсказанные значения расположены максимально близко к остаточным

Таблица 4

Результаты регрессионной статистики при использовании инструмента «Регрессия» MS Excel (рассчитано автором)

Регрессионная статистика	Значение параметра
Множественный R	0,97
R-квадрат	0,94
Нормированный R-квадрат	0,71
Стандартная ошибка	0,75
Наблюдения	6

Таблица 5

Результаты дисперсионного анализа при использовании инструмента «Регрессия» (рассчитано автором)

Дисперсионный анализ					
	df	SS	MS	F	Значимость F
Регрессия	4	9,02	2,25	4	0,36
Остаток	1	0,56	0,56		
Итого	5	9,58			

Таблица 6

Результаты использования инструмента «Регрессия» MS Excel

	Коэффициенты	Стандартная ошибка	t -статистика	P -Значение	Нижние 95%	Верхние 95%	Нижние 95,0%	Верхние 95,0%
Y-пересечение	-57,85	56,9	-1,02	0,49	-780,8	665,11	-780,81	665,11
X_1	11,5	11,3	1,02	0,49	-132,0	155,03	-132,02	155,03
X_3	-1,69	1,87	-0,91	0,53	-25,42	22,03	-25,42	22,029
X_5	9,56	12,89	0,74	0,59	-1542,2	173,31	-154,19	173,31
X_6	-16,57	19,65	-0,84	0,55	-266,3	233,15	-266,31	233,15

значениям, то мы можем сделать вывод о том, что полученное уравнение регрессии имеет высокую степень точности [5, 6].

Полученные значения коэффициентов регрессии позволяют записать уравнение регрессии в следующем виде:

$$Y = 11,5 \times X_1 + 9,56 \times X_5,$$

где Y — объем финансирования инвестиций, млн. долл.; X_1 — величина оплаченного капитала, млн. долл.; X_5 — величина общего дохода, млн. долл.

Полученное уравнение регрессии ставит объем финансирования инвестиций в прямую зависимость от величины оплаченного

капитала и величины общего дохода. Полученное уравнение регрессии читается следующим образом: увеличение величины оплаченного капитала приводит к росту объема финансирования инвестиций на 11,5 млрд. долл., а рост общего дохода Исламского банка приводит к росту объема финансирования инвестиций на 9,56 млрд. долл.

Выводы

1. Для выявления факторов, влияющих на потенциальные финансовые возможности исламской организации по финансированию инвестиций, предлагается использование инструментов корреляционно-регрессионного анализа, в том числе расчет и анализ коэффициен-

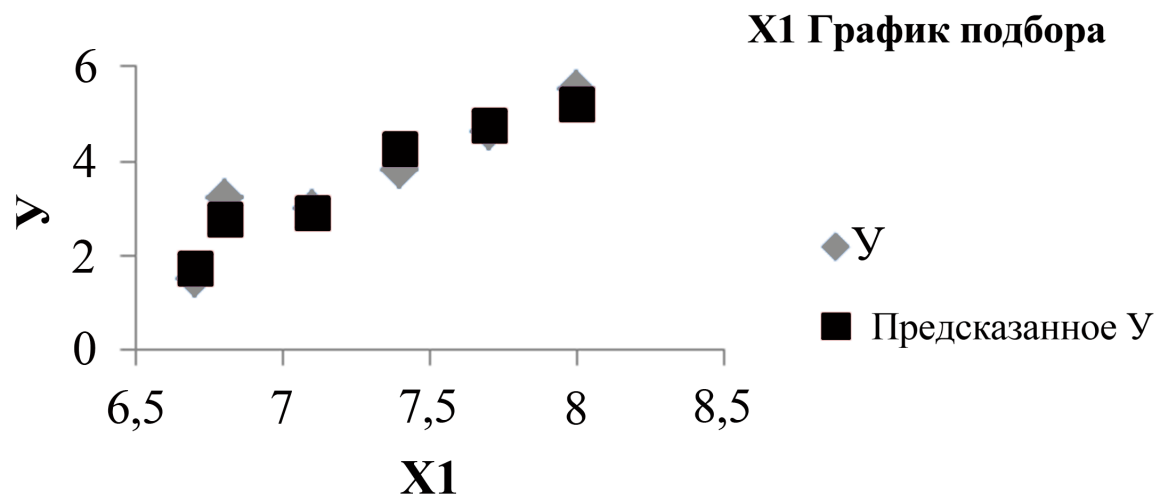

Рис. 2. График подбора объема финансирования инвестиций (Y) по оплаченному капиталу X_1

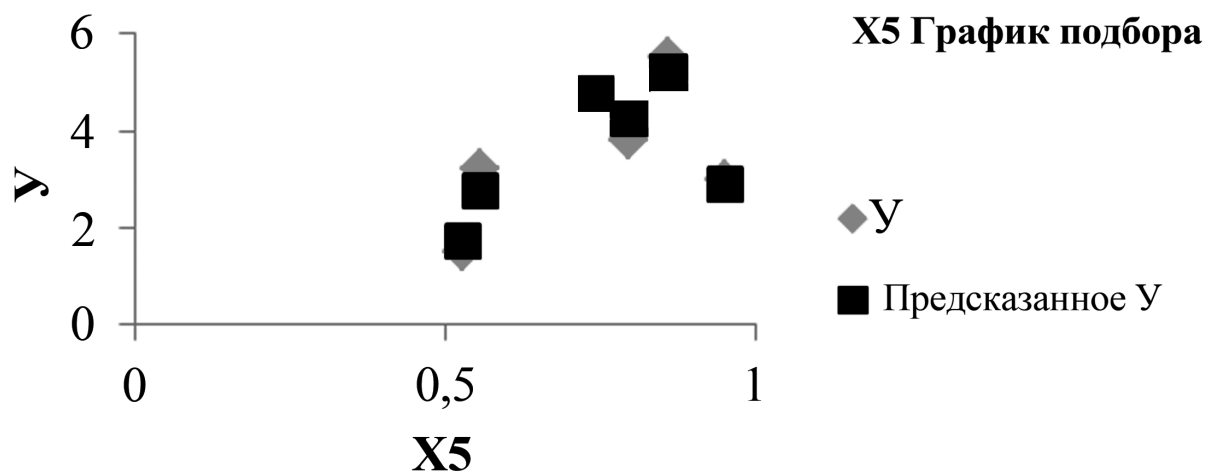

Рис. 3. График подбора объема финансирования инвестиций (Y) по общему доходу (X_5)

тов корреляции, построение и оценка параметров многофакторных регрессионных моделей, расчет и анализ коэффициентов эластичности.

2. По результатам апробации предложенного подхода на примере Исламского банка развития выявлена сильная корреляционная связь между объемом инвестиций исламской финансовой организации и величинами оплаченного капитала, суммарных обязательств, собственного капитала, общего дохода и чистой прибыли.

3. Установлено, что предсказанные значения показателей объема финансирования инвестиций по оплаченному капиталу и по общему доходу расположены максимально близко к остаточным значениям, что свидетельствует о том, что полученное уравнение регрессии имеет высокую степень точности.

Литература

1. *Нагимова А.З.* Исламские финансы в странах СНГ: монография / А.З. Нагимова. — Москва: ИНФРА-М, 2021. — 219 с.

2. *Низамова Г.З., Гайфуллина М.М.* Корреляционно-регрессионный анализ эффективности использования инвестиционных ресурсов нефтяной компании // Вестник УГНТУ. — Т. 1. — №35. — С. 15–23.

3. *Низамова Г.З., Гайфуллина М.М., Бакулина Д.С.* Оценка влияния факторов на эффективность инвестиционной деятельности нефтяной компании // Евразийский юридический журнал. — 2018. — №10. — С. 460–461.

4. Официальный сайт Исламского банка развития Islamic Development Bank [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.isdb.org/isdb-member-countries>.

5. *Amendola A., Giordano F., Parrella M.L., Restaino M.* Variable selection in high-dimensional regression: a nonparametric procedure for business failure prediction // *Applied Stochastic Models in Business and Industry*. — 2017. №33 (4). — Pp. 355–368. — DOI: <https://doi.org/10.1002/asmb.2240>.

6. *Gajfullina M.M., Nizamova G.Z., Musina D.R., Alexandrova O.A.* Formation of strategy of effective management of fixed production assets of oil company // *Advances in Economics, Business and Management Research*. — 2017. — Vol. 38. — Pp. 185–190. — DOI: <https://doi.org/10.2991/ttiess-17.2017.32>.

7. *Gayfullina M. M., Nizamova G. Z., Musina D. R., Gareeva Z. A., Tumanova A. U.* An integrated approach to assessing the effectiveness of investment projects for the construction of industrial facilities under uncertainty // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*, Vol. 751. International Baikal Investment and Construction Forum «Spatial Restructuring of territories» (4 December 2020, Irkutsk, Russian Federation). — Pp. 1–8. — DOI:10.1088/1755-1315/751/1/012074.

8. *Lee C. F., Chen H. Y., Lee J.* Econometric Approach to Financial Analysis, Planning, and Forecasting / In: *Financial Econometrics, Mathematics and Statistics*. — Springer, New York, NY, 2019. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4939-9429-8_5.

9. IsDB Investor Presentation (March 2021) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.isdb.org/pub/general-publications/2021/isdb-investor-presentation-march-2021>.

10. IsDB Sustainable Investor Presentation (November 2019) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.isdb.org/pub/reports/2019/isdb-sustainable-investor-presentation-november-2019>.

References

1. *Nagimova A.Z.* Islamskie finansy v stranah SNG: monografija [Islamic finance in the CIS countries: a monograph] / A.Z. Nagimova. — Moscow: INFRA-M, 2021. — 219 p.

2. *Nizamova G.Z., Gajfullina M.M.* Korreljacionno-regressionnyj analiz jeffektivnosti ispol'zovanija investicionnyh resursov neftjanoy kompanii [Correlation and regression analysis of the efficiency of investment resources, oil companies] // *Vestnik UGNTU*. — Vol. 1. — №35. — Pp. 15–23.

3. *Nizamova G.Z., Gajfullina M.M., Bakulina D.S.* Ocenka vlijanija faktorov na jeffektivnost' investicionnoj dejatel'nosti neftjanoy kompanii [Estimation of influence of factors on the efficiency of investment activities of the oil company] // *Evrazijskij juridicheskij zhurnal [Eurasian law journal]*. — 2018. — №10. — Pp. 460–461.

4. Oficial'nyj sajт Islamskogo banka razvitiya Islamic Development Bank [Official website of the Islamic Development Bank Islamic De-

velopment Bank] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://www.isdb.org/isdb-member-countries>.

5. Amendola A., Giordano F., Parrella M. L., Restaino M. Variable selection in high-dimensional regression: a nonparametric procedure for business failure prediction // *Applied Stochastic Models in Business and Industry*. — 2017. №33 (4). — Pp. 355–368. — DOI: <https://doi.org/10.1002/asmb.2240>.

6. Gajfullina M. M., Nizamova G. Z., Musina D. R., Alexandrova O. A. Formation of strategy of effective management of fixed production assets of oil company // *Advances in Economics, Business and Management Research*. — 2017. — Vol. 38. — Pp. 185–190. — DOI: <https://doi.org/10.2991/ttiess-17.2017.32>.

7. Gayfullina M. M., Nizamova G. Z., Musina D. R., Gareeva Z. A., Tumanova A. U. An integrated approach to assessing the effectiveness of investment projects for the construction of industrial facilities under uncertainty // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*,

Vol. 751. International Baikal Investment and Construction Forum «Spatial Restructuring of territories» (4 December 2020, Irkutsk, Russian Federation). — Pp. 1–8. — DOI:10.1088/1755-1315/751/1/012074.

8. Lee C. F., Chen H. Y., Lee J. Econometric Approach to Financial Analysis, Planning, and Forecasting / In: *Financial Econometrics, Mathematics and Statistics*. — Springer, New York, NY, 2019. — DOI: https://doi.org/10.1007/978-1-4939-9429-8_5.

9. IsDB Investor Presentation (March 2021) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.isdb.org/pub/general-publications/2021/isdb-investor-presentation-march-2021>.

10. IsDB Sustainable Investor Presentation (November 2019) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.isdb.org/pub/reports/2019/isdb-sustainable-investor-presentation-november-2019>.

Поступила в редакцию

1 июня 2021 г.

Ишемгулов Ильяс Нилевич — аспирант факультета экономики, финансов и бизнеса Башкирского государственного университета.

Ishemgulov Ilyas Nilevich — Postgraduate Student, Faculty of Economics, Finance and business of Bashkir State University.

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32
32 Zaki Validy str., 450076, Ufa, Russia
E-mail: hannanova_azaliya@bk.ru

УДК 656.013:005.51

10.17213/2075-2067-2021-3-133-143

ОПЕРАТИВНОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ РАБОТЫ ТЕРМИНАЛЬНЫХ СИСТЕМ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

© 2021 г. *Н. В. Напхоненко**, *М. Р. Караева***, *Н. Б. Новикова**

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

***Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является разработка и теоретическое обоснование метода оперативного планирования и анализа времени простоя транспортных средств в ожидании погрузочно-разгрузочных работ на терминале и на его основе решение проблемы выявления эффективных путей практического повышения уровня обслуживания участников транспортного процесса.

Методология исследования базируется на принципах логистики и идеях ряда современных исследователей с использованием системного подхода, применением расчетно-аналитических методов, теорий массового обслуживания и расписаний, методов экономико-математического моделирования и факторного анализа.

Результаты исследования состоят в разработке механизма повышения эффективности транспортно-экспедиторских услуг, предложена методика анализа времени простоя автомобилей в ожидании погрузочно-разгрузочных работ (ППР), доведенная до уровня практических рекомендаций.

Методика предназначена для оценки влияния основных факторов организации работы подвижного состава и производственно-технической базы терминала на продолжительность простоя автомобилей, анализа времени простоя в любой период времени и выявления наиболее проблемных мест.

Перспективу исследования составляет разработка рекомендаций по внедрению комплексной системы планирования и управления транспортно-экспедиторской деятельностью терминала.

Ключевые слова: эффективность; оперативное планирование; грузовой терминал; транспортно-экспедиторское обслуживание; погрузочно-разгрузочные работы.

OPERATIONAL PLANNING OF TERMINAL SYSTEMS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

© 2021 *N. V. Napkhonenko**, *M. R. Karayeva***, *N. B. Novikova**

**Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

***Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to develop and theoretically substantiate a method for operational planning and analysis of the idle time of vehicles in anticipation of loading and unloading operations at the terminal and, on its basis, solving the problem of identifying effective ways to practically increase the level of service for participants in the transport process.

The methodological base of the study is based on the principles of logistics and the ideas of a number of modern researchers using a systematic approach, using calculation and analytical methods, queuing theories and schedules, methods of economic and mathematical modeling and factor analysis.

The results of the study consist in the development of a mechanism for increasing the efficiency of transport and forwarding services, a methodology for analyzing the idle time of vehicles in anticipation of loading and unloading operations (PPR) is proposed, brought to the level of practical recommendations.

The methodology is intended to assess the influence of the main factors of the organization of the rolling stock and the production and technical base of the terminal on the duration of vehicle downtime, analyze the downtime for any period of time and identify the most problematic areas.

The prospect of the research is the development of recommendations for the implementation of an integrated planning and management system for the transport and forwarding activities of the terminal.

Key words: *efficiency; operational planning; cargo terminal; freight forwarding services; loading and unloading operations.*

Введение. Неизменность требования повышения эффективности перевозок грузов обуславливает необходимость постоянного совершенствования и роста уровня организации и управления транспортным процессом, обеспечения регулярности доставки грузов обслуживаемым предприятиям, внедрения прогрессивных технологий перевозок.

Важнейшая роль в решении этих задач отводится транспортно-экспедиторской деятельности (ТЭД) грузовых терминалов. Однако следует отметить, что методы оценки их производственной деятельности не позволяют определить уровень оказываемых услуг. Требуется разработка вопросов планирования, оценки и анализа их работы. Инструментом, позволяющим достичь поставленных целей, служит разработка алгоритма оперативного планирования их работы и анализа грузопотоков в терминальной системе.

В связи с тем, что низкая эффективность перевозок существенно сказывается на их объеме и негативно влияет на процесс производства в других отраслях, затраты народного хозяйства, связанные с несвоевременным выполнением транспортно-экспедиторских услуг терминалами, составляют в отдельных случаях 25–90% от транспортных издержек. Проблема повышения эффективности транспортно-экспедиторской работы терминалов является весьма актуальной народнохозяйственной проблемой.

Обзор научно-исследовательской литературы. В научной литературе вопросы повышения эффективности производства достаточно изучены. Существенный вклад в их решение внесли исследования Б.П. Безеля, В.Н. Образцова, В.А. Персианова, Н.С. Славина, К.Ю. Скалова, Н.С. Ускова и других ученых [7–9, 12], посвященные деятельности железнодорожных грузовых станций и узлов. Научно-методические разработки Л.А. Александрова, Л.Л. Афанасьева, Ю.М. Неруша, В.И. Борковского, Л.Б. Миротина, А.М. Гаджинского и других авторов подробно рассматривают деятельность автотранспортных предприятий (АТП) [1–4, 6, 10, 11]. Однако неоправданно мало внимания до настоящего времени уделяется проблеме повышения эффективности и качества ТЭД терминальных систем.

В последнее время в России принят ряд директивных документов, направленных на улучшение транспортно-экспедиторского обслуживания предприятий и организаций народного хозяйства, что станет возможным при точном прогнозировании объемов и ресурсов их ТЭД, повышении уровня организации и управления предприятием, разработке вопросов планирования, оценки и анализа работы терминалов.

Вышеизложенное определило цель и задачи исследования. Требование повы-

шения эффективности транспортных процессов в условиях их постоянно возрастающих объемов ставит новые задачи по развитию и эксплуатации терминальных систем, изысканию и использованию новых, более эффективных форм и методов работы, в первую очередь, за счет улучшения совершенствования системы оперативного планирования.

Оперативное планирование, являясь основной оперативного управления, включает в себя не только организацию и контроль, но также учет и анализ производственной деятельности, позволяющие своевременно обнаружить «узкие места» и устранить причины их возникновения. Существующий порядок составления оперативного плана ТЭД терминала заключается в определении объемов работ на предстоящие сутки, в который включаются объемы отправления грузов по прямому варианту и через склады терминала на основании заключенных договоров с клиентами, информации о прибытии автомобилей, а также исходя из наличия грузов на складах и контейнерных площадках терминала [14].

По этой причине одним из важнейших направлений достижения требуемого уровня эффективности транспортно-экспедиторских услуг терминальных систем является разработка мероприятий по обеспечению своевременной отправки автомобилей с терминала. Такого результата можно достигнуть, прежде всего, за счет сокращения времени простоя подвижного состава на территории терминала и в зоне ее деятельности. Сущность этого требования вытекает из того, что время простоя автомобилей оказывает значительное влияние на своевременность перевозок и представляет собой совокупность времени простоев автомобилей по всем причинам в пунктах погрузки-разгрузки.

Деятельность терминала по ускорению отправления автомобилей должна основываться на систематическом анализе фактического времени их простоя, так как в настоящее время на терминале фиксируется лишь момент прибытия и убытия автомобилей без анализа составляющих сверхнормативного времени простоя, к которому относится продолжительность ожидания погрузочно-разгрузочных работ (ППР), ма-

неврирования, погрузки-выгрузки грузов, оформления документов.

Проведенный анализ продолжительности простоя автомобилей непосредственно на терминале показал, что время собственно погрузки и выгрузки грузов в основном соответствует нормативному времени операций по перемещению грузов с места его нахождения на погрузочной площадке на автомобиль и освобождению автомобиля от груза. Время маневрирования также соответствует нормативному. Имеющие место простои автомобилей (80% общего времени), таким образом, преимущественно являются следствием сверхнормативного времени ожидания ППР и оформления документов.

Исследования показали, что на время ожидания автомобилями ППР оказывают влияние следующие факторы: наличие трудовых и материальных ресурсов терминала, пропускная способность погрузочно-разгрузочных постов, неравномерность прибытия грузов и автомобилей [13].

Значимыми факторами, оказывающими влияние на продолжительность ожидания автомобилями ППР, являются параметры входящего потока — прибытия автомобилей — и режим работы терминала [15].

Время прибытия (отправления) автомобилей на терминал представляет собой закономерность повторения поступлений (отгрузки) определенной массы груза в течение рассматриваемого периода. На практике такая закономерность в повторяемости прибытий (отправлений) по количеству автомобилей и времени отсутствует, что объясняется колебаниями объемов, видов и назначения выпускаемой продукции на промышленных предприятиях и недостатками в работе терминала и АТП по организации прогрессивных видов перевозок.

Наблюдения показали, что поток транспортных средств на терминале неравномерен как в течение недели, так и в течение рабочего дня. Неритмичное поступление автомобилей отрицательно сказывается на работе обслуживающего персонала и оборудования, участвующего в ППР, и создает наибольшие нагрузки в середине недели, в то время как в начале и в конце недели терминал работает фактически с недогрузом, то есть имеющиеся мощности используются на 70–80%.

Интенсивность прибытия автомобилей в течение дня также неравномерна, и эти колебания весьма значительны. Снижение интенсивности транспортного потока в середине дня объясняется наличием обеденного перерыва в пунктах погрузки-разгрузки. Кроме того, при значительном расстоянии перевозок подвозочно-развозочные автомобили, прибывшие под погрузку в начале смены, начинают поступать под вторую погрузку или разгрузку в послеобеденное время. Эти автомобили плюс подвижной состав, прибывший по графикам, и автомобили, загружаемые в попутном направлении, выполняющие разовые заявки клиентов, и создают послеобеденное уплотнение в потоке транспорта.

Кроме того, в подавляющем большинстве автомобилей, прибывшие на терминал в пятницу, субботу и воскресенье, не загружаются и простаивают до понедельника. Это связано с режимом работы предприятий — получателей груза, поэтому в настоящее время организация погрузки и выгрузки транспортных средств в эти дни является одним из резервов повышения эффективности использования подвижного состава и транспортного процесса в целом.

Факторы, определяющие режим работы и пропускную способность терминала, характеризуют оснащенность его материальными и трудовыми ресурсами, погрузочно-разгрузочными механизмами и складскими помещениями при условии их эффективного использования по переработке заданных объемов грузов, что достигается соответствием технических средств их технологическому применению.

На время простоя автомобилей в ожидании оформления документов оказывает влияние уровень формализации и цифровизации операций по приему-сдаче грузов, число заполняемых в документах реквизитов, их простота и доступность, удобство расчетов.

Таким образом, в интересах рациональной организации ППР и сокращения продолжительности простоя автомобилей на терминале необходимо определить влияние вышеперечисленных факторов на время ожидания и разработать методику его анализа, которая позволит определить причины сверхнормативного простоя автомобилей и наметить меры по их сокращению.

Практика организации перевозок грузов по терминальной технологии показала, что важнейшими из рассмотренных факторов являются режим прибытия автомобилей, предъявление грузов к перевозке, обеспеченность трудовыми ресурсами и складскими помещениями.

Влияние выявленных факторов на продолжительность простоя автомобилей в ожидании ППР на терминале можно определить расчетно-аналитическим методом, базирующимся на теории расписаний, инструментах теории массового обслуживания и основных параметрах работы терминала и автотранспорта [9, 11].

Параметром, характеризующим поток прибытия автомобилей, обслуживающих отдельно взятый маршрут перевозок m ($m = 1, \dots, M$), является масса Q_{kj}^T мелкопартиционных и контейнерных грузов k -го вида ($k = 1, \dots, K$) в тоннах, поступивших (отгруженных) в j -х типах автомобилей ($j = 1, \dots, J$) в T период планирования:

$$\sum_{k=1}^K \sum_{j=1}^J Q_{kj}^T.$$

Периодом планирования T может быть квартал, месяц, декада, сутки. В целом по терминалу для всех маршрутов перевозки масса отправленного груза равна

$$\sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mjk\rho}^T,$$

где m — количество маршрутов ($m = 1, \dots, M$); j — количество типов автомобилей ($j = 1, \dots, J$); k — количество видов груза ($k = 1, \dots, K$).

Поскольку автомобили на терминал прибывают под погрузку и разгрузку, то можно говорить об идентичности потока прибытия потоку отправления автомобилей.

Согласованность работы автотранспорта и пропускной способности ρ погрузочно-разгрузочных постов, выраженная через количество погруженного (выгруженного) груза в тоннах за единицу времени t , имеет вид:

$$\sum_{k=1}^K \sum_{j=1}^J q_j \gamma_k d_{kjpt},$$

где q_j — грузоподъемность j -го типа автомобиля, т; γ_k — коэффициент использования грузоподъемности при перевозке k -го груза; ρ — количество погрузочно-разгрузочных постов ($\rho = 1, \dots, \rho$); d_{kjpt} — количество при-

бывших автомобилей j -го типа в единицу времени t на ρ -й погрузочно-разгрузочный пост.

Соответствие параметров технических средств их технологическому применению должно удовлетворять следующему условию:

$$\sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mjk\rho}^T = \sum_{k=1}^K \sum_{j=1}^J \sum_{\rho=1}^{\rho} \sum_{t=1}^T q_j \gamma_k d_{kj\rho t},$$

Это требование соответствия потребной трудоемкости ППР ресурсу терминала может быть достигнуто только в случае согласования режима прибытия (отправления) автомобилей и пропускной способности терминала.

Трудоемкость разгрузки за период времени $T(R^{T\Phi})$, чел.-ч, по погрузочно-разгрузочным постам терминала определяется как

$$R^{T\Phi} = \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mjk\rho}^{T\Phi} \cdot \bar{P}_{k\rho},$$

где $Q_{mjk\rho}^{T\Phi}$ — фактическая масса k -го груза, поступившего в j -м типе автомобиля по m маршруту перевозок за T период на ρ -й погрузочно-разгрузочный пост, т; $\bar{P}_{k\rho}$ — удельная нормативная трудоемкость перегрузки одной единицы k -го груза на ρ -м погрузочно-разгрузочном посту, чел.-ч/т.

Удельная нормативная трудоемкость погрузки (разгрузки) k -го груза определяется по нормам с учетом типа погрузочно-разгрузочных механизмов, грузозахватных приспособлений, технологического варианта выполнения погрузочно-разгрузочных работ.

Плановая трудоемкость ППР (ресурс терминала) $R^{T\text{пл}}$, чел.-ч, определяется как произведение ожидаемой массы поступления груза в период времени T и удельной нормативной трудоемкости ППР:

$$R^{T\text{пл}} = \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mjk\rho}^{T\text{пл}} \cdot \bar{P}_{k\rho}.$$

Нормативная и фактическая интенсивности ППР на практике могут не совпадать, что определяется коэффициентом несоответствия f_1 :

$$f_1 = W_{k\rho} / \bar{W}_{k\rho},$$

где $\bar{W}_{k\rho}$, $W_{k\rho}$ — нормативная и фактическая интенсивности работы погрузочно-разгрузочных механизмов при разгрузке k -го груза на ρ -м погрузочно-разгрузочном посту, т/ч.

Тогда ресурс терминала определяется из условия:

$$R^T = \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mjk\rho}^{T\text{пл}} \cdot \bar{P}_{k\rho} \cdot f_1.$$

Исходя из необходимости тождества нормативного и фактического времени ППР, формулируется требование:

$$\bar{t} \cdot \bar{W}_{k\rho} = t^\Phi \cdot W_{k\rho} \cdot f_2, \quad (1)$$

где $\bar{t}$, t^Φ — нормативное и фактическое время ППР, ч; f_2 — коэффициент, учитывающий выполнение норм выработки при осуществлении ППР.

Поток прибытия автомобилей будет соответствовать ресурсу терминала, когда трудоемкость переработки поступившего груза $R^T \leq \bar{R}^T$. При этом фактическое время разгрузки поступившего груза должно быть меньше или равно нормативному времени $\bar{t}$.

В этом случае простой автомобилей в ожидании ППР из-за неравномерного прибытия будет равен нулю.

Тогда согласно условию (1) получим

$$t^\Phi = \bar{t} \cdot \bar{W}_{k\rho} / W_{k\rho} \cdot f_2 = \bar{t} \cdot [1 / (f_1 \cdot f_2)].$$

Фактическое время ППР будет равно нормативному, когда $f_1 \cdot f_2 = 1$. Это возможно в том случае, если

$$\bar{W}_{k\rho} = W_{k\rho} \cdot f_2.$$

При $\bar{W}_{k\rho} < W_{k\rho} \cdot f_2$ имеет место резерв пропускной способности λ :

$$\lambda = f_1 \cdot f_2 - 1 = \bar{t} / t^\Phi - 1.$$

При поступлении грузов, трудоемкость выгрузки которых превышает ресурс терминала, при этом имеем $R^T > \bar{R}^T$, время простоя автомобилей в ожидании ППР $t_{\text{ож}}^H$ возрастет на величину

$$t_{\text{ож}}^H = t^\Phi - \bar{t}.$$

Фактическое время выгрузки груза t^Φ относительно нормативного времени возрастает прямо пропорционально трудоемкости ППР, то есть

$$t^\Phi = \bar{t} \cdot R^T / \bar{R}^T. \quad (2)$$

Из условия (2) следует, что продолжительность простоя в ожидании ППР в результате влияния фактора неравномерного прибытия автомобилей увеличится на величину

$$t_{ож}^H = \bar{t} \cdot \eta - \bar{t} = \bar{t} \cdot (\eta - 1),$$

где η — коэффициент, учитывающий превышение трудоемкости ППР над ресурсом терминала:

$$\eta = (R^T - \bar{R}^T) / \bar{R}^T = \Delta R^T / \bar{R}^T.$$

При нормативной интенсивности ППР $\bar{W}_{kp} > W_{kp} \cdot f_2$ имеет место недостаток ресурсов на терминале. Влияние этого фактора на продолжительность ожидания автомобилями ППР определится из выражения:

$$t_{ож}^{TP} = \bar{t} \cdot [1 / (1 - f_1 \cdot f_2)].$$

Следующим фактором, оказывающим влияние на время простоя автомобилей в ожидании ППР, является недостаточная емкость складских помещений терминала.

В течение каждого планового периода T на терминал может поступить (ввоз) груз в объеме $Q_{вв}^T$, т, отгружаться (вывоз) $Q_{выв}^T$, т, и оставаться на временное хранение $Q_{хр}^T$, т.

Следовательно, если

$$T = 1, Q_{хр}^1 = Q_{вв}^1 - Q_{выв}^1;$$

$$T = 2, Q_{хр}^2 = Q_{вв}^2 + Q_{хр}^1 - Q_{выв}^2;$$

$$T = 3, Q_{хр}^3 = Q_{вв}^3 + Q_{хр}^2 - Q_{выв}^3.$$

В результате подстановки получим

$$Q_{хр}^2 = Q_{вв}^2 + Q_{вв}^1 - Q_{выв}^1 - Q_{выв}^2;$$

$$Q_{хр}^3 = Q_{вв}^3 + Q_{вв}^2 + Q_{вв}^1 - Q_{выв}^1 - Q_{выв}^2 - Q_{выв}^3,$$

в общем виде

$$Q_{хр}^T = \sum_{t=1}^T (Q_{вв}^t - Q_{выв}^t).$$

Мощность складских помещений, обеспечивающая бесперебойное осуществление транспортно-складского процесса, определится из выражения:

$$Q_{хр} = \max Q_{хр}^T. \quad (3)$$

Тогда $Q_{хр}^T \leq Q_{хр}$ или с учетом (3):

$$\sum_{t=1}^T (Q_{вв}^t - Q_{выв}^t) \leq \max \Delta Q_{хр}^T. \quad (4)$$

В случае выполнения условия (4) ввоз и вывоз грузов со складов осуществляется в плановых объемах, то есть простои автомобилей в ожидании освобождения складских емкостей равны нулю.

Если же вывоз грузов со складов производится в плановых объемах, а ввоз превышает возможности терминала по разгрузке прибывших автомобилей, то имеют место простои подвижного состава в ожидании разгрузки, то есть краткосрочное хранение груза в автомобилях.

Тогда объем невыгруженного и оставшегося в автомобилях груза:

$$\Delta Q_{хр_k}^{AT} = \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mj k \rho}^{T\Phi} - \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mj k \rho}^{T\text{ПлВыв}} - E^{T\text{Скл}} + \Delta Q_{хр_k}^{AT-1},$$

где $Q_{mj k \rho}^{T\Phi}$ — масса поступившего k -го груза в j -м типе автомобиля по m -му маршруту на ρ -й погрузочно-разгрузочный пост в T период, т; $Q_{mj k \rho}^{T\text{ПлВыв}}$ — масса вывозимого груза j -м типом автомобиля по m -му маршруту перевозок с ρ погрузочно-разгрузочного поста в T период, т; $E^{T\text{Скл}}$ — свободные складские емкости терминала, т; $Q_{хр_k}^{AT-1}$ — масса кратковременного хранения k -го груза в автомобилях, оставшихся неразгруженными с предыдущих суток, т.

Время ожидания высвобождения складских емкостей определяется по формуле:

$$t_{ож}^{\text{скл}} = t_{\text{сут}} \cdot \Delta Q_{хр_k}^{AT} / \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mj k \rho}^{T\text{ПлВыв}},$$

где $t_{\text{сут}}$ — число часов в сутках.

$$t_{ож}^{\text{скл}} = t_{\text{сут}} \cdot \eta,$$

где η — коэффициент, характеризующий интенсивность вывоза грузов, поступивших на терминал сверх запланированных объемов.

Аналогичным образом для подвижного состава определяется время ожидания освобождения складских емкостей в случае, если ввоз груза осуществляется в плановых объемах, а вывоз грузов со складов отстает от нормативных сроков:

$$t_{ож}^{\text{скл}} = t_{\text{сут}} \cdot \mu,$$

где μ — коэффициент, характеризующий степень отставания вывоза грузов со складов терминала от запланированного объема,

$$\mu = \Delta Q_{хр_k}^{AT} / \sum_{m=1}^M \sum_{j=1}^J \sum_{k=1}^K \sum_{\rho=1}^{\rho} Q_{mj k \rho}^{T\text{ФВыв}}.$$

Для обеспечения своевременной загрузки автомобилей необходимо, чтобы масса предъявленных к перевозке грузов за расчетный период времени была больше или равна плановой, то есть

$$K_{\text{нг}} = \sum_{t=1}^T Q_{\text{mjk}\rho}^{\text{плт}} / \sum_{t=1}^T Q_{\text{mjk}\rho}^{\text{фт}}, \quad (5)$$

где $K_{\text{нг}}$ — коэффициент, характеризующий отношение массы груза, предъявленного к перевозке, к плановой массе отгрузки в каждый период t .

При нарушении условия (5) возникают простои автомобилей по причине отсутствия грузов. Величина сверхнормативного простоя автомобилей в этом случае определяется из выражения:

$$t_{\text{ож}}^{\text{нг}} = t_{\text{сут}} \cdot (K_{\text{нг}} - 1).$$

Таким образом, суммарное время простоя автомобилей в ожидании ППР по вышерассмотренным причинам рассчитывается как

$$t_{\text{ож}}^{\text{ППР}} = t_{\text{ож}}^{\text{н}} + t_{\text{ож}}^{\text{тр}} + t_{\text{ож}}^{\text{скл}} + t_{\text{ож}}^{\text{нг}}, \quad (6)$$

где составляющие выражения (6) представляют собой продолжительность простоя автомобилей в ожидании ППР по причине:

- неравномерного прибытия автомобилей $t_{\text{ож}}^{\text{н}}$;
- отсутствия необходимого количества погрузочно-разгрузочных механизмов на терминале $t_{\text{ож}}^{\text{тр}}$;
- ожидания высвобождения складских емкостей $t_{\text{ож}}^{\text{скл}}$;
- непредъявления груза к перевозке $t_{\text{ож}}^{\text{нг}}$.

На основании полученных результатов разработана методика анализа фактического времени простоя автомобилей в ожидании ППР. Результаты анализа могут быть использованы для общего анализа эффективности ТЭД терминала, для установления взаимной ответственности между терминалом, АТП и клиентами с целью ликвидации противоречий между их интересами в отношении использования подвижного состава.

Обсуждение результатов исследования. На современном этапе решение задач инновационного развития экономики требует неуклонного повышения эффективности работы предприятий автотранспортной отрасли, в том числе грузовых терминальных

систем, роль которых обусловлена их значением в транспортной системе как объектов, осуществляющих организацию и управление транспортным процессом. С целью разработки механизма повышения эффективности транспортно-экспедиторских услуг предложена методика анализа времени простоя автомобилей в ожидании ППР, доведенная до уровня практических рекомендаций.

Методика предназначена для оценки влияния основных факторов организации работы подвижного состава и производственно-технической базы терминала на продолжительность простоя автомобилей, анализа времени простоя за любой период времени T и выявления наиболее проблемных мест.

Заключение. Результаты анализа необходимы для разработки конкретных мер, направленных на улучшение использования провозной способности автомобилей и повышение эффективности ТЭД терминала.

В состав входящей (нормативно-справочной и оперативной) информации для выполнения анализа фактического времени простоя автомобилей в ожидании ППР входят следующие данные:

- 1) трудоемкость ППР по родам груза и типам погрузочно-разгрузочных механизмов, продолжительность ППР, источником которых являются «Единые нормы выработки и времени на вагонные, автотранспортные и складские ППР» [5];
- 2) плановый объем поступления грузов. Источник — план переработки грузов на складах и контейнерных площадках терминала;
- 3) фактический объем поступления грузов (оперативная отчетность и отчет по форме 6-ах о работе складов и контейнерных площадок терминала);
- 4) объем грузов на складах и контейнерных площадках (ежедневные оперативные данные);
- 5) данные о выполнении рабочими норм выработки (принимаются по сведениям планового отдела);
- 6) информация о фактической производительности погрузочно-разгрузочных механизмов (отдел мелких партий).

Анализ целесообразно проводить за декаду, месяц, квартал, так как нормативное время простоя подвижного состава составля-

ет довольно продолжительное время в зависимости от типа транспортного средства.

Апробация предложенной методики на примере Ростовского терминала и разработка на ее основе комплекса мероприятий по повышению эффективности ТЭД подтвердили перспективность данного метода и доступность использования в практической деятельности терминальных систем.

Литература

1. *Гаджинский А. М.* Логистик / А. М. Гаджинский. — М.: Дашков и Ко, 2013. — 420 с.

2. *Гаджинский А. М.* Современный склад. Организация, технология, управление и логистика / А. М. Гаджинский. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005.

3. *Голубчик А. М.* Транспортно-экспедиторский бизнес: создание, становление, управление / А. М. Голубчик. — М.: ТрансЛит, 2011. — 317 с.

4. *Дыбская В. В.* Логистика: интеграция и оптимизация логистических бизнес-процессов в целях поставок / В. В. Дыбская. — М.: Эксмо, 2014. — 939 с.

5. Единые нормы выработки и времени на вагонные, автотранспортные и складские погрузочно-разгрузочные операции. — М.: Транспорт, 1986. — 134 с.

6. *Елисеев С. Ю., Шатохин А. А.* Логистические принципы и бизнес-взаимодействие операторов и грузовладельцев // Мир транспорта. — 2015. — №5. — С. 100–113.

7. Концепция создания терминально-логистических центров на территории РФ / ОАО РЖД. — М., 2012. — 79 с.

8. *Кристофер М.* Логистика и управление цепочками поставок / Под общ. ред. В. С. Лукинского. — СПб.: Питер, 2004.

9. *Курочкин Д. В.* Транспортная логистика: практ. пособие / Д. В. Курочкин. — Минск: Альфа книга, 2018. — 636 с.

10. *Миротин Л. Б., Лебедев Е. А.* Фидерные перевозки грузов и их мультипликативный эффект / Л. Б. Миротин, Е. А. Лебедев. — М.: Инфра-Инженерия, 2021. — 192 с.

11. Стратегия и тактика логистического бизнеса (140 методик по логистике): монография / В. В. Багинова, Ю. М. Неруш, Л. С. Федоров; под ред. Б. А. Лёвина. — М.: РУСАЙНС, 2018. — 368 с.

12. *Шапиро Дж.* Моделирование цепи поставок / Дж. Шапиро; пер. с англ. — СПб.: Питер, 2006. — 720 с.

13. Logistic model of operational planning works terminal SHS Web of Conferences / N. V. Naphonenko, M. R. Karaeva, E. B. Kolbachev, D. V. Maloshtan. — 2019. — Vol. 67: Fifteenth Scientific and Practical International Conference «International Transport Infrastructure, Industrial Centers and Corporate Logistics» (NTI-UkrSURT 2019). Kharkiv, Ukraine, June 6–8, 2019.

14. *Napkhonenko N. V.* Economic-mathematical of steering of freight traffics in the region in the system of cargo auto stations // Scientific thought of the Caucasus. — 2004. — Enc. Special Issue №1. — Pp. 82–94.

15. Theoretical Basis for Assessing the Quality of Freight Forwarding Services of the Terminal / N. V. Napkhonenko, M. R. Karayeva, D. Moloshtan, A. B. Pochtovyuk // Proceedings — 2020: 25th IEEE International Conference on Problems of Automated Electric Drive. Theory and Practice, PAEP 2020; Kremenichuk; Ukraine; 21–25 September 2020 / Kremenichuk Mykhailo Ostrohradskyi National University. — Kremenichuk, Ukraine: IEEE, 2020. — Article №9240829.

References

1. *Gadzhinskij A. M.* Logistika / A. M. Gadzhinskij. — Moscow: Dashkov i Ko, 2013. — 420 p.

2. *Gadzhinskij A. M.* Sovremennyy sklad. Organizatsiya, tehnologiya, upravlenie i logistika [Modern warehouse. Organization, technology, management and logistics] / A. M. Gadzhinskij. — Moscow: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2005.

3. *Golubchik A. M.* Transportno-jekspeditorskij biznes: sozdanie, stanovlenie upravlenie [Transport and forwarding business: creation, formation management] / A. M. Golubchik. — Moscow: TransLit, 2011. — 317 p.

4. *Dybskaja V. V.* Logistika: integratsiya i optimizatsiya logisticheskikh biznes-processov v celjah postavok [Logistika: integration and optimization of logistics business processes for supply purposes] / V. V. Dybskaja. — Moscow: Eksmo, 2014. — 939 p.

5. Edinye normy vyrabotki i vremeni na vagonnye, avtotransportnye i skladskie pogruzochno-razgruzochnye operacii [Unified norms

of production and time for wagon, motor transport and warehouse loading and unloading operations]. — Moscow: Transport, 1986. — 134 p.

6. *Eliseev S. Ju., Shatohin A. A.* Logisticheskie principy i biznes-vzaimodejstvie operatorov i gruzovladel'cev [Logistics principles and business interaction of operators and cargo owners] // *Mir transporta* [The world of transport]. — 2015. — №5. — Pp. 100–113.

7. *Koncepcija sozdaniya terminal'no-logisticheskikh centrov na territorii RF* [The concept of creating terminal and logistics centers on the territory of the Russian Federation] / OAO RZhD [JSC Russian Railways]. — Moscow, 2012. — 79 p.

8. *Kristofer M.* Logistika i upravlenie cepochkami postavok [Logistics and supply chain management] / In V. S. Lukinskiy (eds.). — Saint Petersburg: Piter, 2004.

9. *Kurochkin D. V.* Transportnaya logistika: prakt. posobie [Transport logistics: practical guide] / D. V. Kurochkin. — Minsk: Al'fa kniga, 2018. — 636 p.

10. *Mirotin L. B., Lebedev E. A.* Fidernye perevozki gruzov i ih mul'tiplikativnyj jeffekt [Feeder transportation of cargo and their multiplicative effect] / L. B. Mirotin, E. A. Lebedev. — Moscow: Infra-Inzheneriya, 2021. — 192 p.

11. *Strategiya i taktika logisticheskogo biznesa (140 metodik po logistike): monografija* [Strategy and tactics of logistics business (140 logistics techniques): monograph] / V. V. Bagino-

va, Ju. M. Nerush, L. S. Fedorov; in B. A. Ljovin (eds.). — Moscow: RUSAJNS, 2018. — 368 p.

12. *Shapiro Dzh.* Modelirovanie cepi postavok [Modeling the supply chain] / Dzh. Shapiro; translated from English. — Saint Petersburg: Piter, 2006. — 720 p.

13. Logistic model of operational planning works terminal SHS Web of Conferences / N. V. Naphonenko, M. R. Karaeva, E. B. Kolbachev, D. V. Maloshtan. — 2019. — Vol. 67: Fifteenth Scientific and Practical International Conference «International Transport Infrastructure, Industrial Centers and Corporate Logistics» (NTI-UkrSURT 2019). Kharkiv, Ukraine, June 6–8, 2019.

14. *Napkhonenko N. V.* Economic-mathematical of steering of freight traffics in the region in the system of cargo auto stations // Scientific thought of the Caucasus. — 2004. — Enc. Special Issue №1. — Pp. 82–94.

15. Theoretical Basis for Assessing the Quality of Freight Forwarding Services of the Terminal / N. V. Napkhonenko, M. R. Karayeva, D. Moloshtan, A. B. Pochtovyuk // Proceedings — 2020: 25th IEEE International Conference on Problems of Automated Electric Drive. Theory and Practice, PAEP 2020; Kremenchuk; Ukraine; 21–25 September 2020 / Kremenchuk Mykhailo Ostrohradskyi National University. — Kremenchuk, Ukraine: IEEE, 2020. — Article №9240829.

Поступила в редакцию

18 мая 2021 г.

Напхоненко Наталья Васильевна — кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова. Область научных интересов — логистические процессы в транспортных системах, проблемы менеджмента, экономики и организации производства на предприятиях автомобильного транспорта.

Napkhonenko Natalia Vasilievna — Candidate of Economic Sciences, Professor, Professor of «Production and Innovation Management» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Area of scientific interests — logistics processes in transport systems, problems of management, economics and organization of production in automobile transport enterprises.

346411, г. Новочеркасск, пр. Баклановский, 64/1, кв. 10
64/1 Baklanovskiy av., ap. 10, 346411, Novocherkassk, Russia
E-mail: naphonenko@gmail.com

Кареева Марина Руслановна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Организация перевозок и дорожного движения» Донского государственного технического университета. Автор работ по проблемам логистической организации грузовых и пассажирских перевозок.

Karayeva Marina Ruslanovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department «Organization of Transportation and Traffic», Don State Technical University. The author of works on issues of the logistics organization of freight and passenger traffic.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132, ауд. 39
132 Prosveshcheniya st., aud. 39, 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: mari.karaeva@gmail.com

Новикова Наталья Борисовна — кандидат экономических наук, магистрант кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова. Специалист по разработке методов и инструментария сопряжённого управления технологической модернизацией производственных систем хозяйственных образований промышленности и их экономической устойчивостью.

Novikova Natalia Borisovna — Candidate of Economic Sciences, Undergraduate, Department «Productive and Innovative Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Specialist in the development of methods and toolkit of conjugate management of technological modernization of production systems of industrial enterprises of industry and its economic stability.

344037, г. Ростов-на-Дону, ул. 20-я линия, 48, кв. 1
48 20th Line st., ap. 1, 344037, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: nbn_rostov_161@mail.ru

УДК 725.95

10.17213/2075-2067-2021-4-144-150

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ ПОСРЕДСТВОМ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОГО ЗОНИРОВАНИЯ

© 2021 г. Н. Г. Овчинникова*, Н. В. Алиева**

**Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А. К. Кортунова (филиал),
Донской государственный аграрный университет, г. Новочеркасск, Россия*

Целью исследования является совершенствование распределения земель в соответствии с перспективами развития экономики, а также улучшение организации территории и определение различных направлений рационального использования земель и их охраны с помощью формирования комплексной системы взаимодействия градостроительной документации, исследование которой дает возможность выделить уникальные особенности зонирования территорий с учетом перспективы развития землепользования.

Методологическую базу исследования представляет анализ института градостроительного зонирования территории с учетом системных принципов рационального использования территории на базе нормативных и правовых документов в сфере градостроительного зонирования различных уровней: Градостроительного кодекса РФ, Генерального плана, проекта планировки и проекта межевания территории, Правил землепользования и застройки.

Результаты исследования. Усиление методологических подходов, связанных с разработкой планов, на основе комплексного подхода к изучению документов территориального планирования, градостроительного зонирования, планировки населенных мест позволяет определить, на чем сосредоточить усилия, на чем сконцентрировать организационные, финансовые и иные ресурсы, а главное — как их распределить во времени.

Перспективу исследования составляет анализ, направленный на разработку регулирования землепользования и застройки территории города на основе градостроительного зонирования с целью создания и развития направлений, действовать по которым необходимо органам муниципального образования.

В данной статье на основе комплексного подхода к изучению документов территориального планирования, градостроительного зонирования систематизирован порядок регулирования землепользования и застройки территории, совершенствование распределения земель в соответствии с перспективами развития экономики и улучшения организации территории.

Ключевые слова: организация территории; градостроительное зонирование; муниципальное образование; проект планировки и проект межевания.

ORGANIZATION OF RATIONAL USE OF THE TERRITORY THROUGH URBAN ZONING

© 2021 N. G. Ovchinnikova*, N. V. Alieva**

**Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

***Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch),
Donskoy State Agrarian University, Novocherkassk, Russia*

The purpose of the study is to improve the distribution of land in accordance with the prospects of economic development, improve the organization of the territory and identify other areas of rational use of land and their protection through the formation of a comprehensive system of interaction of urban planning documentation, the study of which allows you to identify the features of zoning of territories taking into account the prospects for the development of land use.

The methodological basis of the study is the analysis of the institute of urban zoning of the territory, taking into account the system principles of rational use of the territory on the basis of normative legal documents in the field of urban zoning of different levels: the Urban Planning Code of the Russian Federation, the Master Plan, the planning project and the project of land surveying, the Rules of land use and development.

The results of the study. Strengthening methodological approaches related to the development of strategic plans, based on an integrated approach to the study of documents of territorial planning, urban zoning, planning of settlements, allows you to determine what to focus on, what to concentrate organizational, financial and other resources and how to allocate them over time.

The perspective of the study is an analysis aimed at developing the regulation of land use and development of the city territory on the basis of urban zoning in order to create and develop areas that the municipal authorities need to act on.

In the present article, on the basis of an integrated approach to the study of documents of territorial planning, urban zoning, planning of settlements, the procedure for regulating land use and development of the territory, improving the distribution of land in accordance with the prospects for economic development and improving the organization of the territory is systematized.

Key words: *organization of the territory; urban zoning; municipal formation; planning project and land survey project.*

Введение. Планирование и организация рационального использования территорий и их охраны в городских и сельских поселениях проводятся в процессе градостроительной деятельности, одним из видов которой и является градостроительное зонирование [1].

Правила землепользования и застройки представляют сравнительно новый институт в градостроительном законодательстве РФ, предъявляющий определенный набор требований к землепользователям, землевладельцам в кругу частных и публичных интересов.

Градостроительная документация способствует созданию и развитию направлений, по которым необходимо действовать органам муниципального образования.

При разработке такого вида градостроительной документации, как проект планировки или проект застройки, применялись эскизы застройки — более дешевая и простая альтернатива проекту планировки, содержащая обоснование первоначально заданных параметров только интересующей заказчиком проекта территории.

Нововведения в законодательной базе, а именно внесенные изменения и дополне-

ния в Градостроительный кодекс РФ в 2005 г., привели к эффективной разработке проектов планировки и межевания. С данного момента выделение земельных участков из муниципальных неразмежеванных земель, а также строительство в границах имеющейся застройки при сложившейся структуре землепользования стали осуществляться только с подготовкой надлежащей градостроительной документации, на основании которой в градостроительный план земельного участка вносились параметры застройки [2].

Проекты планировки и межевания разрабатывались применительно к таким элементам городской планировочной структуры, как квартал, либо к нескольким кварталам, сгруппированным на единстве инвестиционных намерений застройщика и лишь второстепенно — на планировочном единстве, близости характеристик среды, подобию транспортной и инженерной инфраструктуры. Аналогичная практика, применяющаяся при подготовке проекта планировки территории и соответствующих расчетов плотности застройки, привела к отрицательным последствиям.

При подготовке ПЗЗ учтены положения нормативно-правовых актов, устанавливающих существенные направления социально-экономического и градостроительного развития города, охраны культурного наследия, охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов.

Документом учреждается порядок регулирования землепользования и застройки территории города на основе градостроительного зонирования в целях обеспечения:

- устойчивого развития территории города на основе генерального плана;
- охраны окружающей среды и объектов культурного наследия;
- санитарно-эпидемиологического благополучия населения;
- правовых условий для планировочной организации территории, согласно ГрадК РФ;
- прав и законных интересов землепользователей и землевладельцев, равенства их прав;
- открытости информации о ПЗЗ и условиях использования земельных участков;
- привлечения инвестиций посредством предоставления выбора наиболее эффективного ВРИ;

— следования субъектами градостроительных отношений запретов и ограничений для территорий общего пользования [3].

К физическим и юридическим должностным лицам, которые исполняют и координируют градостроительную деятельность на территории города, действует требование к обязательному исполнению положений правил землепользования и застройки.

В соответствии со статьей 31 ГрадК РФ подготовка проекта правил может осуществляться:

- применительно ко всем территориям поселений и городских округов;
- при отсутствии генерального плана поселения или городского округа — к частям таких территорий;
- к межселенным территориям.

Правила землепользования и застройки имеют постоянную силу в градостроительной практике, которая реализуется при помощи внесения в них дополнений и изменений в установленном законом порядке. Причиной для внесения изменений могут быть трансформация документов территориального планирования и принятие документации по планировке территории [4, 6].

Правила землепользования и застройки учреждают и реализуют в соответствии с рисунком 1 следующие положения.

При подготовке проекта должны соблюдаться предписания технических регламентов по организации территорий, проектированию, строительству и эксплуатации объектов и положения Градостроительного Кодекса РФ касаясь границ территорий объектов культурного наследия, вновь выявленных объектов культурного наследия, зон с особыми условиями использования территорий.

Правила землепользования и застройки подготавливаются с учетом положений ст. 31, 33 ГрадК РФ, постановлений Администрации города, протоколов и заключений о результатах публичных слушаний, руководствуясь положениями Устава города, решений городской Думы о принятии «Правил землепользования и застройки» или внесения в них изменений от разных годов [5].

Исходя из этого, разработка проекта ПЗЗ осуществляется с учетом положений документов территориального планирования фе-

Рис. 1. Условия, реализуемые правилами землепользования и застройки [7]

дерального, регионального и муниципального уровня. В случае имеющейся утвержденной документации по планировке территории разработка проекта правил осуществляется с учетом такой документации [8].

Заключение. Целью планирования и организации рационального использования территории и охраны земель является совершенствование распределения земель в соответствии с перспективами развития экономики, улучшение организации территории и определение иных направлений рационального использования земель и их охраны в Российской Федерации, субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях.

Литература

1. Овчинникова Н.Г. Анализ использования земельных ресурсов на территории Ростовской области // В сборнике: Проблемы рационального природопользования и пути их решения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию ФГБОУ ВО «ДГТУ». — 2018. — С. 245–249.
2. Алиева Н.В., Овчинникова Н.Г. Функции управления земельными ресурсами в решении вопросов развития территорий субъекта Российской Федерации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. — 2017. — №3. — С. 79–83.

3. Овчинникова Н.Г., Шмакова В.В. Организация рационального использования земельных ресурсов при территориальном планировании муниципальных образований // Экономика и экология территориальных образований. — 2017. — №4. — С. 80–90.

4. Овчинникова Н.Г. Совершенствование управления градостроительным комплексом на территории Ростовской области // В сборнике: Интеграционные процессы в современном геоэкономическом пространстве. Материалы научно-практической конференции. — 2016. — С. 234–236.

5. Овчинникова Н.Г. Территориально-градостроительное развитие Ростовской области в современных условиях // В сборнике: Строительство и архитектура — 2015. Материалы международной научно-практической конференции. ФГБОУ ВПО «Ростовский государственный строительный университет», Союз строителей южного федерального округа, Ассоциация строителей Дона. — 2015. — С. 241–242.

6. Медведков Д.А., Овчинникова Н.Г. Комплексное и устойчивое развитие застроенной территории: опыт, проблемы и пути их решения // В книге: Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях. Материалы научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — 2018. — С. 204–206.

7. Русских А.В., Овчинникова Н.Г. Значимость документов территориального планирования муниципального образования для ведения ЕГРН // Электронный сетевой политематический журнал «Научные труды КубГТУ». — 2017. — №4. — С. 285–289.

8. Зерицков А.М., Овчинникова Н.Г. Стратегия территориального развития муниципального образования // В книге: Организационно-экономические проблемы регионального развития в современных условиях. Материалы научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — 2018. — С. 122–124.

References

1. Ovchinnikova N. G. Analiz ispol'zovanija zemel'nyh resursov na territorii Rostovskoj oblasti [Analysis of the use of land resources on the territory of the Rostov region] // V sbornike:

Problemy racional'nogo prirodopol'zovanija i puti ih reshenija. Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj 45-letiju FGBOU VO «DGTU» [In the collection: Problems of rational nature management and ways to solve them. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 45th anniversary of the FSBEI HE «DSTU»]. — 2018. — Pp. 245–249.

2. Alieva N. V., Ovchinnikova N. G. Funkcii upravlenija zemel'nyimi resursami v reshenii voprosov razvitija territorij sub'ekta Rossijskoj Federacii [Functions of land resources management in solving issues of development of territories of the subject of the Russian Federation] // Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomičeskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. — 2017. — №3. — Pp. 79–83.

3. Ovchinnikova N. G., Shmakova V. V. Organizacija racional'nogo ispol'zovanija zemel'nyh resursov pri territorial'nom planirovanii municipal'nyh obrazovanij [Organization of rational use of land resources in the territorial planning of municipal formations] // Jekonomika i jekologija territorial'nyh obrazovanij [Economics and ecology of territorial formations]. — 2017. — №4. — Pp. 80–90.

4. Ovchinnikova N. G. Sovershenstvovanie upravlenija gradostroitel'nym kompleksom na territorii Rostovskoj oblasti [Improving the management of the urban development complex on the territory of the Rostov region] // V sbornike: Integracionnye processy v sovremennom geojekonomičeskom prostranstve. Materialy nauchno-prakticheskoj konferencii [In the collection: Integration processes in the modern geoeconomic space. Materials of the scientific and practical conference]. — 2016. — Pp. 234–236.

5. Ovchinnikova N. G. Territorial'no-gradostroitel'noe razvitie Rostovskoj oblasti v sovremennyh uslovijah [Territorial and urban development of the Rostov region in modern conditions] // V sbornike: Stroitel'stvo i arhitektura — 2015. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. FGBOU VPO «Rostovskij gosudarstvennyj stroitel'nyj universitet», Sojuz stroitelej juzhnogo federal'nogo okruga, Associacija stroitelej Dona [In the collection: Construc-

tion and Architecture — 2015. Materials of the international scientific and practical conference. Rostov State Construction University, Union of Builders of the Southern Federal District, Association of Builders of the Don]. — 2015. — Pp. 241–242.

6. *Medvedkov D. A., Ovchinnikova N. G.* Kompleksnoe i ustojchivoe razvitie zastroennoj territorii: opyt, problemy i puti ih reshenija [Integrated and sustainable development of a built-up area: experience, problems and ways to solve them] // V knige: Organizacionno-jekonomicheskie problemy regional'nogo razvitija v sovremennyh uslovijah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [In the book: Organizational and economic problems of regional development in modern conditions. Materials of the scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students]. — 2018. — Pp. 204–206.

7. *Russkih A. V., Ovchinnikova N. G.* Znachimost' dokumentov territorial'nogo planirovan-

ija municipal'nogo obrazovanija dlja vedenija EGRN [The significance of documents of territorial planning of a municipal formation for conducting the EGRN] // Jelektronnyj setевой politematicheskij zhurnal «Nauchnye trudy KubGTU» [Electronic network polythematic journal «Scientific works of KubSTU»]. — 2017. — №4. — Pp. 285–289.

8. *Zershhikov A. M., Ovchinnikova N. G.* Strategija territorial'nogo razvitija municipal'nogo obrazovanija [Strategy of territorial development of the municipality] // V knige: Organizacionno-jekonomicheskie problemy regional'nogo razvitija v sovremennyh uslovijah. Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh, aspirantov i studentov [In the book: Organizational and economic problems of regional development in modern conditions. Materials of the scientific and practical conference of young scientists, postgraduates and students]. — 2018. — Pp. 122–124.

Поступила в редакцию

28 мая 2021 г.

Овчинникова Наталья Геннадьевна — кандидат экономических наук, доцент Донского государственного технического университета.

Ovchinnikova Natalya Gennadyevna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Don State Technical University.

344022, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
1 Gagarin sq., 344022, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

Алиева Наталья Владимировна — кандидат экономических наук, доцент Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А. К. Кортунова (филиала) Донского государственного аграрного университета.

Alieva Natalya Vladimirovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Novocherkassk Reclamation Engineering Institute named after A. K. Kortunov (branch), Donskoy State Agrarian University.

346400, г. Новочеркасск, ул. Пушкинская, 111
111 Pushkinskaya st., 346400, Novocherkassk, Russia
E-mail: natali281280@yandex.ru

УДК 331.101.52

10.17213/2075-2067-2021-4-151-163

**РАЗРАБОТКА МЕТОДА ОЦЕНКИ
ИЗМЕНЕНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА
В РЕЗУЛЬТАТЕ ПРОЦЕССОВ NBIC-КОНВЕРГЕНЦИИ
И ПРИМЕНЕНИЯ СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЫ¹**

© 2021 г. А. А. Пахомова*, Ш. Халас**, А. А. Нардина*

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

***Будапештский университет технологий и экономики, г. Будапешт, Венгрия*

Целью исследования является обоснование необходимости разработки метода измерения человеческого капитала в условиях развития NBIC-конвергенции и применения системной парадигмы.

Методологическую базу исследования представляют теории «человеческого капитала» и различные методики его оценки. Применение этих методов позволило изучить сложившиеся тенденции и выделить основные характеристики, положительные и отрицательные стороны каждого из методов, возможности нивелировать их в условиях NBIC-конвергенции.

Результаты исследования. В результате выявлено, что несмотря на глубокий и разносторонний подход к оценке человеческого капитала, большинство ученых сходятся во мнении об аутентичности данной научной категории, ее емкости и многогранности, зависимости от множества факторов и не возможности, а скорее, целесообразности сохранения персонализации и уникальности. Одним из важных результатов является вывод, что приращение человеческого капитала в условиях NBIC-конвергенции целиком и полностью происходит в процессе образования, повышения квалификации и в процессе трудовой деятельности в мультипространственных производственных системах. Интенсификация роста человеческого капитала происходит по мере потребления, совершенствования и расширения квалификационных способностей, при этом качественной трансформации подвергается и сам субъект. Наблюдается закономерный процесс интенсификации роста человеческого капитала в результате повышения его квалификационных способностей в мультипространственных производственных системах и, как следствие, потреблению им продуктов NBIC-конвергенции.

Перспективу исследования составляет развитие системной парадигмы Яноша Корнаи — фундаментальная основа создания производственных и технических систем в условиях NBIC-конвергенции.

Ключевые слова: NBIC-конвергенция; системная парадигма; технологии; наука; человек; человеческий капитал.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК в рамках научного проекта 20-510-23002 «Развитие системной парадигмы Яноша Корнаи — фундаментальная основа создания производственных и технических систем в условиях NBIC-конвергенции».

**DEVELOPMENT OF A METHOD
FOR ASSESSING CHANGES IN HUMAN CAPITAL
AS A RESULT OF NBIC CONVERGENCE PROCESSES
AND THE APPLICATION OF THE SYSTEM PARADIGM**

© 2021 A. A. Pakhomova*, S. Halasz**, A. A. Nardina*

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

**Budapest University of Technology and Economics, Budapest, Hungary

The purpose of the study is to substantiate the need to develop a method for measuring human capital in the context of the development of NBIC convergence and the application of the system paradigm.

The methodological basis of the research is represented by the theories of «human capital», and various methods of its assessment. The use of these methods made it possible to study the current trends and identify the main characteristics, positive and negative aspects of each of the methods, the possibility of leveling them in the conditions of NBIC convergence.

The results of the study. As a result, it is revealed that despite a deep and versatile approach to the assessment of human capital, most scientists agree on the authenticity of this scientific category, its capacity, and versatility, depending on many factors and not the possibility, but rather the expediency of preserving personalization and uniqueness. One of the important results is the conclusion that the increment of human capital in the conditions of NBIC convergence occurs entirely in the process of education, professional development and in the process of working activity in multi-spatial production systems. The intensification of the growth of human capital occurs as the consumption, improvement and expansion of qualification abilities, while the subject itself undergoes a qualitative transformation. There is a natural process of intensification of the growth of human capital as a result of increasing its qualification abilities in multi-dimensional production systems and, as a result, its consumption of NBIC convergence products.

The prospect of the study is the development of the Janos Kornai system paradigm — the fundamental basis for creating production and technical systems in the conditions of NBIC convergence.

Key words: NBIC-convergence; system paradigm; technologies; science; human; human capital.

Введение. Проблема оценки человеческого капитала стала в экономической науке центральным звеном изучения последние более чем 200 лет [3]. Усиливает интерес к данной проблематике достижение науки и техники, ключевым звеном которого в настоящее время является NBIC-конвергенция. NBIC-конвергенция в современном мире науки является траекторией развития технологических укладов и перехода на 6 уровень [4].

Влияние наук в рамках NBIC-конвергенции не ограничивается односторонним воздействием, создает синергический эф-

фект, что обусловлено получением результата не в одной стационарной отрасли знания, а получением сверхрезультата в области межнаучного пространства [9]. NBIC-конвергенция позволяет работать в межнаучном пространстве, получая синергетические результаты, усиленные самой конвергенцией науки. Таким образом, можно говорить о научных результатах, имеющих надотраслевой характер (Технологии шестого большого цикла Н. Кондратьева), что в свою очередь является основой для дальнейшего научно-технического прогресса и внедрения его результатов

в производственные системы экономики [8]. Преобразования происходят внутри всех составляющих производственной системы, в том числе носителя трудовых ресурсов, тем более, большому изменению подвержен человеческий капитал.

Человеческий капитал становится неотъемлемой составляющей NBIC-конвергенции. Созданная благодаря человеку инновационная инфраструктура определяет качественное и количественное развитие NBIC-технологии, опосредующих формирование и использование инновационного потенциала и проявление инновационной активности. NBIC-конвергенция позволяет продолжать развитие научно-технического прогресса по пути количественных преобразований в качественные, но на рубеже перехода на новый технологический уровень эволюционируют не отдельные технологии, а целые производственные системы, полностью динамично меняя свой состав [11]. В то же время качественное увеличение человеческого и социального капитала в результате процессов NBIC-конвергенции является фундаментальной основой динамичной и устойчивой траектории развития народного хозяйства страны.

Дефиниция «человеческий капитал» всегда представляла собой производственный фактор, в таком ракурсе понятие «человеческий капитал» в экономике было использовано в 1897 году Ирвином Фишером. Основные этапы развития теории человеческого капитала нами представлены в таблице 1.

В мировой научной мысли можно выделить работы Т. Шульца, С. Беккера Гэри, Н. Бонтиса, Э.Д. Долана и других авторов, внесших значительный вклад в развитие теории человеческого капитала. В отечественной науке проблематика человеческого капитала исследуется наиболее активно со второй половины XX века. Н. Римашевская выделяет «человеческий капитал» как «интегральную сумму таких составляющих, как здоровье, знание, культура и свобода личности». Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов в работе «Человеческий и социальный капитал как основа современной экономики» дают следующие определение: «...человеческий капитал — это специфическая форма капитала, воплощенного в самом человеке, это имеющийся у че-

ловека запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые содействуют росту его производительности труда и приносят ему доход в форме заработной платы или ренты». В своем исследовании мы опираемся на исследования предшественников, разделяя и поддерживая их научные результаты. В наших исследованиях «человеческий капитал», результатом которого является получение личностных и общественных благ, представляет собой совокупность элементов, необходимых для эффективной профессиональной деятельности, включающих знания, умения, навыки, опыт, здоровье, мотивацию. Классическая концепция человеческого капитала базируется на трех основных составляющих: «инвестиции в образование — развитие человеческого капитала — экономический рост и социальное развитие». Развитие «человеческого капитала» — закономерный ответ экономической науки и практики на факторы и современное состояние мировых экономических систем.

В рамках нашего исследования целесообразно выделить следующие особенности человеческого капитала:

- 1) человеческий капитал персонализирован, имеет высокую долю зависимости от инвестиций в него, дифференцирован в различные жизненные периоды;
- 2) имеет ограниченный непредсказуемый временной интервал использования;
- 3) полнота реализации зависит как от внутренних, так и от внешних факторов;
- 4) высокая зависимость от инфраструктуры как экономической, так и социальной;
- 5) не имеет амортизации, но в то же время человеческий капитал может нарастать в течение всей жизни человека так же, как и обесцениваться или истончаться;
- 6) возможность нереализации потенциала компетенции в форме знаний, способностей, рабочих и управленческих навыков;
- 7) бесконечное пополнение «копилки человеческого капитала»;
- 8) невозможность приобретения и отчуждения.

Истории изучения феномена человеческого капитала не одну сотню лет. Существуют различные модели и теории оценки человеческого капитала, основные ключевые элементы представлены в таблице 2. Традиционно вы-

Таблица 1

«Человеческий капитал» как ключевая дефиниция исследования

Автор	Основополагающий элемент
У. Петти	Материальной базой достатка служат земля и ресурсы природы, основным источником накопления общественного богатства является включенный в материальное производство живой труд (т.е. труд работника) [16]
К. Макс	Труд как созидатель потребительных стоимостей, как полезный труд, есть не зависимое от всяких общественных форм условие существования людей, вечная, естественная необходимость: без него не был бы возможен обмен между человеком и природой, то есть не была бы возможна сама человеческая жизнь [14]
Ф. Кенэ	Без приложения труда человека земли сами по себе не представляют никакой ценности [11]
А. Смит	Увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работает [17]
Дж. С. Милль	Само человеческое существо ... не является капиталом. Человек служит целью, ради которой богатство существует. Но его приобретенные способности, выступающие только как средство и реализующиеся только посредством труда, с полным основанием можно отнести к категории капитала [23]
Н. Сениор	Человек — это капитал с затратами на его содержание с ожиданием получения выгоды в будущем [24]
Т. Шульц	Первым вводит в научный оборот формулировку понятия человеческого капитала как фактора производств [25]
Ф. Фукуяма	В структуру капитала включает «знания и квалификацию людей», подчеркивая, что «значение этих факторов во временном разрезе постоянно возрастает» [19]
Л. Эдвинсон и М. Мэлоун	Человеческий капитал следует понимать как «совокупность знаний, практических навыков, творческих способностей сотрудников, вовлеченных к выполнению текущих задач, а также устоявшиеся в компании “моральные ценности”, культура труда и общий подход к делу» [22]
К. Р. Макконелл и С.Л. Брю	«Накопление предшествующих вложений в образование, подготовку, здравоохранение и другие факторы, способствующие повышению производительности труда» [13]
Н. Г. Чернышевский	«...ни один из элементов успешности производства не имеет такого громадного значения, как степень умственного развития работника; климат, почва, запасы капитала, самая крепость физических сил, — все это ничтожно по сравнению с развитием мысли» [21]
С. А. Дятлов	«...человеческий капитал есть сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком запас здоровья, навыков, способностей, знаний, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и производства и тем самым влияют на рост доходов данного человека...» [7]

Окончание таблицы 1

М. М. Хайкин	«...особый вид капитала, который при определенных специфических условиях может приобретать иррациональную форму...» [20]
Ю. А. Корчагин	«...интенсивный синтетический и сложный производительный фактор развития экономики и общества, включающий креативные трудовые ресурсы, инновационную систему, высокопроизводительные накопленные знания, системы обеспечения профессиональной информацией, инструменты интеллектуального и организационного труда, качества жизни и интеллектуальной деятельности, обеспечивающие эффективное функционирование человеческого капитала...» [10]
Л. И. Абалкина	«...сумма врожденных способностей, общего и специального образования, приобретенного профессионального опыта, творческого потенциала, морально-психологического и физического здоровья, мотивов деятельности, обеспечивающих возможность приносить доход...» [2]
И. В. Грузков	«...экономические отношения людей по поводу сформированной и накапливаемой в течение жизни совокупности биологических, социальных, духовных производительных и профессиональных характеристик человека, технологий их использования в хозяйственной деятельности с целью повышения эффективности труда и получения материального дохода или морального вознаграждения работника...» [5]
Л. Н. Салимов	«...специфической ценностью, представленной системой постоянно развивающихся, созидательно ориентированных и востребованных человеческих свойств, обеспечивающих расширенное воспроизводство жизненных благ...» [18]

деляют стоимостной, полезности, индексный подход и методику Всемирного банка. В рамках исследования целесообразно выделить измерение человеческого капитала на основе оценки прошлых усилий, на основе оценки отдачи (результата), оценки человеческого капитала в разных стадиях воспроизводства.

Несмотря на глубокий и разносторонний подход к оценке человеческого капитала, большинство ученых сходятся во мнении об аутентичности данной научной категории, ее емкости и многогранности, зависимости от множества факторов и невозможности, а скорее, целесообразности сохранения персонализации и уникальности. Необходимо признать, что количественный подход имеет низкую достоверность результатов. Среди современных методов оценки доминируют те, в которых затраты на формирование человеческого капитала имеют вид издержек, а получаемые блага от его функционирования

выражаются через доходы. Установлено, что в настоящее время методики оценки человеческого капитала статистических служб развитых стран исходят из узкого определения человеческого капитала и в целях достижения сопоставимости различных его элементов в расчетах оперируют главным образом стоимостными величинами. Оппоненты подобного подхода справедливо указывают на то, что сложность и комплексность категории человеческого капитала не может быть выражена через количественные показатели. Приращение человеческого капитала в условиях NBIC-конвергенции целиком и полностью происходит в процессе образования, повышения квалификации и в процессе трудовой деятельности в мультипространственных производственных системах. Интенсификация роста человеческого капитала при применении системной парадигмы происходит по мере потребления и развития квали-

Таблица 2

Ключевые методы оценки человеческого капитала [15]

Методы	Модель, авторы	Концепция	Ограничения, положительные и отрицательные стороны
Метод для оценки человеческого капитала (ЧК) отдельного индивида	Модель Т. Витштейна	Теодор Витштейн в своей работе опираясь на подходы, использованные У. Фарром (капитализированный заработок) и Э. Энгелем (цена производства). В его модели он сделал предположение о том, что величина дохода индивидуума должна быть равна затратам на содержание с учетом затрат на образование	$C_n^1 = aR_0 \frac{L_0}{L_n} r^n - aR_n, \quad C_n^2 = X \cdot R_N \frac{LN}{L_n} P^{N-n} - aR_n,$ где a — расходы на потребление (в год), это может включать образование на человека любой сферы деятельности; $r = (1 + i)$, где i — %-я ставка рыночная; L_n — кол-во людей в возрасте n в таблице жизни; R_n — стоимость аренды в один доллар человека в возрасте n, приобретенная им в момент его рождения (для этого r); X — сумма будущего дохода на человека определенной сферы деятельности; N — возраст, в котором человек вступает в трудовую жизнь. Т. Витштейн для простоты предположил, что a и X постоянны на протяжении всей жизни индивида, что первое уравнение (основанное на производственных затратах) можно использовать для оценки стоимости человека в денежных единицах при $N > n$, в то время как при $N < n$ проще использовать второе уравнение (основанное на доходах). Можно отметить неудовлетворительность основного положения, которое заключается в том, что заработок в течение жизни человека и расходы на его содержание равны. Нужно отметить, что любое сочетание методов капитализации прибыли и цены производства является порочным, создавая возможность удвоения стоимости
	Модель Г. Беккера — Б. Чисуика	Г. Беккер, совместно с Б. Чисуик оценивал ЧК как общий заработок любого лица, после того как он завершил инвестирование в ЧК	Эта методология учитывает как зарплату, так и доходы от инвестиций в ЧК. Однако это далеко не полный набор показателей для анализа ЧК. На показатели, характеризующие профессиональный, образовательный уровень, затраты на обучение, здравоохранение, ряд дополнительных затрат на ЧК не влияют

Продолжение таблицы 2

Методы	Модель, авторы	Концепция	Ограничения, положительные и отрицательные стороны
Метод для оценки человеческого капитала отделеьного предприятия	Модель В. Алавердяна	В. Алавердян предлагал следующую модель оценки ЧК предприятия: ее суть заключается в том, что человеческий капитал предприятия — это совокупная оценочная стоимость человеческого капитала всех работников предприятия. Оценочная стоимость сотрудника — это оценочная стоимость, равная произведению выплаченной или ожидаемой заработной платы сотрудника на коэффициент Gkr (гудвилл кадрового потенциала)	Преимуществом является учет деловой репутации человеческого потенциала сотрудника, что позволяет наиболее точно определить его смету затрат. Однако предлагаемые параметры для расчета гудвилла представлены не полностью. Кроме того, было бы правильно включить инвестиции в персонал в сметную стоимость сотрудника
	Модель М. Фридмана	М. Фридмен при оценке человеческого капитала использовал капитализированный перманентный доход, получаемый индивидом от человеческого капитала	$V_n = \frac{D_1}{1+r} + \frac{D_2}{(1+r)^2} + \dots + \frac{D_n}{(1+r)^n},$ где D — ожидаемый годовой доход от всех видов имущества; n — срок жизни человека в годах; r — средняя доходность (отдача) от видов имущества. Этот метод показывает совокупный имущественный доход физ. лица. Однако в нем не отражены многие показатели, используемые для анализа человеческого капитала, такие как профессиональный и образовательный уровень, затраты на обучение, здравоохранение, ряд дополнительных затрат на человеческий капитал

Окончание таблицы 2

Методы	Модель, авторы	Концепция	Ограничения, положительные и отрицательные стороны
Метод для оценки человеческого капитала региона и/или государства в целом	Модель Я. И. Фитценца. Также возможно использование модели оценки человеческого капитала для отдельного индивида путем мультипликации «стоимости» всех индивидов, проживающих в отдельном государстве	Я. Фитценц связывает человеческий капитал (ЧК) с добавленной экономической стоимостью, которая определяется следующим образом. Добавленная стоимость ЧК рассчитывается путем деления прибыли от человеческого капитала на эквивалент полной занятости	Добавленную экономическую стоимость можно связать с человеческим капиталом, разделив ее на знаменатель эквивалента полной занятости, описанный раньше: $HEVA = \frac{EVA}{FTE}.$ Этот метод является наиболее оптимальным. Следует также отметить специфику отдельных показателей, в результате чего не совсем удобно использовать данную методику в ее первоначальном виде для оценки человеческого капитала российских предприятий. Однако он может быть адаптирован и использован в качестве основы методологии, учитывающей российскую специфику
Модель И. А. Гурбан и А. Л. Мызниной	Авторы оценивали регионы России с точки зрения человеческого капитала. Авторы в рамках работы выделили 4 индикатора: демографический, трудовой, научно-исследовательский и социокультурный. При этом учитывалось постоянное население региона. В итоге человеческий капитал региона оценивался как сумма человеческих капиталов индивидов	Авторы оценивали регионы России с точки зрения человеческого капитала. Авторы в рамках работы выделили 4 индикатора: демографический, трудовой, научно-исследовательский и социокультурный. При этом учитывалось постоянное население региона. В итоге человеческий капитал региона оценивался как сумма человеческих капиталов индивидов	Методология оценки человеческого капитала заключается в учете постоянного, а не существующего населения региона. Чаще всего интегральный показатель выглядит так: $СЧК_a = \sum_i^n ЧКМ_i,$ где СЧК_a — активный суммарный человеческий капитал региона; ЧКМ_i — человеческий капитал человека; <i>i</i> — собственник (индивид); <i>n</i> — количество владельцев человеческого капитала. При этом «активный совокупный человеческий капитал региона» означает экономически активное постоянное население. В то же время без учета трудовой миграции, на наш взгляд, оценка человеческого капитала неправомерна

фикационных способностей, качественной трансформации подвергается и сам субъект. Наблюдается закономерный процесс увеличения человеческого капитала в результате повышения его квалификационных способностей (ценностных установок его компетенций) и, как следствие, приобретения им продуктов NBIC-конвергенции.

Заключение. Центральным звеном NBIC-конвергенции является человек со всем его уникальным составом. Многогранность и многоаспектность центральных понятий данной научной работы усиливают и дополняют друг друга. Более того, можно с уверенностью говорить об устойчивых взаимозависимых связях данных понятий. NBIC-конвергенция приводит к глубокой трансформации сущности как «человека», так и «человеческого капитала». Фундаментальные технологические прорывы NBIC-конвергенции базируются на человеческом капитале и достижении НТП, в то же время приводят к многократному росту человеческого капитала, имея синергический эффект. Проведенный анализ существующих методов оценки данной категории показал устойчивую зависимость системы показателей, включающей блоки образования, здоровья, уровень дохода как самого индивида, так и организации, региона, страны и тп. Основные звенья и появляющиеся на стыке междисциплинарных направлений оказывают непосредственное влияние и направлены главным образом на увеличение качества жизни человека, включая основные первоначальные показатели оценки.

Исследования показали, что методы оценки изменения человеческого капитала в результате процессов NBIC-конвергенции и применения системной парадигмы возможны на условиях комплексного и синтезирующего подхода к существующим методам, что позволяет не только адаптировать и минимизировать отрицательные стороны каждого из отдельных подходов, но и перейти к стратегическому управлению ключевой дефиниции. Системная парадигма является ключевым элементом развития экономики, базирующейся на результатах NBIC-конвергенции, в основе которой заложено «повышение производительности человека» [26].

Литература

1. Научный проект 20-510-23002 «Развитие системной парадигмы Яноша Корнаи — фундаментальная основа создания производственных и технических систем в условиях NBIC-конвергенции» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kias.rfbr.ru/index.php>.
2. Абалкина Л. И. Стратегический ответ России на вызовы нового века. — М.: Издательство «Экзамен», 2004. — 605 с.
3. Абалкин Л. И. Экономическая энциклопедия. — М.: Экономика, 2009.
4. Акаев А., Рудской А. Синергический эффект NBIC-технологий и мировой экономической рост в первой половине XXI века // Экономическая политика. — 2014. — №2. — С. 25–46.
5. Грузков И. В. Воспроизводство человеческого капитала в условиях формирования инновационной экономики России: теория, методология, управление: монография / И. В. Грузков; науч. ред. В. И. Бережной. — М.: Экономика, 2013. — 384 с.
6. Дудин М. Н., Шутьков А. А., Анищенко А. Н. Шестой большой цикл в развитии мировой экономики: эпоха NBIC-конвергенции в АПК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ipr-ras.ru/old_site/articles/2019-03-74-82-dudin.pdf.
7. Дятлов С. А. Теория человеческого капитала / С. А. Дятлов. — СПб.: СПбУЭФ, 1995. — 160 с.
8. Колбачев Е. Б. Технологические уклады и инструментарий управления инновациями // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского политехнического университета. Экономические науки. — 2010. — №4. — С. 116–122.
9. Конвергенция технологий — новая детерминанта развития общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/621/>.
10. Корчагин Ю. А. Человеческий капитал — интенсивный социально-экономический фактор развития личности, экономики, общества и государственности [Электронный ресурс] / Ю. А. Корчагин. — Режим доступа: <http://psy.hse.ru/orgps/humancapital> (Дата обращения: 06.07.2021).
11. Кенэ Ф. Избранные экономические произведения / Ф. Кенэ. — М.: Издательс-

тво социально-экономической литературы, 1960. — 552 с.

12. *Ленчук Е. Б.* Задачи по созданию условий для перехода российской экономики на инновационный путь развития [Электронный ресурс] // Политическое образование. — 28.04.2010. — Режим доступа: <http://www.lawinrussia.ru/zadachi-po-sozdaniyu-uslovii-dlya-perekhoda-rossiiskoi-ekonomiki-na-innovatsionnyi-put-razvitiya>.

13. *Макконелл К. Р.* Экономика: принципы, проблемы и политика: в 2 т. / К. Р. Макконелл, С. Л. Брю. — М.: Республика, 1992. — Т. 2. — 400 с.

14. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии: в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс; пер. И. И. Степанова-Скворцова. — М.: Политиздат, 1955. — Т. II. — Кн. II: Процесс обращения капитала. — 530 с.

15. *Парушина Н. В., Лытнева Н. А., Семиделихин Е. А.* Методы измерения и оценки человеческого капитала (научный обзор) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=912>.

16. *Петти У.* Экономические и статистические работы / У. Петти. — М.: Соцэкгиз, 1940. — 324 с.

17. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — М.: Соцэкгиз, 1962. — 686 с.

18. *Салимов Л. Н.* Основы экономической теории человеческого капитала: методологические и институциональные аспекты. — Казань: ФЭН, 2007.

19. *Фукуяма Ф.* Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию: пер. с англ. / Ф. Фукуяма. — М.: АСТ, 2004. — 730 с.

20. *Хайкин М. М.* Эволюция теории человеческого капитала [Электронный ресурс] / М. М. Хайкин. — Режим доступа: http://alternativy.ru/ru/webfm_send/724 (Дата обращения: 26.06.2021).

21. *Чернышевский Н. Г.* Избранные экономические произведения / Н. Г. Чернышевский. — М.: Политиздат, 1948. — 759 с.

22. *Эдвинссон Л.* Интеллектуальный капитал. Определение истинной стоимости компании / Л. Эдвинссон, М. Мэлоун // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. — М.: Academia, 1999. — С. 432–447.

23. *Mill J.* Principles of Political Economy. With some of their applications to social philosophy / J. Mill. — Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1876. — 643 p.

24. *Senior N. W.* An Outline of the Science of Political Economy / N. W. Senior. — N. Y.: Kelley, 1965. — 249 p.

25. *Schultz T. W.* Capital Formation by Education / T. W. Schultz // Journal of Political Economy. — 1960. — Vol. 68. — Pp. 571–583.

26. *Roco Mihail C.* Coherence and Divergence of Megatrends in Science and Technology. In Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science / ed. Mihail C. Roco and William S. — Arlington, VA: National Science Foundation, 2002.

References

1. Nauchnyj proekt 20-510-23002 «Razvitie sistemnoj paradigmy Janosha Kornai — fundamental'naja osnova sozdaniya proizvodstvennyh i tehnikeskikh sistem v uslovijah NBIC-konvergencii» [Scientific project 20-510-23002 «Development of the system paradigm of Janos Kornai — the fundamental basis for creating production and technical systems in the conditions of NBIC convergence»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://kias.rfbr.ru/index.php>.

2. *Abalkina L. I.* Strategicheskij otvet Rossii na vyzovy novogo veka [Russia's strategic response to the challenges of the new century]. — Moscow: Izdatel'stvo «Jekzamen», 2004. — 605 p.

3. *Abalkin L. I.* Jekonomicheskaja jenciklopedija [Economic Encyclopedia]. — Moscow: Jekonomika, 2009.

4. *Akaev A., Rudskoj A.* Sinergeticheskij jeffekt NBIC-tehnologij i mirovoj jekonomicheskij rost v pervoj polovine XXI veka [Synergetic effect of NBIC technologies and world economic growth in the first half of the XXI century] // Jekonomicheskaja politika [Economic policy]. — 2014. — №2. — Pp. 25–46.

5. *Gruzkov I. V.* Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v uslovijah formirovaniya innovacionnoj jekonomiki Rossii: teorija, metodologija, upravlenie: monografija [Reproduction of human capital in the conditions of the formation of the innovative economy of Rus-

sia: theory, methodology, management: monograph] / I.V. Gruzkov; nauch. red. V.I. Berezhnoy [I.V. Gruzkov; in V.I. Berezhnoy (eds.)]. — Moscow: Jekonomika, 2013. — 384 p.

6. *Dudin M.N., Shut'kov A. A., Anishchenko A.N.* Shestoj bol'shoj cikl v razvitii mirovoj jekonomiki: jepoha NBIC-konvergencii v APK [The sixth big cycle in the development of the world economy: the era of NBIC convergence in the agro-industrial complex] [Elektronnyj resurs]. — URL: http://www.ipr-ras.ru/old_site/articles/2019-03-74-82-dudin.pdf.

7. *Djatlov S.A.* Teorija chelovecheskogo kapitala [Theory of human capital] / S.A. Djatlov. — Saint Petersburg: SPbUJeF, 1995. — 160 p.

8. *Kolbachev E.B.* Tehnologicheskie układy i instrumentarij upravljenija innovacijami [Technological structures and tools for innovation management] // Nauchno-tehnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo politehnicheskogo universiteta. Jekonomicheskie nauki [Scientific and Technical News of St. Petersburg Polytechnic University. Economic sciences]. — 2010. — №4. — Pp. 116–122.

9. Konvergencija tehnologij — novaja determinanta razvitija obshhestva [Convergence of technologies — a new determinant of the development of society] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://transhumanism-russia.ru/content/view/621/>.

10. *Korchagin Ju. A.* Chelovecheskij kapital — intensivnyj social'no-jekonomicheskij faktor razvitija lichnosti, jekonomiki, obshhestva i gosudarstvennosti [Human capital — an intensive socio-economic factor in the development of personality, economy, society and statehood] [Elektronnyj resurs] / Ju. A. Korchagin. — URL: <http://psy.hse.ru/orgps/humancapital> (Date accessed: 06.07.2021).

11. *Kenje F.* Izbrannye jekonomicheskie proizvedenija [Selected economic works] / F. Kenje. — Moscow: Izdatel'stvo social'no-jekonomicheskoy literatury, 1960. — 552 p.

12. *Lenchuk E.B.* Zadachi po sozdaniyu uslovij dlja perehoda rossijskoj jekonomiki na innovacionnyj put' razvitija [Tasks for creating conditions for the transition of the Russian economy to an innovative path of development] [Elektronnyj resurs] // Politicheskoe obrazovanie. — 28.04.2010. — URL: <http://www.lawinrussia.ru/zadachi-po-sozdaniyu-uslovii-dlya-perekhoda>

rossijskoj-ekonomiki-na-innovatsionnyj-put-razvitiya.

13. *Makkonell K.R.* Jekonomika: principy, problemy i politika: v 2 t. [Economics: principles, problems and politics: in 2 volumes] / K.R. Makkonell, S.L. Brju. — Moscow: Respublika, 1992. — Vol. 2. — 400 p.

14. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy jekonomii: v 3 t. [Criticism of political economy: in 3 volumes] / K. Marks, F. Jengel's; per. I.I. Stepanova-Skvorcova. — Moscow: Politizdat, 1955. — Vol. II. — Book II: Process obrashhenija kapitala. — 530 p.

15. *Parushina N.V., Lytneva N.A., Semidelihin E.A.* Metody izmerenija i ocenki chelovecheskogo kapitala (nauchnyj obzor) [Methods of measuring and evaluating human capital (scientific review)] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://science-economy.ru/ru/article/view?id=912>.

16. *Petti U.* Jekonomicheskie i statisticheskie raboty [Economic and statistical works] / U. Petti. — Moscow: Socjkgiz, 1940. — 324 p.

17. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov [Research on the nature and causes of the wealth of peoples] / A. Smit. — Moscow: Socjkgiz, 1962. — 686 p.

18. *Salimov L.N.* Osnovy jekonomicheskoy teorii chelovecheskogo kapitala: metodologicheskie i institucional'nye aspekty [Fundamentals of the economic theory of human capital: methodological and institutional aspects]. — Kazan': Fjen, 2007.

19. *Fukujama F.* Doverie. Social'nye dobrodeteli i put' k procvetaniju: per. s angl. [Trust. Social virtues and the path to prosperity: translated from English] / F. Fukujama. — Moscow: AST, 2004. — 730 p.

20. *Hajkin M.M.* Jevoljucija teorii chelovecheskogo kapitala [Evolution of the theory of human capital] [Elektronnyj resurs] / M.M. Hajkin. — URL: http://alternativy.ru/ru/webfm_send/724 (Date accessed: 26.06.2021).

21. *Chernyshevskij N.G.* Izbrannye jekonomicheskie proizvedenija [Selected economic works] / N.G. Chernyshevskij. — Moscow: Politizdat, 1948. — 759 p.

22. *Jedvinsson L.* Intellekturnyj kapital. Opredelenie istinnoj stoimosti kompanii [Intellectual capital. Determining the true value of a company] / L. Jedvinsson, M. Mjeloun // Novaja postindustrial'naja volna na Zapade. An-

tologija [The new post-industrial wave in the West. Anthology] / pod red. V. L. Inozemceva [in V. L. Inozemtsev (eds.)]. — Moscow: Academia, 1999. — Pp. 432–447.

23. *Mill J.* Principles of Political Economy. With some of their applications to social philosophy / J. Mill. — Longmans, Green, Reader, and Dyer, 1876. — 643 p.

24. *Senior N. W.* An Outline of the Science of Political Economy / N. W. Senior. — N. Y.: Kelley, 1965. — 249 p.

25. *Schultz T. W.* Capital Formation by Education / T. W. Schultz // Journal of Political Economy. — 1960. — Vol. 68. — Pp. 571–583.

26. *Roco Mihail C.* Coherence and Divergence of Megatrends in Science and Technology. In Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and the Cognitive Science / ed. Mihail C. Roco and William S. — Arlington, VA: National Science Foundation, 2002.

Поступила в редакцию

21 мая 2021 г.

Пахомова Антонина Александровна — доктор экономических наук, профессор, доцент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Pakhomova Antonina Aleksandrovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Associate Professor of the Department «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

341493, Ростовская обл., п. Персиановский, ул. Садовая, 78
78 Sadovaya st., 341493, Persianovskiy, Rostov reg., Russia
E-mail: tivano@yandex.ru

Халас Шандор — доктор технических наук, профессор кафедры электроэнергетики Будапештского университета технологий и экономики.

Halasz Shandor — Doctor of Engineering Sciences, Professor of the Department of Electric Power Engineering, Budapest University of Technology and Economics.

1111, г. Будапешт, Венгрия, Műegyetem rakpart 1-6
Műegyetem rakpart 1-6, 1111, Budapest, Hungary
E-mail: info@bme.hu

Нардина Анастасия Андреевна — ассистент кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Nardina Anastasia Andreevna — Assistant of the Department «Production and Innovative Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: mozgalevaa@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В РФ

© 2021 г. Т. Г. Плеханова*, И. Б. Жукова*, Е. В. Плеханова**

**Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Шахты, Россия*

***Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Целью исследования является обоснование направлений демографической политики в РФ с учетом выявленных факторов влияния на повышение рождаемости, например, размер материнского капитала и уровень средней заработной платы в регионе.

Методологическую базу исследования представляет теория демографического перехода, на основе которой применено эконометрическое моделирование, рассматривающее экономические условия в качестве основного фактора роста рождаемости. Применение этих методов и подходов позволяет выявить основные факторы влияния на демографический процесс в зависимости от сложившейся экономической ситуации в регионе, определив основные характеристики этого распределения.

Результаты исследования. Одним из важных результатов является выявленный эффект слабой реакции уровня рождаемости на растущий уровень доходов населения. Это обстоятельство говорит о незначительном росте доходов и диспропорции развития российской экономики, отражающейся в неравномерном региональном распределении доходов. Его применение вряд ли даст результат по формированию новой устойчивой модели демографического роста. Приходим к выводу, что рост рождаемости возможен при существенном повышении доходов населения. На сложившуюся модель роста уровня рождаемости в России оказывает влияние проводимая демографическая политика, но она не учитывает экономическое состояние населения и не влияет на него с целью коренного изменения. Рассмотренные типовые варианты демографической модели роста учитывают указанные обстоятельства, но анализ показал слабое влияние фактора доходов населения.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ других выявленных факторов, таких как доступность ипотеки и выбор конкретных инструментов демографической политики. Используются данные Федеральной службы государственной статистики.

Ключевые слова: уровень рождаемости; численность населения; эконометрическая модель; факторы; материнский капитал; средняя заработная плата.

USING ECONOMETRIC MODELS TO PREDICT THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2021 T. G. Plekhanova*, I. B. Zhukova*, E. V. Plekhanova**

**Shakhty Road Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia*

***Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia*

The purpose of the study is to substantiate the directions of demographic policy in the Russian Federation, taking into account the identified factors influencing the increase in the birth rate, for example, the size of the maternity capital and the level of average wages in the region.

The methodological basis of the study is the theory of demographic transition, on the basis of which econometric modeling is applied, considering economic conditions as the main factor of birth rate growth. The use of these methods and approaches allows us to identify the main factors influencing the demographic process, depending on the current economic situation in the region, identifying the main characteristics of this distribution.

The results of the study. One of the important results is the revealed effect of the weak response of the birth rate to the growing level of income of the population. This fact indicates a slight increase in income and a disparity in the development of the Russian economy, which is reflected in the uneven regional distribution of income, and its application is unlikely to result in the formation of a new sustainable model of demographic growth. We conclude that an increase in the birth rate is possible with a significant increase in the income of the population. The current growth model in Russia is influenced by the current demographic policy, but it does not take into account the economic condition of the population and does not affect them in order to radically change them. The considered standard variants of the demographic growth model take into account these circumstances, but the analysis showed a weak influence of the income factor of the population.

The perspective of the study is an in-depth analysis of other identified factors, such as the availability of mortgages and the choice of specific demographic policy tools.

Key words: birth rate; population size; econometric model; factors; maternity capital; average salary.

Введение. В Российской Федерации наблюдается снижение численности населения, причем в ближайшие годы эта тенденция будет расти. На 1.01.2020 г. численность населения составляет 146748590 человек, и РФ занимает девятое место в мире по данному показателю [3]. Многие страны наблюдают такую демографическую ситуацию, как изменение возрастной структуры населения, вызванное снижением роста рождаемости и увеличением продолжительности жизни, что приводит к уменьшению доли детей и трудоспособного населения, а удельный вес нетрудоспособного населения увеличивается. Это явление часто называют «демографическим старением». По данным Росстата, население России впервые за 15 лет снизилось более чем на 500 тыс. человек за прошедший год [2]. Вице-премьер России Татьяна Голикова назвала это явление «демографическим вызовом». Свое влияние оказала, конечно, пандемия, но тенденция к снижению численности наблюдается уже несколько лет. По прогнозам, сокращение численности населения в этом году составит поч-

ти 352,5 тыс. человек, что в 11 раз превышает прошлогодние показатели. Для преодоления сложившейся ситуации в РФ разработана Концепция демографической политики. Направления деятельности для улучшения демографической ситуации определяют, в частности, факторы, влияющие на рождаемость. Задача данной работы — выделение и определение значимости этих факторов.

Тенденции демографической ситуации. Теория демографического перехода заявила о себе в 30-х годах XX столетия и связана работами А. Ландри [3], в которых сформулирована модель перехода. Эта модель находит подтверждение в работах исследователей отечественных ученых, таких как Н.Б. Баркалов, А.И. Антонов, А.Г. Волков, В.А. Борисов, Л.Е. Дарский. Эта теория определяет три стадии перехода: примитивную (высокая рождаемость и высокая смертность), промежуточную (высокая рождаемость и относительно низкая смертность) и современную (низкая рождаемость и низ-

кая смертность, стабилизация численности населения) [3]. Можно заметить, что Россия находится примерно в третьей стадии перехода, но наблюдается значительное снижение численности населения.

Снижение рождаемости имеет ряд экономических последствий, влияющих на многие социальные процессы. Возросшая доля пенсионеров на фоне снижения рождаемости значительно увеличивает нагрузку на работоспособное население, приводит к перекосам на рынке занятости и даже к колебаниям числа абитуриентов в вузы.

Анализ демографической ситуации с позиции рождаемости в Российской Федерации. В годы перестройки численность населения РФ уменьшалась, а 2009 год стал переломным, уже 2013 и 2014 годы показали рост численности населения. В 2016 году рост составил почти 200 тыс. человек. В настоящее время убыль населения имеет соизмеримые значения. Немалую роль сыграла и «мода» на одного ребенка в семье, хотя раньше считалось абсолютно нормальным иметь в семье 2–3 ребенка.

Правительство РФ принимает различные меры по стабилизации численности населения, среди них такие как выплата материнского капитала и за первого ребенка, его ежегодная индексация, льготная ипотека для молодых семей, рост выплат на несовершеннолетних детей и многое другое. Для прогнозирования

и моделирования выбрана Ростовская область, где наблюдается значительное снижение рождаемости с 2015 года. Так, снижение рождаемости в 2020 году составило более 10 тыс. чел.

Показатель рождаемости в Ростовской области приведен на рисунке 1, на котором заметно значительное снижение показателя с 2016 года.

Анализ факторов влияния на рождаемость и выбор переменных модели. Проанализируем факторы, оказывающие влияние на количество рожденных детей, с помощью эконометрической модели.

Для построения прогнозов демографической ситуации в стране используют различные виды моделей: дискретные, детерминистские макромоделей одного или группы демографических процессов. Особенностью построения моделей этого типа является выбор эндогенных и экзогенных переменных. Так известно, эндогенные переменные формируются в модели, к ним можно отнести такие переменные, как численность населения, число рожденных детей, темпы изменения и т.д. С другой стороны, экзогенные переменные определяются вне модели, по своему характеру они могут быть как демографическими, так и недемографическими, например, социально-психологическими, экономическими и т.п.

Определим состав переменных нашей модели, рассмотрим влияние различных социально-экономических факторов на рост рождае-

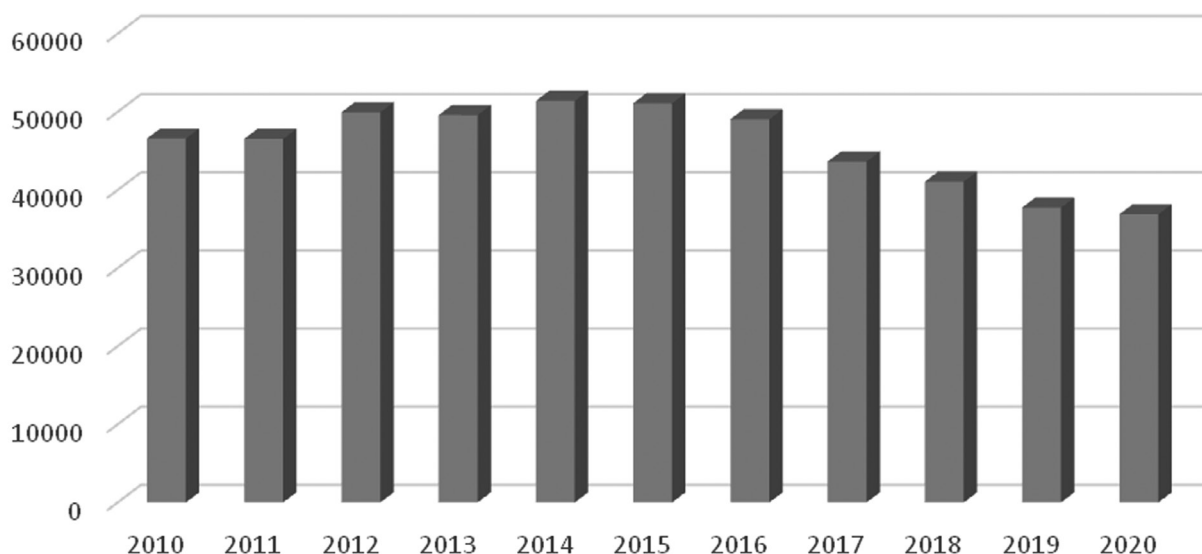

Рис. 1. Рождаемость в Ростовской области 2010–2020 гг.

мости на примере Ростовской области. Попробуем определить влияние таких факторов, как размер материнского капитала и средняя заработная плата за последний период 2010–2020 гг. Данные статистики внесем в таблицу 1.

Для построения модели использовался пакет анализа в MS Excel. Результат расчета $R_{\text{множ}} = 0,706$, что говорит о верном выбо-

ре эндогенных переменных, но влияние размера материнского капитала незначительно, а уровень средней заработной платы дает парадоксальный результат — отрицательное влияние. В настоящее время это демографическое явление можно наблюдать в европейских странах с высоким уровнем жизни, например, Швеции или Дании. По уровню

Таблица 1

Статистические данные по Ростовской области

По годам	Рождаемость, чел.	Ср. зарплата, руб.	Размер мат. капитала, руб. (на 1 ребенка)
2010	46564	16430,6	343378
2011	46519	18535,3	365698
2012	49935	21358,3	387640
2013	49569	24435,5	409026
2014	51392	26679,1	429408
2015	51081	27900,6	451000
2016	49038	30008,1	471000
2017	43614	28499,6	491000
2018	41052	31448,2	453000
2019	37730	33757,1	453026
2020	36867	35699,7	466617

Таблица 2

Расчет уровня рождаемости и оценка модели

По годам	Рождаемость, чел.	Ср. зарплата, руб.	Размер мат. капитала, руб.	Расчетное значение	ε
2010	46564	16430,6	343378	49670,73	–3106,73
2011	46519	18535,3	365698	49329,19	–2810,19
2012	49935	21358,3	387640	48132,77	1802,23
2013	49569	24435,5	409026	46594,82	2974,18
2014	51392	26679,1	429408	45915,76	5476,24
2015	51081	27900,6	451000	46515,21	4565,79
2016	49038	28499,6	471000	47678,27	1359,73
2017	43614	30008,1	491000	47803,08	–4189,08
2018	41052	31448,2	453000	42650,13	–1598,13
2019	37730	33757,1	453026	40016,8	–2286,80
2020	36867	35699,7	466617	39054,25	–2187,25
				$\Sigma \varepsilon =$	0

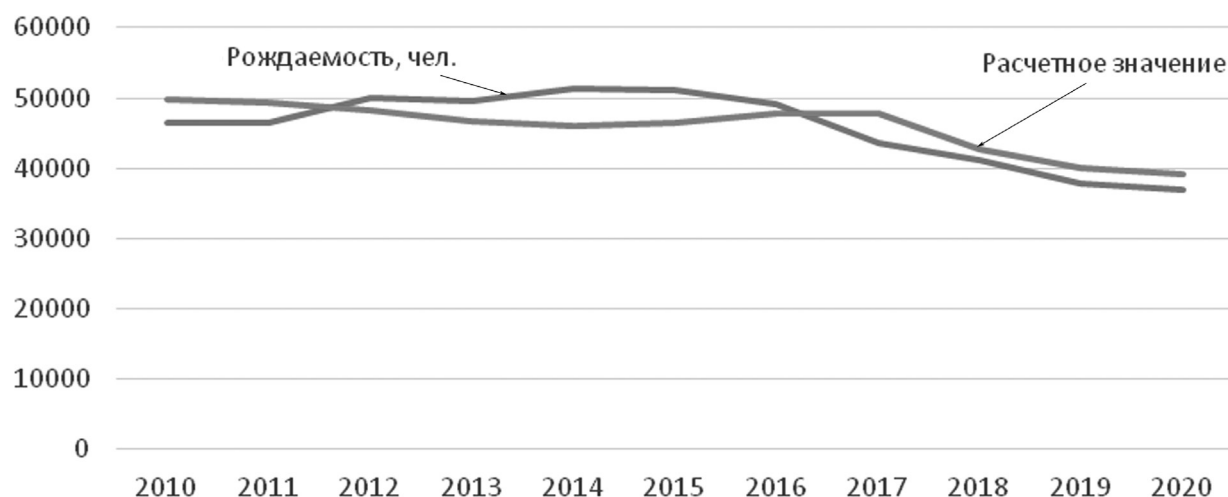

Рис. 2. График соотношения статистических данных и прогнозируемых

жизни Дания занимает лидирующие позиции в мире. Бесплатное медицинское обслуживание определяет высокую продолжительность жизни: женщины живут до 80 лет, мужчины — до 75. Минимальная зарплата составляет 2500 евро в месяц. При перечисленных высоких показателях уровня жизни рождаемость составляет 10,9 чел. на 1000 человек населения, незначительный рост наблюдается только с 2015 года. Аналогичную картину можно наблюдать и в Швеции, где уже в 2020 году лица старше 65 лет должны составить 22% от населения Швеции. В России также наблюдается современная тенденция семей «childfree», молодежь стремится к карьерному росту и не обзаводится детьми, находясь в фертильном возрасте.

Результаты применения данной модели приведены в таблице 2. Данные и результаты расчетов отражены на рисунке 2. На графике видно, что предложенная модель достаточно точно отражает процессы в демографическом исследовании.

Заключение. Подобные модели можно применять для исследования факторов, влияющих на рост рождаемости как в регионе, так и масштабах страны. Трудность исследования заключается в том, что для полноты модели необходимо расширить набор переменных. В данной модели не использованы факторы наличия жилья или ипотеки. Перечисленные факторы носят качественный характер, что приводит к использованию регрессионных мо-

делей, содержащих и качественные объясняющие переменные (модели ANOVA), и модели зависимой фиктивной переменной (модели LPM). Качественные признаки могут существенно влиять на структуру линейных связей и приводить к скачкообразному изменению параметров регрессионной модели. Затруднен также вопрос построения моделей по признаку роста рождаемости за счет увеличения детей в семье или рождения первого ребенка.

Литература

1. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 9 октября 2007 г. №351).
2. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1>.
3. Аракчеева О.В., Кривдина И.Ю. Современная демографическая ситуация в Российской Федерации: региональный аспект // Успехи современного естествознания. — 2020. — №11. — С. 39–40.
4. Чистова Е.В. Подход к определению стадии демографического старения населения на региональном уровне [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55771/1/8udf2_098.pdf.
5. Кабаинова Е.В. Сравнительный анализ демографического старения населения в регионах Российской Федерации // Ученые

записки Российского государственного социального университета. — 2013. — Т. 2. — №6(122). — С. 22–27.

6. Landry A. La Révolution Démographique / A. Landry, A. Girard. — INED, 1982. — 230 p.

7. Доброхлеб В. Г., Барсуков В. Н. Демографические теории и региональный аспект старения населения. Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — №6. — С. 36–55.

8. Кабашиова Е. В. Статистический анализ основных показателей и последствий демографического старения населения в Приволжском федеральном округе // Успехи современной науки и образования. — 2016. — Т. 3. — №7. — С. 79–82.

9. Пухова А. Г., Беляева Т. К., Толкунова С. Г., Курбатова А. С. Влияние демографического фактора на региональный рынок труда [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/regionalnaja-demografija.html>.

10. Сафарова Г. В. Демографические аспекты старения населения России. Отечественные записки. — 2005. — №3.

References

1. Konceptcija demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 9 oktjabrja 2007 g. №351) [The Concept of Demographic Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by Decree of the President of the Russian Federation №351 of October 9, 2007)].

2. Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki [Federal State Statistics Service] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781?print=1>.

3. Arakcheeva O. V., Krivdina I. Ju. Sovremennaja demograficheskaja situacija v Rossijskoj Federacii: regional'nyj aspekt [The current demographic situation in the Russian Federation: a regional aspect] // Uspеhi sovremennogo estestvoznanija [The successes of modern natural science]. — 2020. — №11. — Pp. 39–40.

4. Chistova E. V. Podhod k opredeleniju stadii demograficheskogo starenija naselenija na regional'nom urovne [Approach to determining the stage of demographic aging of the population at the regional level] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55771/1/8udf2_098.pdf.

5. Kabashova E. V. Sravnitel'nyj analiz demograficheskogo starenija naselenija v regionah Rossijskoj Federacii [Comparative analysis of demographic aging of the population in the regions of the Russian Federation] // Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Scientific notes of the Russian State Social University]. — 2013. — Vol. 2. — №6(122). — Pp. 22–27.

6. Landry A. La Révolution Démographique / A. Landry, A. Girard. — INED, 1982. — 230 p.

7. Dobrokhleb V. G., Barsukov V. N. Demograficheskie teorii i regional'nyj aspekt starenija naselenija. Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz [Demographic theories and the regional aspect of population aging. Economic and social changes: facts, trends, forecast]. — 2017. — Vol. 10. — №6. — Pp. 36–55.

8. Kabashova E. V. Statisticheskij analiz osnovnyh pokazatelej i posledstvij demograficheskogo starenija naselenija v Privolzhskom federal'nom okruge [Statistical analysis of the main indicators and consequences of demographic aging of the population in the Volga Federal District] // Uspеhi sovremennoj nauki i obrazovanija [Successes of modern science and education]. — 2016. — Vol. 3. — №7. — Pp. 79–82.

9. Puhova A. G., Beljaeva T. K., Tolkunova S. G., Kurbatova A. S. Vlijanie demograficheskogo faktora na regional'nyj rynok truda [The influence of the demographic factor on the regional labor market] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://voluntary.ru/termin/regionalnaja-demografija.html>.

10. Safarova G. V. Demograficheskie aspekty starenija naselenija Rossii. Otechestvennye zapiski [Demographic aspects of the aging of the Russian population. Domestic notes]. — 2005. — №3.

Плеханова Татьяна Георгиевна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Plekhanova Tatyana Georgievna — Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346504, г. Шахты, ул. Рылеева, 43б, кв. 13
43b Ryleeva st., app. 13, 346504, Shakhty, Russia
E-mail: ptgep@mail.ru

Жукова Ирина Борисовна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика и управление» Шахтинского автодорожного института (филиала) Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Zhukova Irina Borisovna — Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economics and management, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346500, г. Шахты, пер. Луговой, 12
12 Lugovoy st., app. 13, 346500, Shakhty, Russia
E-mail: zlynx@yandex.ru

Плеханова Елизавета Валерьевна — доцент, кандидат химических наук, доцент кафедры «Химия» Донского государственного технического университета.

Plekhanova Elizaveta Valeryevna — Associate Professor, Candidate of Chemical Sciences, Associate Professor of the Department of Chemistry, Don State Technical University.

344403, г. Ростов-на-Дону, пер. Машиностроительный, 5, кв. 46
12 Mashinostroitelny ln., app.46, 344403, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: plekhanova.elizaveta@yandex.ru

УДК 338.025

ББК 65.29

10.17213/2075-2067-2021-4-172-180

ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

© 2021 г. *Е. В. Рожков**Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия*

Целью исследования является выявление перспектив внедрения цифровых технологий на уровне региона.

Методологическую базу исследования представляют цифровые критерии, создающие технологическую основу для цифровизации сектора государственного управления. Оценки уровня цифровизации управления связаны со следующими элементами: определение стартовых понятий информации, цифровизации и цифровой трансформации государственного управления; определение требований к поиску правовых ограничений и возможностей цифровизации госуправления.

Результаты исследования. Одним из основных явлений внедрения цифровых технологий является сглаживание имеющихся неравенств в виде доступности интернета в региональной столице по сравнению с периферией (небольшие населенные пункты на границе региона, в основном расположенные в местностях, окруженной лесами).

Перспективу исследования составляет анализ предложенных региональными органами власти привилегий для бизнеса, желающего заниматься IT-экономикой, и возможности положительных последствий от привлечения инвестиций в IT-сектор.

Ключевые слова: цифровизация; регион; экономика; инвестиции; реализация; проекты.

DIGITAL ADOPTION AT THE REGIONAL LEVEL

© 2021 *E. V. Rozhkov**Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia*

The aim of the study is to identify the prospects for the introduction of digital technologies at the regional level.

The methodological basis of the study is presented by digital criteria that create a technological basis for digitalization of the public administration sector. Estimates of the level of digitalization of management are associated with the following elements: definition of starting concepts of information, digitalization and digital transformation of public administration; identification of requirements for finding legal restrictions and opportunities for digitalization of public administration.

The results of the study. One of the main phenomena of the introduction of digital technologies is the smoothing of existing inequalities in the form of Internet accessibility in the regional capital compared to the periphery (not large settlements on the border of the region, mainly located in an area surrounded by forests).

The perspective of the study is an analysis of the privileges proposed by regional authorities for businesses wishing to engage in the IT economy and the possibility of positive consequences from attracting investments in the IT sector.

Key words: digitalization; region; economy; investments; implementation; projects.

Введение. Затраты на реализацию мероприятий федерального проекта «Цифровой регион», который включен в национальную программу «Цифровая экономика», составят 247,5 млрд. руб. (до 2024 года). Из этой суммы бюджеты регионов составляют 177,3 млрд. руб.

Развитие потенциала реального сектора возможно в результате реализации передовых достижений шестого технологического уклада и концепции «Индустрия 4.0», соответствующих технологическим, экономическим и геополитическим угрозам и вызовам [16], а современное развитие экономики многие ученые называют этапом трансформации [30].

Необходимо отметить, что в достаточно большом количестве работ по теме цифровизации авторы говорят о различиях в доходах на распространение ИКТ [1–5, 8].

Теоретико-методологическая актуальность статьи заключается в выявлении экономической необходимости внедрения цифровых технологий на уровне региона во всех сферах деятельности.

Цель статьи — выявить новые связи между малым и средним бизнесом и органами власти по внедрению цифровизации в регионе.

Сегодня цифровые технологии широко используются в зарубежных странах. Так, например, в Германии применение их в государственно-управленческой сфере показывает, что использование программного обеспечения и автоматизированных информационных систем способствует сокращению государственных расходов, увеличивает скорость предоставления услуг населению и т.д. [6, 7, 9]; в Великобритании при формировании государственной политики используется платформа «Predictive», способная проводить эксперименты в режиме реального времени, и т.д. [10].

Стратегией развития информационного общества в России до 2030 года предложен комплекс мер, направленных на развитие цифрового общества в России [20].

В России цели, которые поставлены перед Правительством по развитию экономики, направлены на инновационную модель развития и реализацию единой государственной информационной политики с необходимостью создания соответствующего инновационного климата и инновационной инфраструктурной системы [28].

Соответственно, о развитии цифровой экономики все больше стали говорить не только на государственном, но и на региональном уровне. Цифровая экономика — новый тип экономики, основанный на современных информационно-коммуникационных технологиях и современной информационной сети как носителе для реализации производства, обмена и потребления ресурсов через информационную сеть [31].

Обзор научно-исследовательской литературы. Внедрение цифровых технологий в экономике изучалось как зарубежными авторами (M. Billon, K. Bagchi, M.D. Chinn, S. Dasgupta), так и российскими: М.А. Жуковой, Н.Х. Норалиевым, А.С. Сибиряевым, Е.А. Полиной и другими.

Можно считать, что к объектам цифровизации экономисты относят продукты, создающиеся на основе использования цифровых технологий, и процессы, базирующиеся на использовании цифровых технологий [18]. Функционирование систем в реальном времени будет обеспечиваться за счет подключенности с опорой на «данные». В производственно-сбытовых цепочках будет гарантироваться прослеживаемость и координация создания оптимальной модели управления [21, 25].

М.Н. Калина и М.М. Куликов определили, что наиболее распространенными ИТ-технологиями являются использование промышленных роботов (44,5% организаций), применение технологии компьютерного инжиниринга (41,1% предприятий), а также цифровой сбор, обработка и анализ больших массивов данных (36% предприятий) [19].

По мнению А. А. Урасовой и Д. А. Баландина, одним из актуальных вопросов управления отраслями экономики для регионов на сегодняшний день является выделение задач по нахождению точек роста и изыскания резервов для интенсивного развития [29].

В. Л. Симонова и другие считают, что цифровая трансформация бизнеса — это полное внедрение цифровых технологий в их деятельность. И цифровизация бизнеса показывает, что развивающиеся цифровые компании сосредоточены на интеграции цифровых технологий [27].

А. Ю. Веретенникова и К. М. Козинская выявили, что развитие социального предпринимательства тесно связано с ускорением социально-экономических и технологических процессов, вызванных повышением скорости обмена данными и цифровой трансформацией в целом [12].

Изменение информационного пространства в виде феномена цифровой экономики способствует формированию новой инфраструктуры [11].

Методология исследования. Методический подход по проведению процедуры оценивания реализации цифровых технологий в регионе содержит следующие этапы:

1) оценка сопряженности и согласованности между количественными показателями стратегических целей, приоритетов, задач и параметров государственных программ, т.е. качества цифровизации процессов исполнения;

2) оценка сбалансированности долгосрочных и среднесрочных приоритетов по критерию сохранения преемственности в «коридоре» стратегических индикаторов [15].

В основу методики должны одновременно закладываться как цифровые критерии, создающие технологическую основу для цифровизации сектора государственного управления, так и нецифровые, которые формируют оптимальные основы для цифровизации государственного управления [26].

Выявляемые ограничения при оценке уровня цифровизации управления связаны со следующими элементами: определение стартовых понятий информации, цифровизации и т.д. [32].

Результаты исследования. Инновационное развитие регионов — это приоритетная задача формирования конкурентоспособной и устойчивой экономики, для реализации которой разработаны такие государственные программы, как новое качество жизни, инновационное развитие и т.д. [22].

Так, например, в Пермском крае под руководством региона была разработана и утверждена Концепция развития цифровой экономики (далее — Концепция развития), в соответствии с которой вплоть до 2024 года должны произойти существенные изменения в IT-отрасли (табл. 1).

Как видно по данным, представленным в таблице 1, доля IT-сектора в региональной экономике должна увеличиться в 2 раза, а численность сотрудников, работающих в компаниях в области информации и связи, — увеличиться на 6000 человек, что составит рост на 37,5% от уже работающих 16000 сотрудников.

Кроме того, в 2021 году между руководством региона и ПАО «МегаФон» было подписано Положение, предусматривающее совместную реализацию проектов по развитию цифровых сервисов и телеком-инфраструк-

Таблица 1

Концепция развития цифровой экономики Пермского края

№	Целевой показатель	Источник	Год	
			2017	2024
1	Доля IT-сектора в экономике	В области информации и связи к показателю «Отгружено товаров собственного производства, выполнено работ и услуг собственными силами»	2,1	4
2	Численность занятых в IT-секторе	Численность сотрудников в организациях в области информации и связи	16000	22000

туры в рамках национальной программы «Цифровая экономика». Также Положение предусматривает цикл мероприятий, направленных на рост скорости доступа пользователей к электронным государственным ресурсам и муниципальным услугам. Особенно это важно во времена объявления ограничений передвижения при инфекционных заболеваниях населения (COVID-19), кроме того, это сглаживает имеющиеся неравенства в виде доступности интернета в региональной столице по сравнению с периферией (небольшие населенные пункты на границе региона, в основном расположенные в местности, окруженной лесами).

Обсуждение результатов исследования.

В настоящее время в нашей стране утверждена упрощенная процедура регистрации IT-компаний, позволяющая малому и среднему бизнесу войти в IT-сектор экономики и занять имеющуюся «нишу» по реализации современных потребностей общества и государства в своем развитии. На уровне Пермского края, например, Концепцией развития для этого предусмотрены налоговые льготы для компаний IT-отрасли (1,1% — налог на имущество и 0% — налог для собственников имущества IT-технопарка), что способствует привлечению инвесторов в новый, развивающийся сектор экономики, а это вполне может соответствовать стремлению развития страны в целях инновационной политики [13].

Также необходимо учитывать, что внедрение цифровых технологий способствует ускорению инновационных процессов [14]. Особенно это заметно на муниципальном уровне. Достаточно лишь небольшого увеличения расходной части бюджета на цифровые технологии и на муниципальном уровне, уже можно будет максимально реализовать интеграцию и централизацию обработки информации и принятия управленческих решений на основе единой платформы с учётом использования координирующего механизма рынка, повышения экономической эффективности объекта инфраструктуры [17].

Также следует отметить, что до 2024 года необходимо решить следующие задачи: формирование информационной инфраструктуры, увеличение рабочих мощностей серверного оборудования и объемов систем хра-

нения данных. В результате работы проекта «Умный город» в муниципальных образованиях должна создаваться актуальная информация для обеспечения управления муниципальной собственностью [23].

Кроме того, необходимо разработать и модернизировать цифровую инфраструктуру, внедрить цифровые практики во всех ключевых сферах экономики, трансформировать систему мониторинга цифровизации социально-экономических процессов на уровне региона [24].

Заключение. Количество информации, которую необходимо переработать для выработки эффективных управленческих решений, настолько велико, что оно давно превысило человеческие возможности. Именно трудности управления объемом информации обусловили широкое использование электронно-вычислительной техники, разработку автоматизированных систем управления, что потребовало создания нового математического аппарата и экономико-математических методов.

Внедрение цифровых технологий в повседневную жизнь людей ощущается как необходимость, и наблюдение за их внедрением вполне осуществимо в условиях четкого и постоянного контроля со стороны региональных органов власти, а также при соответствующем финансировании как из регионального бюджета, так и из федерального.

Литература

1. Bagchi K. Factors contributing to Global Digital Divide: Some empirical results // *Journal of Global Information Technology Management*. — 2005. — №8 (3). — Pp. 47–65.
2. Billon M., Marco R., Lera-Lopez F. Disparities in ICT adoption: A multidimensional approach to study the cross-country digital // *Telecommunications Policy*. — 2019. — №33(10–11). — Pp. 596–610.
3. Chinn M. D., Fairlie R. W. The Determinants of the Global Digital Divide: A Cross-Country Analysis of Computer and Internet Penetration // *Oxford Economic Papers. New Series*. — 2007. — Vol. 59. — №1. — Pp. 16–44.
4. Dasgupta S., Lall S., Wheeler D. Policy Reform, Economic Growth and the Digital Di-

vide: An Econometric Analysis // Policy Research Working Paper №2567 // Washington: The World Bank Development Research Group infrastructure and Environment. — 2001. — 24 p.

5. *Emrouznejad A., Cabanda E., Gholami R.* An alternative measure of the ICT-Opportunity Index // Information and Management. — 2010. — №47 (4). — Pp. 246–254.

6. *Hunnius S.* Stand und Perspektiven der Digitalisierung der Verwaltung // Digitale Transformation der Verwaltung. Empfehlungen für eine desamtstaatliche Strategie. — Gutersloh: Bertelsmann. Stiftung, 2017. — Pp. 12–16.

7. *Martini M.* Digitalisierung als Herausforderung und Chance für Staat und Verwaltung. Forschungskonzept des Programmbereichs «Transformation des Staates in Zeiten der Digitalisierung». — Speyer, 2016. — 119 p.

8. *Pohjola M.* The adoption and diffusion of ICT across countries: Patterns and determinants // The New Economy Handbook. — San Diego: Academic Press, 2003. — Pp. 77–100.

9. *Stocksmeier D.* Potenziale der digitalen Transformation für die deutsche Verwaltung // Digitale Transformation der Verwaltung. Empfehlungen für eine desamtstaatliche Strategie. — Gutersloh: Bertelsmann Stiftung, 2017. — Pp. 10–11.

10. *Айснер Л. Ю., Наумов О. Д.* Использование цифровых технологий при планировании, мониторинге и оценке государственного управления: анализ зарубежной практики // II Международная межвузовская научно-практическая конференция «Высокотехнологичное право: генезис и перспективы». — Красноярск, 2021. — С. 12–15.

11. *Архипова М. Ю., Сиротин В. П.* Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. — 2019. — Т. 15. — Вып. 3. — С. 670–683.

12. *Веретенникова А. Ю., Козинская К. М.* Влияние цифровой трансформации неформальной институциональной среды на социальное предпринимательство с учетом концепции жизненного цикла // Журнал экономической теории. — 2020. — Т. 17. — №4. — С. 932–943.

13. *Гармаева Е. Р.* Развитие инновационной инфраструктуры Санкт-Петербурга в условиях цифровизации // Цифровая экономика, умные инновации и технологии: сборник

трудов национальной (Всероссийской) науч.-практ. конф. с зарубежным участием. — 2021. — С. 185–187.

14. *Гретченко А. А., Деменко О. Г., Савина Н. П.* Оценка готовности экономики России к внедрению цифровых технологий // Плехановский научный бюллетень. — 2018. — №2 (14). — С. 14–20.

15. *Данилова И. В., Савельева И. П., Лапо А. С.* Оценка стратегической социально-экономической политики региона: методический подход // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. — 2019. — Т. 13. — №2. — С. 17–27.

16. *Дорошенко Ю. А., Малыхина И. О., Сомина И. В.* Инновационное развитие региона в условиях современных трендов неоиндустриализации // Экономика региона. — 2020. — Т. 16. — Вып. 4. — С. 1318–1334.

17. *Дубровский В. Ж., Орлова Т. С., Ярошевич Н. Ю.* Формирование конкурентной среды в инфраструктурных отраслях с естественно-монопольной компонентой // Управление. — 2014. — №6 (52). — С. 30–33.

18. *Жукова М. А.* Цифровые технологии и платформы как инструмент цифровой трансформации // Финансовый вестник. — 2018. — №4 (43). — С. 84–88.

19. *Калина А. М., Куликов М. М.* Перспективы использования цифровых технологий на промышленных предприятиях Ростовской области // Вестник ЮРГТУ (НПИ). — 2021. — №1. — С. 140–149.

20. *Миронова О. В., Гладких С. Д., Канавин Е. А.* Проблемы нормативного регулирования цифровой экономики и перспективы его развития в России // Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы российской экономики на современном этапе». — М., 2019. — С. 150–156.

21. *Норалиев Н. Х., Юсупова Ф. Э.* Цифровые технологии в сельском хозяйстве // Вопросы науки и образования. — 2020. — №8 (92). — С. 4–10.

22. *Полина Е. А., Соловьева И. А.* Инструментарий комплексного анализа инновационного развития региона // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. — 2020. — Т. 14. — №2. — С. 37–45.

23. *Рожков Е. В., Дубровский В. Ж.* Роль и задачи цифровизации управления муниципальной собственностью // Урал — Драй-

вер неоиндустриального и индустриального развития России. Материалы II Уральского экономического форума (Екатеринбург, 21–22 октября 2020 г.). — УрГЭУ, 2020. — С. 116–122.

24. Свиридова В.В. Мониторинг внедрения цифровых технологий в экономическую и социальную сферы регионов // *Modern Science*. — 2020. — №8–2. — С. 316–320.

25. Сибиряев А.С., Зазимко В.Л., Додов Р.Х. Цифровая трансформация и цифровые платформы в сельском хозяйстве // *Вестник НГИ-ЭИ*. — 2020. — №12 (115). — С. 96–108.

26. Сидоренко Э.Л., Барцц И.Н., Хисамова З.И. Эффективность цифрового государственного управления: теоретические и прикладные аспекты // *Вопросы государственного и муниципального управления*. — 2019. — №2. — С. 93–114.

27. Симонова В.Л., Одинаматов А.А., Протыняк Р.Р. Тренды цифровой трансформации бизнеса в условиях долевой экономики // *Журнал экономической теории*. — 2020. — Т. 17. — №2. — С. 514–518.

28. Уланова О.И. Инновации как приоритетный элемент развития экономики России // VI Международная научно-практическая конференция «Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами». — Пенза, 2021. — С. 230–234.

29. Урасова А.А., Баландин Д.А. Теоретические и практические аспекты пространственно-отраслевого развития региона в условиях цифровизации // *Вестник Астраханского государственного технического университета. Серия: Экономика*. — 2021. — №1. — С. 32–39. — DOI: 10.24143/2073-5537-2021-1-32-39.

30. Чарыкова О.Г., Маркова Е.С. Региональная кластеризация в цифровой экономике // *Экономика региона*. — 2019. — Т. 15. — Вып. 2. — С. 409–419.

31. Чэнь Л. Проблемы и тенденции развития цифровой экономики // *Цифровая экономика, умные инновации и технологии: сборник трудов Национальной (Всероссийской) науч.-практ. конф. с зарубежным участием*. — Санкт-Петербург, 2021. — С. 108–111.

32. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Ефремов А.А. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // *Вестник*

РУДН. Серия: Политология. — 2018. — №3. — С. 235–237.

References

1. Bagchi K. Factors contributing to Global Digital Divide: Some empirical results // *Journal of Global information Technology Management*. — 2005. — №8 (3). — Pp. 47–65.

2. Billon M., Marco R., Lera-Lopez F. Disparities in ICT adoption: A multidimensional approach to study the cross-country digital // *Telecommunications Policy*. — 2019. — №33 (10–11). — Pp. 596–610.

3. Chinn M.D., Fairlie R.W. The Determinants of the Global Digital Divide: A Cross-Country Analysis of Computer and Internet Penetration // *Oxford Economic Papers. New Series*. — 2007. — Vol. 59. — №1. — Pp. 16–44.

4. Dasgupta S., Lall S., Wheeler D. Policy Reform, Economic Growth and the Digital Divide: An Econometric Analysis // *Policy Research Working Paper №2567* // Washington: The World Bank Development Research Group infrastructure and Environment. — 2001. — 24 p.

5. Emrouznejad A., Cabanda E., Gholami R. An alternative measure of the ICT-Opportunity Index // *Information and Management*. — 2010. — №47 (4). — Pp. 246–254.

6. Hunnius S. Stand und Perspektiven der Digitalisierung der Verwaltung // *Digitale Transformation der Verwaltung. Empfehlungen für eine desamtstaatliche Strategie*. — Gutersloh: Bertelsmann. Stiftung, 2017. — Pp. 12–16.

7. Martini M. Digitalisierung als Herausforderung und Chance für Staat und Verwaltung. Forschungskonzept des Programmbereichs «Transformation des Staates in Zeiten der Digitalisierung». — Speyer, 2016. — 119 p.

8. Pohjola M. The adoption and diffusion of ICT across countries: Patterns and determinants // *The New Economy Handbook*. — San Diego: Academic Press, 2003. — Pp. 77–100.

9. Stocksmeier D. Potenziale der digitalen Transformation für die deutsche Verwaltung // *Digitale Transformation der Verwaltung. Empfehlungen für eine desamtstaatliche Strategie*. — Gutersloh: Bertelsmann Stiftung, 2017. — Pp. 10–11.

10. Ajsner L. Ju., Naumov O. D. Ispol'zovanie cifrovyyh tehnologij pri planirovanii, monitoringe i ocenke gosudarstvennogo upravlenija: analiz

zarubezhnoj praktiki [The use of digital technologies in planning, monitoring and evaluation of public administration: an analysis of foreign practice] // II Mezhdunarodnaja mezhvuzovskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Vysokotekhnologichnoe pravo: genezis i perspektivy» [III International interuniversity scientific and practical conference «High-tech law: genesis and prospects»]. — Krasnojarsk, 2021. — Pp. 12–15.

11. *Arhipova M. Ju., Sirotin V.P.* Regional'nye aspekty razvitiya informacionno-kommunikacionnyh i cifrovyyh tehnologij v Rossii [Regional aspects of the development of information and communication and digital technologies in Russia] // *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. — 2019. — Vol. 15. — Issue 3. — Pp. 670–683.

12. *Veretennikova A. Ju., Kozinskaja K.M.* Vlijanie cifrovoj transformacii neformal'noj institucional'noj sredy na social'noe predprinimatel'stvo s uchetom koncepcii zhiznennogo cikla [The influence of the digital transformation of the informal institutional environment on social entrepreneurship taking into account the concept of the life cycle] // *Zhurnal jekonomichejskoj teorii* [Journal of Economic Theory]. — 2020. — Vol. 17. — №4. — Pp. 932–943.

13. *Garmaeva E.R.* Razvitie innovacionnoj infrastruktury Sankt-Peterburga v uslovijah cifrovizacii [Development of the innovative infrastructure of St. Petersburg in the conditions of digitalization] // *Cifrovaja jekonomika, umnye innovacii i tehnologii: sbornik trudov nacional'noj (Vserossijskoj) nauch.-prakt. konf. s zarubezhnym uchastiem* [Digital economy, smart innovations and technologies: proceedings of the national (All-Russian) scientific and practical conference with foreign participation]. — 2021. — Pp. 185–187.

14. *Gretchenko A.A., Demenko O.G., Savina N.P.* Ocenka gotovnosti jekonomiki Rossii k vnedreniju cifrovyyh tehnologij [Assessment of the readiness of the Russian economy for the introduction of digital technologies] // *Plehanovskij nauchnyj bjulleten'* [Plekhanov Scientific Bulletin]. — 2018. — №2 (14). — Pp. 14–20.

15. *Danilova I.V., Savel'eva I.P., Lapo A.S.* Ocenka strategicheskoy social'no-jekonomichejskoj politiki regiona: metodicheskij podhod [Evaluation of the strategic socio-economic policy of the region: a methodological approach] // *Vestnik JuUrGU. Serija: Jekonomika i menedzh-*

ment [Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management]. — 2019. — Vol. 13. — №2. — Pp. 17–27.

16. *Doroshenko Ju. A., Malyhina I.O., Somina I.V.* Innovacionnoe razvitie regiona v uslovijah sovremennyh trendov neoindustrializacii [Innovative development of the region in the conditions of modern trends of neo-industrialization] // *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. — 2020. — Vol. 16. — Issue 4. — Pp. 1318–1334.

17. *Dubrovskij V. Zh., Orlova T.S., Jaroshevich N. Ju.* Formirovanie konkurentnoj sredy v infrastrukturyh otrasljah s estestvenno-monopol'noj komponentoj [Creating a specific environment in infrastructure industries with natural monopoly component] // *Upravlenec* [Manager]. — 2014. — №6 (52). — Pp. 30–33.

18. *Zhukova M.A.* Cifrovye tehnologii i platformy kak instrument cifrovoj transformacii [Digital technologies and platform as a tool for digital transformation] // *Finansovyj vestnik* [The Financial Gazette]. — 2018. — №4 (43). — Pp. 84–88.

19. *Kalina A.M., Kulikov M.M.* Perspektivy ispol'zovaniya cifrovyyh tehnologij na promyshlennyh predpriyatijah Rostovskoj oblasti [Prospects for the use of digital technologies in industrial enterprises of the Rostov region] // *Vestnik JuRGTU (NPI)* [Bulletin of the SRSPU (NPI)]. — 2021. — №1. — Pp. 140–149.

20. *Mironova O.V., Gladkih S.D., Kanavnin E.A.* Problemy normativnogo regulirovaniya cifrovoj jekonomiki i perspektivy ego razvitiya v Rossii [Problems of regulation of the digital economy and the prospects of its development in Russia] // *Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Problemy rossijskoj jekonomiki na sovremennom jetape»* [All-Russian scientific-practical conference «Problems of the Russian economy at the present stage»]. — Moscow, 2019. — Pp. 150–156.

21. *Noraliev N.H., Jusupova F. Je.* Cifrovye tehnologii v sel'skom hozjajstve [Digital technology in agriculture] // *Voprosy nauki i obrazovaniya* [Issues of science and education]. — 2020. — №8 (92). — Pp. 4–10.

22. *Polina E.A., Solov'eva I.A.* Instrumentarij kompleksnogo analiza innovacionnogo razvitiya regiona [Tools for complex analysis of innovative development of the region] // *Vestnik JuUrGU. Serija: Jekonomika i menedzh-*

ment [Bulletin of SUSU. Series: Economics and Management]. — 2020. — Vol. 14. — №2. — Pp. 37–45.

23. Rozhkov E. V. Dubrovskij V. Zh. Rol' i zadachi cifrovizacii upravlenija municipal'noj sobstvennost'ju [The role and tasks of digitalization of municipal property management] // Ural — Drajver neoindustrial'nogo i industrial'nogo razvitija Rossii. Materialy II Ural'skogo jekonomicheskogo foruma (Ekaterinburg, 21–22 oktjabrja 2020 g.) [Ural — Driver of neo-industrial and industrial development of Russia. Materials of the II Ural Economic Forum (Yekaterinburg, October 21–22, 2020)]. — UrGJeU, 2020. — Pp. 116–122.

24. Sviridova V. V. Monitoring vnedrenija cifrovych tehnologij v jekonomicheskiju i social'nuju sfery regionov [Monitoring the introduction of digital technologies in the economic and social spheres of the regions] // Modern Science. — 2020. — №8–2. — Pp. 316–320.

25. Sibirjaev A. S., Zazimko V. L., Dodov R. H. Cifrovaja transformacija i cifrovye platformy v sel'skom hozjajstve [Digital transformation and digital platforms in agriculture] // Vestnik NGI-JeI. — 2020. — №12 (115). — Pp. 96–108.

26. Sidorenko Je. L., Barcic I. N., Hisamova Z. I. Jeffektivnost' cifrovogo gosudarstvennogo upravlenija: teoreticheskie i prikladnye aspekty [The effectiveness of digital public administration: theoretical and applied aspects] // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravlenija [Issues of state and municipal management]. — 2019. — №2. — Pp. 93–114.

27. Simonova V. L., Odinatov A. A., Protnjak R. R. Trendy cifrovoj transformacii biznesa v uslovijah dolevoj jekonomiki [Trends of digital transformation of business in the conditions of shared economy] // Zhurnal jekonomicheskoy teorii [Journal of Economic Theory]. — 2020. — Vol. 17. — №2. — Pp. 514–518.

28. Ulanova O. I. Innovacii kak prioritetyj jelement razvitija jekonomiki Rossii [Innovations as a priority element of the development of the Russian economy] // VI Mezhdunar-

odnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Formirovanie konkurentnoj sredy, konkurent-osposobnost' i strategicheskoe upravlenie predpriyatijami, organizacijami i regionami» [VI International Scientific and practical Conference «Formation of a competitive environment, competitiveness and strategic management of enterprises, organizations and regions»]. — Penza, 2021. — Pp. 230–234.

29. Urasova A. A., Balandin D. A. Teoreticheskie i prakticheskie aspekty prostranstvenno-otraslevogo razvitija regiona v uslovijah cifrovizacii [Theoretical and practical aspects of the spatial and sectoral development of the region in the conditions of digitalization] // Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Jekonomika [Bulletin of the Astrakhan State Technical University. Series: Economics]. — 2021. — №1. — Pp. 32–39. — DOI: 10.24143/2073-5537-2021-1-32-39.

30. Charykova O. G., Markova E. S. Regional'naja klasterizacija v cifrovoj jekonomike [Regional clustering in the digital economy] // Jekonomika regiona [The economy of the region]. — 2019. — Vol. 15. — Issue2. — Pp. 409–419.

31. Chjen' L. Problemy i tendencii razvitija cifrovoj jekonomiki [Problems and trends in the development of the digital economy] // Cifrovaja jekonomika, umnye innovacii i tehnologii: sbornik trudov Nacional'noj (Vserossijskoj) nauch.-prakt. konf. s zarubezhnym uchastiem [Digital economy, smart innovations and technologies: proceedings of the National (All-Russian) Scientific and Practical Conference with foreign participation]. — Saint Petersburg, 2021. — Pp. 108–111.

32. Juzhakov V. N., Talapina Je. V., Efremov A. A. Pravovye ogranichenija dlja ispol'zovanija proryvnyh cifrovych tehnologij v gosudarstvennom upravlenii [Legal restrictions for the use of breakthrough digital technologies in public administration] // Vestnik RUDN. Serija: Politologija [Vestnik RUDN. Series: Political Science]. — 2018. — №3. — Pp. 235–237.

Рожков Евгений Викторович — аспирант кафедры Экономики предприятий Уральского государственного экономического университета.

Rozhkov Evgeny Viktorovich — Postgraduate Student of the Department of Enterprise Economics, Ural State University of Economics.

620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45
62/45, 8 Marta / Narodnoy Voli st., 620144, Ekaterinburg, Russia
E-mail: erozhkov00@bk.ru

УДК 332.02

10.17213/2075-2067-2021-4-181-187

ОРГАНИЗАЦИОННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОНТРОЛЛИНГА КАК МЕТОДА РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

© 2021 г. В. Ф. Савчук, Е. В. Романенко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия*

Цель исследования. Представить органическое соединение организационных экономических основ контроллинга, информационно-ресурсное взаимодействие элементов системы контроллинга в промышленных организациях как метод регулирования природопользования.

Методологической основой исследования организационно-экономических основ контроллинга природопользования является диалектический материализм — всеобщая теория познания объективного мира. Диалектический метод означает, что взаимодействие общества и природы рассматривается с точки зрения их всеобщей связи, перехода количественных изменений в качественное, раскрытия внутренних противоречий. Подход к изучаемым явлениям и исторически рассматривает их в движении, изменении и развитии.

Результаты исследования: закономерный метод регулирования природопользования.

Ключевые слова: эффекты природопользования; производственная инфраструктура; конкурентоспособная перспектива; лимиты использования природных ресурсов; энергосберегающие проекты; ресурсосберегающие технологии; воспроизводство природных ресурсов; научно-технический потенциал общества.

ORGANIZATIONAL AND ECONOMIC BASES OF CONTROLLING AS A METHOD OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT REGULATION

© 2021 V. F. Savchuk, E. V. Romanenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

The purpose of the study. To present the organic connection of the organizational and economic foundations of controlling, the information and resource interaction of the elements of the controlling system in industrial organizations as a method of regulating environmental management.

The methodological basis for the study of the organizational and economic foundations of controlling nature management is dialectical materialism — a universal theory of knowledge of the objective world. The dialectical method means that the interaction of society and nature is considered from the point of view of their universal connection, the transition of quantitative changes to qualitative changes, the disclosure of internal contradictions. Approaches the phenomena under study and historically considers them in motion, change, and development.

The results of the study: natural resource management regulation method.

Key words: *environmental management effects; production infrastructure; competitive perspective; limits of natural resources use; energy-saving projects; resource-saving technologies; natural resources reproduction; scientific and technical potential of the society.*

Введение. Новый характер государственного воздействия на ускорение научно-технического прогресса отмечает возрастающую роль не директивных рычагов влияния на экономику, а контролирующих и регулирующих функций государства, направленных на стимулирование решения важнейших с точки зрения перспективы научно-технических задач и сдерживания тех действий, которые могут иметь нежелательные эффекты природопользования. Методы косвенного воздействия, осуществляемые через налоговую, кредитно-финансовую, амортизационную, внешнеэкономическую политику, должны реализоваться в трех основных формах: субсидии, контракты, индивидуальные соглашения.

Становятся эффективными специальные меры поощрения, которые прямо направлены на стимулирование с помощью налоговых или других законодательных льгот тех или иных фирм и организаций. К указанным мерам поощрения можно отнести гарантии государства по финансированию рискованных проектов, стимулирование конкретных исследований с внешними фирмами, льготы на капитальные вложения для реализации отдельных энергосберегающих проектов, ускоренную амортизацию оборудования природоохранного назначения и др.

В РФ наибольшее значение приобретают следующие направления научно-технического прогресса:

- поддержание и обновление материально-технической базы отраслей социальной и производственной инфраструктуры;

- сохранение ресурсного потенциала, повышение эффективности его создания и использования;

- решение глобальных вопросов контроля природоохранными мероприятиями по выживанию общества и реализации инвестиционных проектов в региональном природопользовании;

- прогнозирование отдельных последствий внедрения достижений научно-технического прогресса;

- поддержание и стимулирование тех исследований, которые обещают конкурентоспособную перспективу;

- насыщение рынка товарами, основой которых являются отечественные достижения;

- реализация политики рационального использования природных и трудовых ресурсов;

- меры законодательного характера, касающиеся возрастающей роли государственного регулирования рыночной системы отношений в обществе.

Основная причина неэффективного применения природного потенциала во многом сводится к отсутствию научно обоснованной экономической оценки и определения ценности каждого вида природных ресурсов.

Несовершенство механизма экономики природопользования явилось «аргументом» для массовой закупки импортного малоотходного прогрессивного оборудования. Ввоз техники и технологии из-за рубежа не сдвинул научно-технический прогресс в российском народно-хозяйственном комплексе по причине неумелого обращения (низкого качества рабочей силы) и отсутствия материальной и социальной заинтересованности в ее рациональном применении.

Цели развития российского общества должны соответствовать критериям эффективного природопользования, что требует принципиально новых методологических разработок методики оценки «фонда» прошлого загрязнения, текущего ущерба природопользования и величины расходов на оптимальное воспроизводство использованных элементов окружающей среды.

Прежде всего, следует выяснить направления, источники и характер мероприятий, направленных на цели природопользования. Изучив источники, направления, структуру затрат по их формированию, логично перейти к рассмотрению вопросов эффективности и результативности природоохранных средств. Соотношение затрат с результатами может дать общую картину эффективности природоохранной деятельности в каких-то количественных и качественных показателях.

В законе Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды» [7] указываются основные задачи экономического механизма природопользования, а именно:

— планирование и финансирование природоохранных мероприятий;

— установление лимитов использования природных ресурсов, выбросов и сбросов загрязняющих веществ в окружающую среду и размещение отходов;

— установление нормативов платы и размеров платежей за использование природных ресурсов, выбросы и сбросы загрязняющих веществ в окружающую природную среду, размещение отходов и другие виды веществ вредного воздействия;

— предоставление предприятиям, учреждениям и организациям, а также гражданам налоговых, кредитных и иных льгот при внедрении ими малоотходных и ресурсосберегающих технологий и нетрадиционных видов энергии, осуществление других эффективных мер по контроллингу программ природопользования;

— возмещение в установленном порядке вреда, причиненного природным ресурсам и здоровью человека.

По мере ускорения научно-технического прогресса во всем мире стал наблюдаться рост технологического и социального отчуждения человека. Негативные последствия НТП и НТР можно объединить в две проблемы:

1) вопросы усиления урбанизации и как следствие — отчуждение человека от человека;

2) отчуждение человека от природы, а значит, и от родовой сущности субъекта. Мало кто сегодня будет возражать против того, что современные крупные, средние и даже малые города (это касается России) в разной степени могут служить благоприятной экологической «нишей» для существования и всестороннего развития людей как личностей. В этом смысле можно говорить о том, что город во многом «античеловечен», «антигуманен».

Не покидая позиции диалектической логики, присутствие форм отчуждения можно объяснить лишь какими-то общими законами развития общества. Очевидно, что природная среда развивается по своим биологическим и физическим законам, а технологический способ производства каждой

формации тесно связан и вытекает из законов развития самой природной среды, поэтому элементы отчуждения и эксплуатации присутствуют в любом обществе, другое дело — их мера, специфический характер и формы проявления. Если мы принимаем как данную объективность, что предпосылками эксплуатации индивидов является отчуждение их от природы, от собственности и от власти, то следует четко различать предпосылки и причины социально-экономического неравенства в обществе. Главной предпосылкой и условием научно-технического прогресса на первых этапах становления цивилизации служило определенное качество и количество природных ресурсов и самой окружающей природной среды. По мере «автономизации» человеческой жизнедеятельности, повышения благосостояния людей наметились, по крайней мере, пять направлений отчуждения человека, и исторически это привело к появлению частной собственности. Частная собственность и отчуждение могут существовать и развиваться только в условиях наемного труда, объектами которого могут быть и природа и государство, и представители определенных слоев общества и сам субъект. По мере ускорения НТП и развертывания научно-технической революции по самым разным направлениям самоотчуждение и труд по найму как некие феномены и явления объективной действительности все в большей мере поддаются осмысливанию и требуют дальнейшего политико-экономического изучения.

Производство можно определить как взаимодействие общества с природой, как воздействие трудовых ресурсов (совокупного работника) на систему ресурсов природы, выступающих в производстве в качестве предметов и средств труда. Поэтому целеполагающие функции главного элемента производительных сил человека и функции природных элементов (в одном случае элементов средств производства) совпадают, так как имеют конечной целью расширенное воспроизводство материальных и духовных благ. Природные ресурсы, вне зависимости от воздействия общества с его научно-техническим потенциалом, постоянно стремятся к самосохранению и равновесному динамическому изменению.

Работник составляет более активную сторону взаимодействия, а поэтому оказывается всегда определяющим в смысле получения позитивного результата. Мера единства и отчуждения человека от природы зависит от уровня компетентного вмешательства в природную среду и от применяемых средств и методов достижения своих целей. Прежде чем приступить к взаимодействию с природными условиями, к потреблению природных ресурсов, любой субъект пытается спрогнозировать результаты своей деятельности, для чего составляются тактические и стратегические планы-прогнозы.

Любой ущерб, нанесенный природе, отражается на ухудшении социального и экономического благосостояния людей. Государственные мероприятия по освоению природных ресурсов оказались не только неэффективными, но и нанесли непоправимый удар по жизнедеятельности населения тех территорий, где проводилось такое освоение. Государство выступало в роли временщика, от имени которого хищнически эксплуатировались природные ресурсы, составляющие основу природной среды. На самом деле у природных ресурсов подлинного хозяина не было никогда, как и не было ответственного за причиненные природе многочисленные беды. В основе экономической справедливости и свободы лежат отношения собственности, и пределы реализации этих категорий находятся внутри феномена отчуждения человека от природы и самореализации его как личности.

Важное место в рыночной системе занимают рынок рабочей силы и рынок природных ресурсов. Рыночные отношения приводят к расслоению общества и экономическому неравенству, но такое неравенство следует считать справедливым. Следует подчеркнуть, что рабочая сила в рыночных условиях приобрела закономерную роль специфического товара, в качестве которого выполняет двойственные функции, обусловленные двойственным характером труда и производства. Такое понимание функций рабочей силы в качестве товара и оплаты по ее потребительной стоимости не противоречит положению о заработной плате как превращенной форме стоимости и цены рабочей силы в рыночном хозяйстве.

Если воспроизводство рабочей силы по ее стоимости (зарплата) определяется общественно необходимыми затратами на производство потребляемых рабочими благ, то сами эти затраты (сколько нужно труда на их производство) определяются уже не стоимостью, а потребительной стоимостью жизненных благ:

1) планирование ресурсов — разработка плана удовлетворения будущих потребителей в людских ресурсах;

2) набор персонала — создание резерва потенциальных кандидатов по всем должностям;

3) отбор — оценка кандидатов на рабочие места и отбор лучших из резерва, созданного в ходе набора;

4) определение заработной платы и льгот — разработка структуры заработной платы и льгот в целях привлечения, найма и сохранения служащих;

5) профориентация и адаптация — введение нанятых работников в организацию и ее подразделения, развитие у работников понимания того, что ожидает от него организация и какой труд получает заслуженную оценку;

6) обучение — разработка программ для обучения трудовым навыкам, требующимся для эффективного выполнения работы;

7) оценка трудовой деятельности — разработка методик оценки трудовой деятельности и доведение их до работника;

8) повышение, понижение, перевод, увольнение — разработка методов перемещения работников с большей или меньшей ответственностью, развитие их профессионального опыта путем перемещения на другие должности или участки работы, а также процедуры прекращения договора найма;

9) подготовка руководящих кадров, управление продвижением по службе, разработка программ, направленных на развитие собственности и повышение эффективности труда руководящих кадров.

Величина затрат по воспроизводству природных ресурсов может равняться величине экономической оценки или цене потребительной стоимости этих ресурсов, а величина заработной платы по минимуму может определяться величиной стоимости рабочей силы, а по максимуму она соответствует потребительной стоимости товара рабочей силы, ее совокупной полезности.

Для решения данного вопроса необходимо, во-первых, потребительную (полезную) стоимость продукта выразить количеством замещаемого, сэкономленного живого труда с вычетом затрат труда на достигаемый объем экономии (замещения). Во-вторых, необходимо привести таким образом измеренную производительную силу труда (в единицах сэкономленного труда) в потребительную силу труда, т.е. определить в итоге потребительную стоимость рабочей силы. Она будет измеряться тем количеством сэкономленного рабочего времени, которое становится как мерой получения благосостояния сверх минимума жизненных средств, так и мерой развития работника. Распределить жизненные средства на основе сэкономленного труда, достигаемого за счет более высокой потребительной стоимости рабочей силы, можно столь же успешно, как и на основе затраченного труда. Функционально-целевая взаимосвязь трудовых и природных ресурсов свидетельствует о необходимости нового методологического подхода к анализу экономических процессов, протекающих в рамках способа производства и формации.

С точки зрения генезиса любого производства, требуется выяснить, какова система и характер соединения работника со средствами производства. Выявление роли, места и функций влияния человека на природную среду не может происходить без аналитической работы по выяснению сущности природного фактора и его обратного воздействия на производство. После этого можно установить и смоделировать закономерности, законы движения системы «человек — природа», «экономический человек», «природные ресурсы», «научно-технический потенциал общества», «отношения природопользования», зависящие в том числе от качества природной окружающей среды. Необходимо отметить, что работника без природной среды не бывает, в то время как природа сама по себе самодостаточна и может функционировать без человека и общества.

Отсюда следует, что природные ресурсы не всегда остаются объективным фактором, от которого зависят благополучие и мера экономической самостоятельности субъектов воздействия. Первичность окружающей природной среды приводит нас к той истине, что

сохраняя и воспроизводя природные ресурсы, мы тем самым сохраняем и воспроизводим себя, создавая необходимые условия самовоспроизводства и экономического благосостояния. Рыночный режим воспроизводства позволяет интенсифицировать экономику, а более совершенные товарно-денежные отношения заставят общество как совокупное единство разных форм собственников развивать экономику по антизатратному направлению — единственному пути, который не противоречит законам самой природы.

Необходимо обратить внимание на проблему их потребительной стоимости. Стоимость рабочей силы включает в себя весь живой труд за вычетом фонда, отчисляемого в госбюджет и расходующегося затем на общие цели государства и общества. В понятие «потребительная стоимость рабочей силы» следует включать весь потребительный продукт, созданный конкретным и абстрактным трудом, ведь (овеществленный) труд — это тоже когда-то израсходованный труд, затраченный на производство средств производства. Заработная плата, как известно, составляет лишь часть необходимого и прибавочного продукта и представляет собой в этом виде превращенную форму стоимости и цены рабочей силы, но следует понять, что она должна быть равна по величине необходимому продукту.

Кроме того, издержки производства и прибавочный продукт в сумме должны составлять потенциальный фонд потребления совокупного работника, включая и работников непроизводственной сферы. Издержки производства и издержки обращения составляют полную себестоимость продукции для общества и включают в себя потребительную часть средств производства и обращения, номинальная зарплата как денежное выражение части издержек не может быть меньше величины расходов на нормальное (в соответствии со средними в данном обществе условиями жизнедеятельности) воспроизводство рабочей силы.

Следовательно, в совокупных издержках общества отражаются затраты предметов труда (природных ресурсов), средств труда (технологических овеществленных машин и оборудования) и живого труда. Таким образом, можно говорить о трех видах затрат на воспроизводство составных частей общих издержек.

Общим у трудовых и природных ресурсов является то, что они выступают на рынке в качестве специфических товаров и требуют для своего восстановления затрат в особых формах. Например, базой экономической оценки и цены для воспроизводства ресурсов природы необходимо считать среднюю величину расходов на их воспроизводство, т.е. величину затрат на воспроизводство единицы ресурса. Цена труда и цена природного ресурса на рынке труда и рынке средств производства зависит в первую очередь от спроса и предложения, но рыночная цена согласно закону стоимости в конечном счете должна соответствовать совокупным затратам на их поддержание или воспроизводство.

Заключение. Маятник рыночной цены и стоимости может колебаться вокруг издержек на их сохранение и стимулировать повышение качества рабочей силы, а также предметов труда. Только при органическом включении работника в систему производства, его добровольном желании рачительно использовать материальные, финансовые, природные ресурсы и создании системы контроллинга природопользования мы получим сбалансированную экономику.

Литература

1. О недропользовании на территории Ростовской области: обл. закон Ростовской области от 25.10.2002 г. №275-ЗС.
2. Об охране окружающей среды: Федеральный закон Российской Федерации.
3. Крассе М.С. Моделирование эколого-экономических систем. — М.: ИНФРА-М, 2012.
4. Папенков К.В. Экономика природопользования: Курс лекций. Ч. II. — М., 2004.
5. Экономика природопользования / под ред. К.В. Папенова. — М., 2006.
6. Анопоченко Т.Ю., Маколова Л.В. Проблема формирования механизма рационального использования ресурсов в агропромышленном комплексе с учетом экологических

приоритетов // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2013. — №110. — С. 108–112.

7. Закон Российской Федерации «Об охране окружающей природной среды» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank>.

References

1. O nedropol'zovanii na territorii Rostovskoj oblasti: obl. zakon Rostovskoj oblasti ot 25.10.2002 g. №275-ZS [On subsurface use in the territory of the Rostov region: regional Law of the Rostov region №275-ZS of 25.10.2002].
2. Ob ohrane okruzhajushhej sredy: Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii [On environmental protection: Federal Law of the Russian Federation].
3. Krase M.S. Modelirovanie jekologo-jekonomicheskikh sistem [Modeling of ecological and economic systems]. — Moscow: INFRA-M, 2012.
4. Papenkov K.V. Jekonomika prirodnopol'zovanija: Kurs lekcij [Economics of environmental management: A course of lectures]. Part II. — Moscow, 2004.
5. Jekonomika prirodnopol'zovanija / pod red. K.V. Papenova [Economics of environmental management / In K.V. Papenov (eds.)]. — Moscow, 2006.
6. Anopchenko T. Ju., Makolova L. V. Problema formirovanija mehanizma racional'nogo ispol'zovanija resursov v agropromyshlennom komplekse s uchetom jekologicheskikh prioritetov [The problem of forming a mechanism for rational use of resources in the agro-industrial complex taking into account environmental priorities] // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta [Bulletin of the Samara State University of Economics]. — 2013. — №110. — Pp. 108–112.
7. Zakon Rossijskoj Federacii «Ob ohrane okruzhajushhej prirodnoj sredy» [The Law of the Russian Federation «On environmental protection»] [Elektronnyj resurs]. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank>.

Савчук Владимир Федорович — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Savchuk Vladimir Fedorovich — Associate Professor, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the «Social and Humanitarian Sciences» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: mm-nauka@yandex.ru

Романенко Елена Валерьевна — старший преподаватель кафедры «Производственный и инновационный менеджмент» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ).

Romanenko Elena Valeryevna — Senior Lecturer of the Department «Production and Innovation Management», South-Russian State Polytechnic University (NPI).

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Russia
E-mail: levchenckona@yandex.ru

УДК 004.9

10.17213/2075-2067-2021-4-188-194

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

© 2021 г. Д. Ю. Фраймович, К. А. Власенко, А. И. Усова

*Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
г. Владимир, Россия*

Цель исследования. В статье приводится обоснование значения цифровой трансформации для современной рыночной экономики на примере промышленных предприятий, выявляются причины, методы, сложности реализации цифровой трансформации в авиационной отрасли, а также раскрывается необходимость мониторинга социально-экономических последствий высокотехнологичных изменений.

Методы исследования базируются на данных о реализации цифровой трансформации промышленности и авиационной отрасли на основе сведений федеральных законов РФ, постановлений Правительства РФ, национальной программы «Цифровая экономика РФ», официальных статистических данных.

Результаты исследования. На примере деятельности авиационной компании S7 Airlines, а также ряда промышленных предприятий доказано, что благодаря цифровой трансформации инновационные проекты обеспечивают максимально эффективное развитие промышленности РФ. Однако возникает необходимость мониторинга социально-экономических последствий данного процесса в связи с широким спектром последствий цифровизации экономики и общественной жизни РФ и недостаточностью методологического обоснования влияния цифровизации на развитие промышленных предприятий.

Перспективы исследования. Определение индикаторов цифровой трансформации социально-экономических систем позволит идентифицировать факторы, играющие ключевую роль в народнохозяйственных и инновационных процессах, а также оптимизировать инструменты стратегического управления в региональном и национальном масштабах.

Ключевые слова: цифровая трансформация; промышленные предприятия; инновационное развитие; мониторинг социально-экономических последствий.

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL ENTERPRISES

© 2021 D. Yu. Fraimovich, K. A. Vlasenko, A. I. Usova

Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs, Vladimir, Russia

The purpose of the study. The article substantiates the significance of digital transformation for the modern market economy on the example of industrial enterprises, identifies the reasons, methods, and difficulties of implementing digital transformation in the aviation industry, and also reveals the need to monitor the socio-economic consequences of high-tech changes.

The research methods are based on data on the implementation of the digital transformation of industry and the aviation industry on the basis of information from federal laws of the Russian Federation, Government resolutions of the Russian Federation, the national program «Digital Economy of the Russian Federation», and official statistics.

The results of the study. Using the example of the activities of the S7 Airlines aviation company, as well as a number of industrial enterprises, it is proved that thanks to digital transformation, innovative projects ensure the most effective development of the Russian industry. However, there is a need to monitor the socio-economic consequences of this process due to the wide range of consequences of digitalization of the economy and public life of the Russian Federation and the lack of methodological justification of the impact of digitalization on the development of industrial enterprises.

Research prospects. The identification of indicators of digital transformation of socio-economic systems will allow identifying factors that play a key role in national economic and innovation processes, as well as optimizing strategic management tools at the regional and national scales.

Key words: digital transformation; industrial enterprises; innovative development; monitoring of socio-economic consequences.

Введение. Высокотехнологичные изменения прошлых лет, затронувшие практически все народнохозяйственные сферы, заставляют общество, бизнес и государство кардинальным образом перестраивать механизмы взаимодействия, постоянно апробировать и внедрять нестандартные решения, ориентированные на укоренение достижения результатов. В целях выгодного взаимодействия государства и бизнеса крупными компаниями-лидерами создана организация «Цифровая экономика». Ее развитие осуществляется при поддержке Администрации Президента РФ и Правительства РФ. Благодаря данной программе реализуются научные и прикладные исследования в сфере цифрового развития, что позволяет предприятиям практически применять цифровые технологии, успешно осуществляя цифровую трансформацию, тем самым повышая уровень конкурентоспособности, и эффективно развиваться, выходя на международную арену [5].

Цифровая трансформация осуществляется посредством применения «сквозных» технологий. Каждое предприятие имеет свою специфику инновационно-технологического развития и соответственно уровень подготовки к реализации цифровой трансформации, поэтому наблюдается неравномерность в осуществлении данного процесса.

Цифровая трансформация имеет серьезные отличия по сравнению с процессом автоматизации производственного процесса, заключающиеся в эффективном управлении бизнес-процессами, организационными изменениями, а не только в осуществлении преобразований технического и технологического уровня [2].

На основании проведенного исследования MuleSoft в 2021 году цифровая трансформация на мировом уровне осуществляется с учетом таких тенденций развития, как:

1) готовность к реализации цифровой трансформации — возникает все большая необходимость проводить цифровизацию и глобализацию производства и оказания услуг для того, чтобы обеспечить удовлетворение потребительских запросов;

2) демократизация инноваций — информационным отделам важно поощрять самостоятельную инициативу развития компаний;

3) компонуемость предприятий — усиление гибкости без постоянного создания новых цифровых приложений, а развитие посредством компилирования уже имеющихся разработок с помощью API;

4) уровень автоматизации — увеличение операционной активности предприятий и бизнес-процессов с помощью API;

5) безопасность API — соблюдение строгих мер для обеспечения безопасности развития инновационного развития;

6) наличие организационных микросервисов — данные сервисы позволяют осуществлять быстрое и эффективное принятие управленческих решений с целью совершенствования пользовательского опыта;

7) осуществление интеграции данных — возникает необходимость быстрых и результативных методов извлечения неважной информации из данных;

8) использование аналитических платформ — имеет значение для совершенствования опыта клиентов, повышая при этом важность аналитических данных [3].

Постановка проблемы. Благодаря реализации цифровой трансформации промышленные предприятия осуществляют переход на новый технологический уровень, что позволяет повысить им конкурентные позиции не только в РФ, но и на международном уровне.

Обрушившаяся на мир пандемия в связи с распространением коронавирусной инфекции выступила мощнейшим двигателем развития экономики цифрового типа. Предприятия и организации были вынуждены организовать работу в удаленном режиме.

Однако стоит отметить, что в РФ для некоторых отраслей путь к цифровой трансформации имеет ряд сложностей. Многие заводы нашей страны осуществляют свою производственную деятельность на старом, зачастую устаревшем, оборудовании. Перенести данные такого оборудования в цифровую среду невозможно, а значит, и создание

их цифровых двойников невыполнимо. Для того чтобы обновить производственные мощности, предприятиям не хватает имеющихся инвестиций. Таким образом, действительность российской промышленности такова, что многие предприятия продлевают сроки эксплуатации оборудования, а полный переход к цифровым технологиям для них остается закрытым вопросом.

На рисунке 1 графически представлена динамика доли инновационных продуктов в обрабатывающей промышленности [2].

Динамика, изображенная на рисунке 1, является нестабильной. Наибольший процент инновационных продуктов наблюдался в 2013 году, после чего произошло снижение данного показателя. За 9 анализируемых лет рост составил всего 1%.

В настоящее время количество инновационных промышленных предприятий в России составляет около 11%, а число занятых в высокотехнологичных/наукоемких отраслях в России — 4% [9].

Для того чтобы конкурировать на рынке, предприятиям необходимо производить высокотехнологичные изделия, потребительские свойства которых будут качественно сравнимы с изделиями конкурентов. Реализовать это, существенно не повысив цену, возможно только за счет цифровой трансформации.

Примерами предприятий, выбравших данный путь развития, можно назвать ПАО «КАМАЗ», концерн «Калашников», «РусАл», «Петрозаводскмаш», «Вертолеты России»,

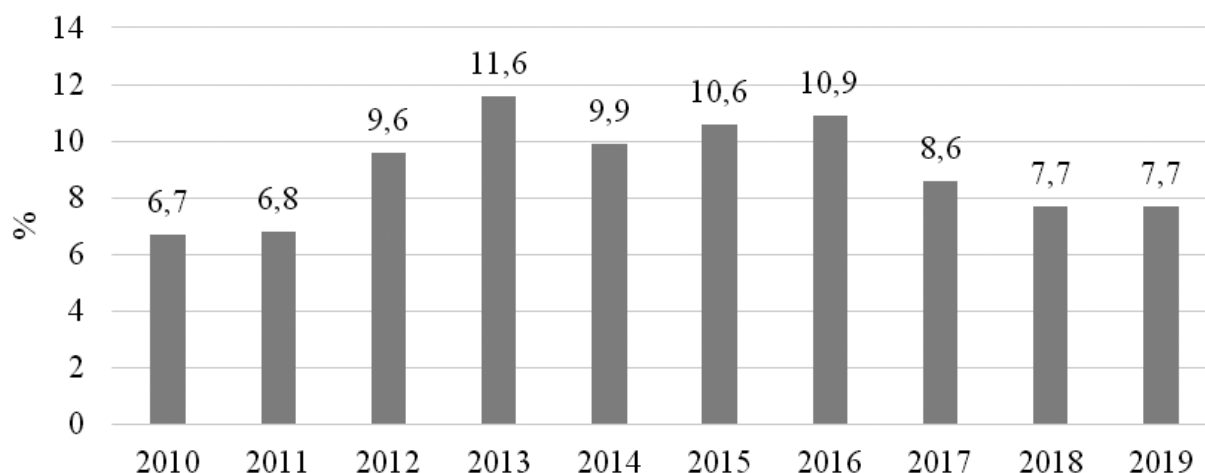

Рис. 1. Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров в обрабатывающей промышленности

«ОАК». Благодаря передовым технологиям компании модифицируют свое производство и оптимизируют бизнес-модели.

Специальный «Центр цифровой трансформации» создан на базе ПАО «КАМАЗ», при помощи которого общество успешно реализовывает различные проекты: благодаря цифровой трансформации ПАО «КАМАЗ» за 1 год повысил уровень продаж на 21 % [7].

Успешно осуществляется цифровая трансформация в отраслях авиационной промышленности. В данном случае активно используется создание цифровых близнецов воздушных судов и их составных частей. При помощи цифровой копии в авиапромышленности возможно моделирование процессов функционирования реального объекта и отдельных систем. Данная модель позволит определить возможные ошибки, отработать сценарии чрезвычайных ситуаций, сократить время на тестовые испытания. Несмотря на то, что в данной промышленности цифровая трансформация реализуется, изменения проходят поэтапно и параллельно с проверенными годами технологиями.

S7 Airlines — российская авиационная компания, входящая в десятку самых популярных авиакомпаний европейского уровня. В данной компании реализация цифровой трансформации началась с 2016 года. Причиной этого выступило желание компании уменьшить производственные издержки, максимизировать прибыль.

Предприятие применяет в своей работе машинное обучение и Big Data в области технического обслуживания самолетов [6]. Компания успешно осуществила формирование собственной системы управления контентом — CMS Cabin.

В 2020 году произошла полная переработка функционального блока по поиску авиационных билетов и определение с направлениями перелета посредством автоматического индивидуальных предложений для клиентов.

Компания заключила цифровой смарт-контракт в системе AFS с поставщиком топлива с целью удобства при определении стоимости топлива и его объемом. В 2019 году сотрудничество компании с Cisco позволило повысить эффективность осуществляемой деятельности посредством переезда в новый

офис и закупки новейшего оборудования и одновременно с этим экстренного монтажа большого числа оборудования, не теряя при этом часть серверов.

В период распространения коронавирусной инфекции была реализована программа S7 Care, предполагающая осуществление защиты пассажиров во время перелетов посредством поэтапной посадки на борт, проведения санитарной уборки и дезинфекции самолетов, предоставление индивидуальных средств защиты пассажирам.

Компания реализовала проект по созданию пользовательских онлайн-путеводителей на территории РФ, созданных на основе фото и рекомендаций в Instagram-ленте.

Нельзя сказать, что переход к цифровой трансформации осуществлялся быстро и беспроблемно. Компания столкнулась с такими сложностями, как качество и доступность данных. Поначалу было трудно внедрить разработки в бизнес-процессы предприятия. Необходимость внесения изменений в управленческие решения также вызывала проблемы, так как наблюдалось сопротивление изменениям. Внедрение инноваций в деятельность компании вызывало также недоверие со стороны заказчиков, поскольку они доверяют только конкретному практическому результату.

Но, несмотря на все возникающие противоречия и проблемы, компания смогла успешно реализовать цифровую трансформацию и достичь положительных результатов: повысить уровень выручки и уменьшить расходы на операционный тип деятельности. Соответственно, процесс цифровой трансформации положительно повлиял на доходность предприятия, продажу билетов на самолеты и процессы управления. Благодаря оптимизации промывок двигателей самолетов компания смогла уменьшить расход топлива на 0,5 %.

Говоря о позитивных и негативных аспектах воздействия цифровой трансформации на процесс становления и развития авиационной промышленности, необходимо также отметить, что нельзя сразу учесть возможные последствия и перспективы. Однако в современных реалиях все большую актуальность приобретает стратегическое планирование, позволяющее формировать наиболее благоприятные параметры развития экономики

посредством мониторинга социально-экономических последствий цифровой трансформации как экономики страны в целом, так и конкретно промышленности.

Система стратегического управления и мониторинга социально-экономических последствий разрабатывается на основании нормативно-правовых актов законодательства РФ для обеспечения национальной безопасности страны, находится лишь на стадии становления и не имеет широкого практического применения в РФ. Распространение коронавирусной инфекции во время пандемии COVID-19 ускорило процесс обновления национальной экономики РФ в условиях цифровой трансформации, а также необходимость проведения данного мониторинга [4].

При проведении мониторинга социально-экономических последствий цифровой трансформации в экономике РФ необходимо обладать информацией, связанной с уровнем доступности получения цифровых услуг населением, состоянием качества оказываемых цифровых услуг, уровнем доверия потребителей полученными цифровыми услугами, а также предъявляемыми к ним требованиями [3].

Мониторинг основывается на формировании базы данных для оценки внесенного вклада экономики страны в ВВП. В то же время возникают проблемы, связанные с отсутствием конкретных рамок в цифровой экономике, нехваткой методик исследования для проведения макроэкономического анализа.

Заключение. Многие компании показали на своем примере, что реализуемые в рамках цифровой трансформации инновационные проекты весьма эффективны и позволили им в короткие сроки выйти на высокий уровень развития, занять конкурентоспособную позицию в мировом масштабе.

Таким образом, цифровая трансформация даст возможность предприятиям осуществлять производственную деятельность максимально эффективно. Это длительный поэтапный путь внедрения инновационных технологий с параллельным ведением традиционных процессов к полному переходу в цифровую среду, который не может осуществляться без осуществления мониторинга социально-экономических последствий цифровой трансформации, на основе ши-

рокого спектра показателей официальной статистической отчетности и исследований, проводимых конкретными компаниями.

Литература

1. Атурин В.В. Управление цифровой трансформацией: научные подходы и экономическая политика / В.В. Атурин, И.С. Мога, С.М. Смагулова // *Управленец*. — 2020. — Т. 11. — №2. — С. 67–76.
2. Наука и инновации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (Дата обращения: 19.06.21).
3. Золотарева О.А., Давлетишина Л.А. О мониторинге социально-экономических последствий цифровой трансформации / *Научные труды вольного экономического общества России*. — 2021. — Т. 28. — №2. — С.380–400.
4. Официальный сайт «Технологии, инжиниринг, инновации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://integral-russia.ru/o-nas_1-2/ (Дата обращения: 20.02.2021).
5. Официальный сайт Cnews [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-08_s7_airlines_i_reksoft_podveli (Дата обращения: 22.05.2021).
6. Паспорт национального проекта Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (Дата обращения: 12.05.2021).
7. Попов В.Н. Интеллектуальные высокопроизводительные методы автоматизированного проектирования технологических процессов машиностроительной продукции в веб-среде / В.Н. Попов, А.В. Кораблев [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://технологииинноваций.рф/140t_tehnologii1.html (Дата обращения: 18.02.2021).
8. Сергеев Л.И. Цифровая экономика. Учебник для вузов / Л.И. Сергеев, А.Л. Юданова. Под редакцией Л.И. Сергеева. — М.: Издательство Юрайт, 2020. — 332 с.
9. Федеральные статистические наблюдения по социально-демографическим проблемам [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (Дата обращения: 12.05.2021).

10. Цифровизация промышленности [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://center2m.ru/tsifrovizatsiya-promishlenosti> (Дата обращения: 19.06.2021).

11. Цифровая экономика России 2024 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://data-economy.ru/2024> (Дата обращения: 10.05.2021).

References

1. *Aturin V.V.* Upravlenie cifrovoj transformaciej: nauchnye podhody i jekonomicheskaja politika [Management of digital transformation: scientific approaches and economic policy] / V.V. Aturin, I.S. Moga, S.M. Smagulova // Upravlenec [Manager]. — 2020. — Vol. 11. — №2. — Pp. 67–76.

2. Nauka i innovacii [Science and Innovation] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477> (Date accessed: 19.06.21).

3. *Zolotareva O.A., Davletshina L.A.* O monitorige social'no-jekonomicheskikh posledstvij cifrovoj transformacii [On monitoring the socio-economic consequences of digital transformation] / Nauchnye trudy vol'nogo jekonomicheskogo obshhestva Rossii [Scientific Works of the Free Economic Society of Russia]. — 2021. — Vol. 28. — №2. — Pp. 380–400.

4. Oficial'nyj sajt «Tehnologii, inzhiniring, innovacii» [The official website of «Technologies, engineering, innovations»] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://integral-russia.ru/onas_1-2/ (Date accessed: 20.02.2021).

5. Oficial'nyj sajt Conews [The official website of Conews] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://www.cnews.ru/news/line/2021-02-08_s7_airlines_i_reksoft_podveli (Date accessed: 22.05.2021).

6. Pasport nacional'nogo proekta Nacional'naja programma «Cifrovaja jekonomika Rossijskoj Federacii» [Passport of the national project National program «Digital Economy of the Russian Federation»] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://digital.gov.ru/uploaded/files/natsionalnaya-programma-tsifrovaya-ekonomika-rossijskoj-federatsii_NcN2nOO.pdf (Date accessed: 12.05.2021).

7. *Popov V.N.* Intellektual'nye vysokoproizvoditel'nye metody avtomatizirovannogo proektirovanija tehnologicheskikh processov mashinostroitel'noj produkcii v veb srede [Intelligent high-performance methods of computer-aided design of technological processes of machine-building products in the web environment] / V.N. Popov, A. V. Korablev [Elektronnyj resurs]. — URL: http://технологииинноваций.рф/140t_tehnologii1.html (Date accessed: 18.02.2021).

8. *Sergeev L.I.* Cifrovaja jekonomika. Uchebnik dlja vuzov [Digital Economy. Textbook for universities] / L.I. Sergeev, A.L. Judanova. Pod redakciej L.I. Sergeeva [In L.I. Sergeev (eds.)]. — Moscow: Izdatel'stvo Jurajt, 2020. — 332 p.

9. Federal'nye statisticheskie nabljudenija po social'no-demograficheskim problemam [Federal statistical observations on socio-demographic problems] [Elektronnyj resurs]. — URL: https://rosstat.gov.ru/itog_inspect (Date accessed: 12.05.2021).

10. Cifrovizacija promyshlennosti [Digitalization of industry] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://center2m.ru/tsifrovizatsiya-promishlenosti> (Date accessed: 19.06.2021).

11. Cifrovaja jekonomika Rossii 2024 [Digital Economy of Russia 2024] [Elektronnyj resurs]. — URL: <https://data-economy.ru/2024> (Date accessed: 10.05.2021).

Поступила в редакцию

23 июля 2021 г.

Фраймович Денис Юрьевич — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики инноваций и финансов Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.

Fraimovich Denis Yuryevich — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of Economics of Innovation and Finance, Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletovs.

600005, г. Владимир, ул. Горького, 79
79 Gorkogo st., 600005, Vladimir, Russia,
E-mail: fdu78@rambler.ru

Власенко Ксения Андреевна — преподаватель колледжа инновационных технологий и предпринимательства Владимирского государственного университета.

Vlasenko Ksenia Andreevna — Lecturer at the College of Innovative Technologies and Entrepreneurship of Vladimir State University.

600005, г. Владимир, ул. Горького, 79
79 Gorkogo st., 600005, Vladimir, Russia,
E-mail: vla.ksenia@mail.ru

Усова Анастасия Игоревна — магистрант кафедры «Технология машиностроения» института машиностроения и автомобильного транспорта Владимирского государственного университета.

Usova Anastasia Igorevna — Master's Student of the Engineering Technology Department, Institute of Mechanical Engineering and Road Transport, Vladimir State University.

600005, г. Владимир, ул. Горького, 79
79 Gorkogo st., 600005, Vladimir, Russia,
E-mail: nastenalakinsk@mail.ru

УДК 338.27

10.17213/2075-2067-2021-4-195-205

ТЕНДЕНЦИИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ЭКОНОМИКИ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ С ПОЗИЦИИ ГУМАНИЗАЦИИ

© 2021 г. Н. Н. Чубаева, Е. Г. Попкова

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ (МГИМО МИД РФ), г. Москва, Россия*

Цель исследования. Иницилируемые США санкционные меры в отношении России спровоцировали экономический кризис не только в целевой стране, но и в остальном мире. Пандемия, которая усугубила нестабильное финансовое положение мирового сообщества, поставила под вопрос целесообразность дальнейшего противостояния политик. В целях стабилизации эпидемиологической обстановки объявленный правительствами многих стран локдаун привел к полной или частичной остановке деятельности бизнеса, что прямым образом отразилось на наполняемости бюджетов. И как следствие — невозможность реализации социальной политики как основы гуманного экономического развития. Цель статьи заключается в исследовании тенденций восстановления экономики после пандемии с позиции гуманизации.

Методы исследования. Использованы методы статистического и корреляционного анализа, проведена оценка данных международных организаций, рейтинговых агентств и др.

Результаты исследования. В статье представлены текущие тенденции восстановления экономики в области мер выработки коллективного иммунитета, повышения экономической активности, денежно-кредитной и бюджетно-налоговой политики. На основе корреляционного анализа оценена объективность выдвинутых предложений по увеличению финансирования программ по борьбе с COVID-19 с целью повышения экономического роста. По результатам корреляции видна нерентабельность выдвинутых предложений, более того, затраченные суммы могут быть перераспределены по другим острым проблемам. Авторами выделены наиболее пострадавшие от кризиса страны и рынки, рекомендованы векторы для адаптации национальных стратегий в целевых сферах. Государство в сложившейся ситуации выступает главным актором восстановления экономики через тщательно спланированные мероприятия с определением исключительных требований каждой сферы.

Перспективы дальнейших исследований. Акцентировано внимание на новых экологических проблемах, таких как утилизация индивидуальных средств защиты от вирусов, возросший объем упаковочного материала. При неготовности системы ответственной утилизации обнуляются достижения многих лет в области противодействия изменению климата.

Ключевые слова: экономический рост; пандемия; новые экологические проблемы; социальная поддержка.

TRENDS IN ECONOMIC RECOVERY AFTER THE PANDEMIC FROM THE PERSPECTIVE OF HUMANIZATION

© 2021 N. N. Chubaeva, E. G. Popkova

*Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia*

The purpose of the study. *The US-initiated sanctions measures against Russia have provoked an economic crisis not only in the target country, but also in the rest of the world. The pandemic, which has aggravated the unstable financial situation of the world community, has called into question the expediency of further confrontation of policies. In order to stabilize the epidemiological situation, the lockdown announced by the governments of many countries led to a complete or partial shutdown of business activities, which directly affected the filling of budgets. And as a result — the impossibility of implementing social policy as the basis of humane economic development. The purpose of the article is to study the trends of economic recovery after the pandemic from the perspective of humanization.*

Research methods. *The methods of statistical and correlation analysis were used, the data of international organizations, rating agencies, etc. were evaluated.*

The results of the study. *The article presents the current trends of economic recovery in the field of measures to develop collective immunity, increase economic activity, monetary and fiscal policy. Based on the correlation analysis, the objectivity of the proposals put forward to increase the funding of programs to combat COVID-19 in order to increase economic growth is evaluated. According to the results of the correlation, the unprofitability of the proposals put forward is visible, moreover, the amounts spent can be redistributed to other acute problems. The authors identified the countries and markets most affected by the crisis, recommended vectors for adapting national strategies in target areas. In the current situation, the state acts as the main actor of economic recovery through carefully planned measures with the definition of the exceptional requirements of each sphere.*

Prospects for further research. *Attention is focused on new environmental problems, such as the disposal of personal protective equipment against viruses, the increased volume of packaging material. If the responsible recycling system is not ready, the achievements of many years in the field of countering climate change are reset.*

Key words: *economic growth; pandemic; new environmental problems; social support.*

Введение. Значительное количество ученых давно занимаются изучением типов экономического роста. Определение, существующее в научной среде и описывающее экономический рост за счет увеличения масштаба производства, различного вида капиталовложений и рост за счет повышения качества задействованных ресурсов, именуется экстенсивным и интенсивным типом соответственно [3]. Современные тенденции опираются на интенсивный тип экономического развития [2],

фокусом которого выступает человеческий капитал как фактор основных моделей экономического роста и фундамент гуманизации. С учетом глобальной тенденции современности исследование качества этой составляющей экономического роста стало основой комплексного исследования, сформировав понятие гуманизации экономического роста.

Таким образом, под гуманизацией экономического роста рассматривается тип развития с учетом потребностей человека, в усло-

виях которых развиваются его интеллектуальные и физические данные как производные экономического роста [1].

Принимая во внимание негативное влияние пандемии в 2020–2021 годах на экономику, можно сказать, что возникшие проблемы поставили под угрозу дальнейшее глобальное развитие. Вынужденный перевод работы в дистанционный формат вызвал частичное или полное закрытие предприятий, что стало результатом снижения мирового ВВП, роста безработицы, и самое важное для мирового сообщества — обнуление всех достижений за последние десятилетия. Для выравнивания сложившейся ситуации необходим пересмотр действующих национальных стратегий в кратчайшие сроки, а взаимодействие стран ускорит достижение ключевых показателей экономики и повысит их эффективность.

Методы (теоретические основы).

В рамках данной статьи проведены исследования существования зависимости средств, затраченных на меры борьбы с коронавирусной инфекцией и восстановление экономики. В странах с оптимальным сочетанием данных проведен анализ тенденций национальных стратегий и проводимой политики, направленной на решение сопутствующих проблем пандемии. Основное внимание уделено безработице как основному препятствию восстановления экономики путем создания условий поддержки бизнеса, деятельность которого влияет на уровень благосостояния общества. Проведена оценка искомых показателей в развитых странах, предложены рекомендации для внедрения в России.

Методом статистического и корреляционного анализа проведена оценка данных международных организаций, рейтинговых агентств, таких как Международный валютный фонд, РвН, ОЭСР и др.

Результаты. Экономический кризис 2018 года, усугубившийся пандемией, затронул все без исключения страны, с разницей лишь в степени распространения негативных последствий на внутренних рынках. Объясняя актуальность проводимых исследований мировым сообществом определяется доказанным постулатом достижения макси-

мальных результатов и их скорости при условии глобального взаимодействия. По данным международного валютного фонда [16], первые показатели восстановления экономики будут в 2022 году, они же будут значительно отличаться от оптимальных темпов развития, колеблющихся в пределах 2–3% [1], что подтвердит фазу восстановления. По прогнозным расчетам РвН, в физическом измерении экономика к 2042 году возрастет вдвое [17].

Проводя анализ данных Международного валютного фонда, можно сделать вывод, что прослеживаются максимальные просадки в странах с формирующимся рынком и в развивающихся странах с низким доходом (рис. 1), отмечена меньшая уязвимость стран с развитой экономикой.

В расчетах на рисунке 1 используется реальный ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности в долларах США на 2017 г.).

Следует обратить внимание, что темпы экономического роста показывают противоположные значения. Снижения темпов роста ВВП оказались в развитых странах более глубокими, чем в развивающихся странах и странах с низким доходом (табл. 1).

Такая противоположность представленных данных объясняется включением в диаграмму социальных показателей: увеличившаяся разница доходов и снизившаяся покупательская способность, глубина провалов рынка капиталов (эксперты Международного валютного фонда отмечают, что это особенно коснулось автомобильного рынка, потребительских и инвестиционных товаров, рынка товаров производственного назначения) [16]. Сюда же включены и индикаторы роста неформального сектора экономики, а также количество пострадавших от COVID-19 по здоровью, лишившихся работы, вынужденных сменить трудовую деятельность и др.

Учитывая постепенный рост вакцинирования, можно подтвердить зависимость между объемом средств, потраченных на вакцинацию населения, и ростом ВВП. Глава ВОЗ Тедрос Гебрейесус заявил о необходимости увеличения затрат на данную программу с 19 млрд. долл. до 35–45 млрд. долл., объединив это в представленных прогнозных данных РвН и всемирного экономического форума, тогда рост мирового ВВП в 2022 году составит 4,4%.

Таблица 1

Темпы экономического роста по группам стран (составлено автором)

				Прогноз		
	2018	2019	2020	2021	2022	2026
ВВП — Мир	3,6	2,8	-3,3	6	4,4	3,3
ВВП — США	3	2,2	-3,5	6,4	3,5	1,3
ВВП — СРЭ	2,3	1,6	-4,7	5,1	3,6	1,5
ВВП — СФР	4,5	3,6	-2,2	6,7	5	4,4
ВВП — РСНД	2,7	2,9	-2,2	2	3	2,2
СРЭ — страны с развитой экономикой СФР — страны с формирующимся рынком РСНД — развивающиеся страны с низким доходом						

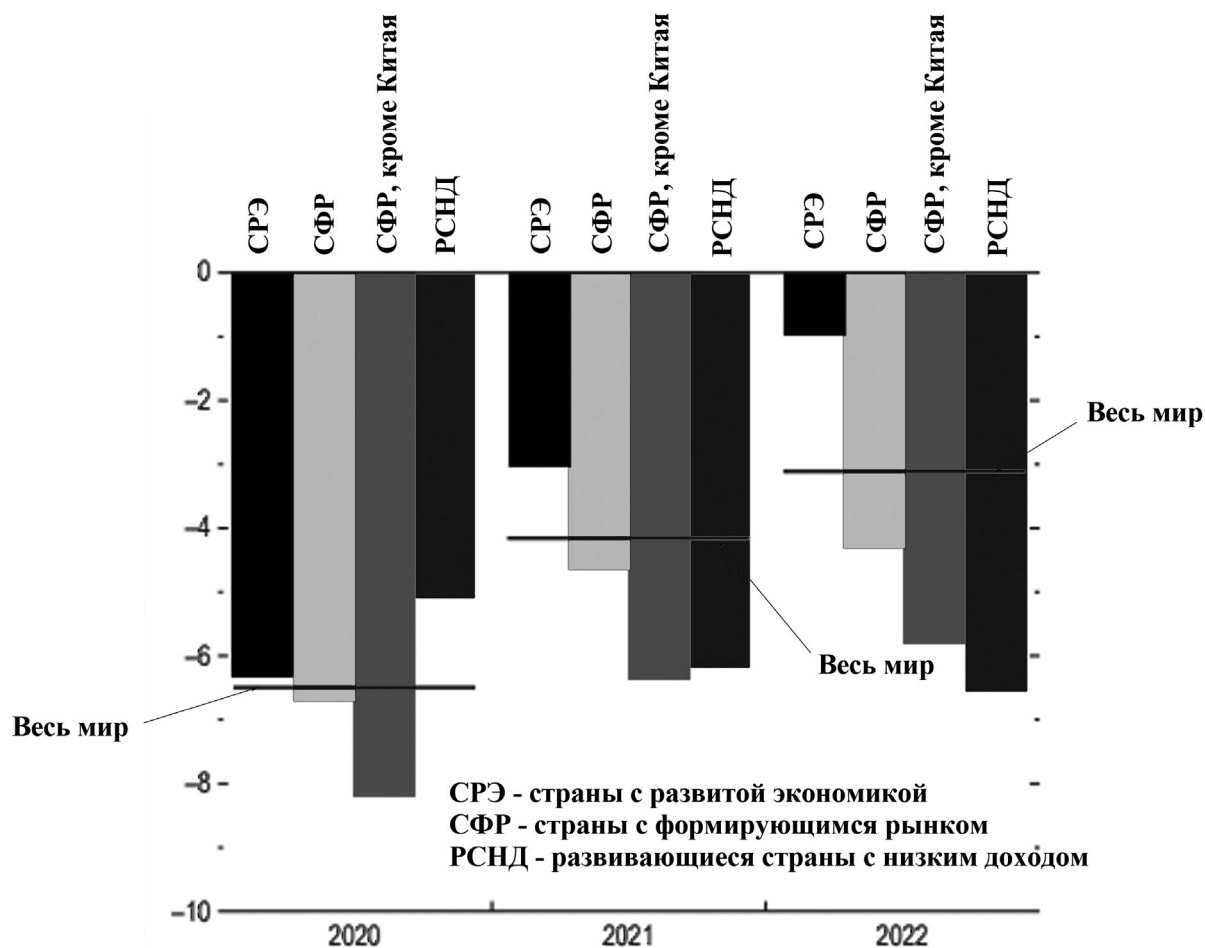

Рис. 1. Группы наиболее пострадавших стран
(пересмотр данных по совокупному росту ВВП на душу населения с 2019 г.
в прогнозах ПРМЭ за январь 2020 г. и апрель 2021 г., %)

Расширяя процент вакцинированных людей против вируса COVID-19, правительства не только создают себе почву для устойчивого экономического роста, но и повышают степень гуманитарного развития путем увеличения показателей благополучия, таких как обеспечение достаточного количества средств, создание благоприятной среды жизни, обеспечение продовольственной безопасности, создание безопасных рабочих мест и др.

В рамках исследования проведем корреляционный анализ зависимости затрат на стабилизацию эпидемиологической обстановки в стране и скорости восстановления экономики по индикаторам ВВП (табл. 2).

По правилам корреляционного анализа на первое место мы должны определить переменную, в отношении которой проверяется возможность существования исследуемой зависимости.

Таблица 2

Зависимость расходов на борьбу с COVID-19 и роста ВВП¹

Страна	Сумма, выделенная на борьбу с COVID-19, млрд долл. США	Население, млн. чел	Затраты на человека, долл. США	ВВП на душу населения в 2020 г., в долл. США
США	610	329,7	185	66194,4
Канада	75	38	197,4	47031,8
Германия	810	82	987,8	44667
Великобритания	424	66,7	635,7	39932,5
Италия	28	60,2	46,5	31657,7
Китай	100	1402,7	7,1	10643,7
Россия	5	146,7	3,4	11980,7
Япония	11,5	125,9	9,1	41344,8
ОАЭ	27,2	9,9	274,7	68250

Таблица 3

Корреляция данных, представленных в таблице 2 (составлено автором)

	ВВП на душу населения, долл. США	Сумма, выделенная на борьбу с COVID-19, млрд. долл. США	Затраты на человека, долл. США	ВВП, 2020 г.
ВВП на душу населения, долл. США	1			
Сумма, выделенная на борьбу с COVID-19, млрд. долл. США	0,352	1		
Затраты на человека, долл. США	0,318	0,803	1	
ВВП, 2020 г.	-0,391230771	-0,083145472	-0,358081596	1

¹ Источник: отчет Международного валютного фонда; Перспективы развития экономики, 2021; дата-сет «Большие данные современной мировой экономики: цифровая платформа интеллектуальной аналитики — 2020».

Полученные результаты позволяют сделать два вывода:

1) высокая мультиколлинеарность (0,802727966) говорит о сильной зависимости величины суммы, выделенной на борьбу с вирусом COVID-19, и суммы, рассчитанной на одного человека, является логическим выводом и должна быть исключена из возможной математической модели;

2) зависимость между выделяемой суммой на стабилизацию эпидемиологической ситуации в стране и возможным ростом ВВП (что является акцентом нашего внимания) очень слабая — 0,352353017. Следовательно, можно говорить о прямом влиянии других факторов, стимулирующих восстановление темпов роста экономики.

Составление математической модели по представленным к анализу переменным возможно, но релевантной для использования она не будет [8].

По мнению американского ученого Д. Стиглица, государству отводится главная роль регулятора экономики [6]. Регулирование деятельности налоговой ставкой ускорит восстановление предприятий, жизнеспособных до пандемии, с возвращением уволенных и потерявших работу сотрудников. Для более эффективной реабилитации пострадавших секторов бизнеса помощь компаниям следует делать адресной. МВФ называет такой тип компаний «контактотемным сектором», к нему относятся различного типа магазины, гостиницы, рестораны, транспорт и услуги любого направления, осуществляемые непосредственно при личном контакте. Для адаптации каждой сферы к новым условиям и восстановления экономики требуется организация мер со значительной поддержкой бизнеса государствами и мировыми организациями.

Вынужденные меры глобальной самоизоляции населения привели к закрытию или сокращению объемов деятельности бизнеса, что отразилось на скачке безработицы, а это в свою очередь, сокращает объем располагаемых средств к существованию [19]. В связи с этим категория людей, лишившихся работы, вынуждена искать альтернативные источники дохода либо менять квалификацию. Национальными программами сокращения увеличившегося процента безработных граждан выступает профессиональная переподготов-

ка, преимущественным образом связанная с обучением цифровой грамотности. Кроме того, следует уделять достаточно внимания программам повышения профессионального образования ввиду неизбежности перехода всего пространства жизнедеятельности в среду с развитой цифровой основой.

Национальные стратегии стран в области цифровизации образования нацелены на единые принципы и различаются лишь инструментами их достижения, а именно:

— созданием условий, препятствующих распространению вирусов и созданием обстановки, охраняющей здоровье;

— сохранением финансирования сферы образования как источника долгосрочного экономического роста;

— построением системы образования, устойчивой к будущим угрозам, вызванным пандемией.

Оставление без поддержки государством граждан, потерявших работу, сопряжено с рисками как социальными, так и экономическими. Отсутствие стабильного дохода отражается на благосостоянии и расслоении общества, а также различии между богатыми и бедными странами, что препятствует одной из гуманных целей развития экономики [7].

Рассматривая цифровизацию в контексте гуманизации экономики, мы можем говорить о неразделимости принципов. Автоматизация и роботизация деятельности не только повышают темпы восстановления экономики за счет увеличения производительности и качества конечного продукта, но и облегчают труд сотрудников и делают его безопаснее. Также емкость и качество человеческого капитала влияют первостепенным образом на экономический рост.

Расширение политики субсидирования необходимо для обеспечения экономического роста в долгосрочной перспективе, но стоит сказать об обратной стороне поддержки. Дотационная помощь и субсидирование бизнеса, как и поддержка населения, могут привести к ограничениям ввода новых предприятий, перераспределению капитала и трудовых ресурсов, а население перестанет быть заинтересованным в поиске работы, полагаясь на социальные выплаты [5].

Обоснованность предлагаемых для преодоления кризисной ситуации мер должна

главным образом быть в условиях тесного международного сотрудничества и реализовываться в следующих направлениях:

— организация взаимодействия правительства стран для реализации программ выработки коллективного иммунитета, несмотря на имеющиеся политические разногласия. Правительствам стран для увеличения масштаба вакцинирования следует не ограничивать действия по производству и приграничному перемещению готовых вакцин и готового медицинского оборудования;

— минимизация долговременного ущерба, связанного преимущественным образом с экономической активностью населения в странах с развивающимися и формирующимися рынками;

— предотвращение частоты возникновения стихийных бедствий. По причине нехватки средств в бюджетах ввиду перераспределения средств на борьбу с пандемией усилия по борьбе со стихийными бедствиями были снижены, что влечет за собой серьезные гуманитарные последствия;

— снижение торговых и технологических барьеров. Ограничения, существовавшие еще до COVID-19, влияют на технологические риски, связанные с цифровизацией, автоматизацией, и в целом провоцируют увеличение экономического неравенства;

— смягчение мер денежно-кредитной и налогово-бюджетной политики должно быть синхронизировано между странами, равными по уровню экономического развития. В этом случае эффективность будет максимальна.

Если рассматривать конкретизированные предлагаемые мировыми организациями меры в целях восстановления экономики, то в первую очередь предлагается сосредоточить усилия на сфере здравоохранения [16]. Экономические выгоды в сравнении с расходами на борьбу с пандемией, создание вакцин и последующая вакцинация в логическом представлении несоизмеримы. Но по расчетам, представленным выше, мы показали, что прямой взаимосвязи средств, потраченных на борьбу с COVID-19, и ростом экономики нет, либо она настолько слабая, что достоверность предложенной модели была бы настолько низкая, что противоречила бы практическим соображениям представлять ее в качестве научного открытия.

Тем не менее, стоит заметить, что незначительная степень влияния вакцинации на экономический рост существует. Второй аспект необходимости вакцинации состоит в потребности любого государства в здоровой нации с позиции восприятия населения как одного из основных факторов, составляющих модель экономического роста.

Следующей тенденцией в мировой экономике выступает трансформация денежно-кредитной и бюджетно-налоговой сферах. Принципиально новым является предложение инициировать схожесть мер в странах одинакового типа развития по классификации МВФ [10], ключевым моментом служит единовременная ратификация мер. Целевое назначение таких программ призвано повысить экономическую активность бизнеса и населения, особенно это должно касаться предприятий малого, среднего бизнеса и домашних хозяйств. При этом отчетность по выделенным средствам является обязательным условием и в данном сегменте исполняется не в полной мере, что вызывает ограничения между продуктивным взаимодействием триады «Государство — Бизнес — Общество». Также в этом направлении необходимо продумать меры выхода, отмены субсидирования в будущем таким образом, чтобы реципиенты помощи продолжили работать на достигнутом уровне.

В России Правительством, Центральным банком, Министерством экономического развития была успешно внедрена программа поддержки бизнеса, которая показала значительные результаты по восстановлению экономики:

— на финансирование мер антикризисной политики выделено 3,26 трлн. руб. (3,05% от ВВП) [11];

— для 1,6 млн. организаций предоставлена отсрочка по кредитным договорам на сумму 89,6 млрд. руб.;

— 40 тысяч социально-ориентированных НКО освобождены от налоговых обязательств в первом полугодии 2020 года;

— 31,6 млрд. руб. выплачено ИП для покрытия задолженностей по зарплате за 2 месяца;

— 130 млрд. руб. выдано в рамках беспроцентного кредита предприятиям, также для выплат зарплаты сотрудникам;

— отменено около 500 тысяч проверок бизнеса аудиторскими компаниями (исключение составляют проверки, несущие угрозу жизни).

Прошедший 2020 год ознаменовался улучшением состояния экологии в части сокращения выбросов углекислых газов, что снижает вероятность изменения климата на 4%. Это вызвано в большей степени не сокращением выбросов CO₂, а остановкой работы предприятий вследствие объявляемого правительствами режима блокировки свободного перемещения граждан. Чтобы избежать резкого скачка выбросов в будущих периодах, когда будут отменены все эпидемиологические ограничения и производства будут запущены в полном объеме, необходимо сейчас провести модернизацию производств в соответствии с требованиями международных организаций [18].

Поддержкой со стороны государства могут выступать налоговые послабления для компаний, функционирующих по принципам безуглеродной экономики и занимающихся разработкой «зеленых» технологий. С момента ратификации «Парижского соглашения по климату до 2030 года» Россия ведет активную работу в этой области.

Новая экологическая проблема, вставшая перед всем мировым сообществом и спровоцированная мерами борьбы с пандемией, — это утилизация пластика. В десятки раз увеличилась утилизация упаковки товаров всевозможного назначения, использованных медицинских масок, латексных перчаток, переработка которых зачастую осуществляется сжиганием, а это в свою очередь несет выбросы CO₂ [13]. Системы утилизации вышеперечисленных товаров оказались попросту не готовы к такому авральному наплыву мусора.

Заключение. По результатам проведенного исследования выделены особо пострадавшие отрасли, обозначены векторы направления политики государств для достижения экономического роста в новых условиях, вызванных пандемией.

Предложенное дополнительное финансирование мер по борьбе с COVID-19, по математическим расчетам, не влияет на рост экономики. Возможно, при включении в расчет временного лага корреляция данных будет наблюдаться в большей степени. Тем не менее, вакцинация с позиции гуманизации жизни и сохранения масштабы рабочей силы как фактора экономического роста необходима.

Переход на дистанционный режим работы и внедрение цифровых технологий выявили профессиональную неготовность персонала, что привело к росту сокращений. Одна из главных задач правительств — оказать поддержку населению, потерявшему работу, организовать помощь в переквалификации с освоением навыков цифровой грамотности.

Для сокращения разрывов экономической активности внутри стран и между ними рекомендуется трансформация налогово-бюджетной и кредитно-денежной систем, а также условий, препятствующих трансграничной торговле. Принципиально новым выступает максимальное единообразие и одномоментность введения изменений в странах одинакового уровня экономического развития.

В части стабилизации экологической обстановки и обеспечения устойчивости изменения климата по каналам социальной рекламы необходимо повышать сознательность граждан и убеждать их внимательнее относиться к вопросу утилизации мусора. Имеющиеся перерабатывающие предприятия следует модернизировать в соответствии с возросшими потребностями.

Литература

1. Асемоглу Д. Введение в теорию современного экономического роста / Пер. с англ. В 2 книгах. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 930 с.
2. Сафрончук М. В. Экономический рост // Курс экономической теории: учебник. 5-е испр., доп. и перераб. изд. — Киров: АСА, 2004. — С. 605–644.
3. Солоу Р. М. Экономическая теория ресурсов или ресурсы экономической теории // Вехи экономической мысли. Т. 3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В. М. Гальперина. — СПб.: Экономическая школа, 2000.
4. Киселева Е. А. Экономическая теория: учебник / Е. А. Киселева, М. В. Сафрончук // Под ред. Чепурина М. Н. — М.: Деловая литература, 2011. — С. 552.
5. Шнилев Д. А. Социальные гарантии в правовых системах России и Германии. — Нижний Новгород, НИСОЦ, 2009. — С. 54.
6. Stiglitz J. New theoretical perspectives on the distribution of income and wealth among

individuals. Part 4: Land and credit [Electronic resource] // National bureau of economic research. — May 2015. — URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w21192/w21192.pdf.

7. Blanchard O., Philippon T. A New Policy Toolkit is Needed as Countries Exit COVID-19 Lockdowns. PIIIE Policy Brief 20-8 // Peterson Institute for International Economics. — Washington, DC, 2020. — P. 20.

8. Ebeke C., Jovanovic N. Corporate Liquidity and Solvency in Europe during COVID-19: The Role of Policies. — IMF Working paper, 2021. — P. 48.

9. Бюджет для граждан. К Федеральному закону о федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов. Министерство финансов Российской Федерации. — М., 2020.

10. Организация экономического сотрудничества и развития [Электронный ресурс] / Статистика. — Режим доступа: <https://stats.oecd.org/>.

11. О поддержке малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в условиях изменившейся экономической ситуации, вызванной распространением новой коронавирусной инфекции [Электронный ресурс] / Министерство экономического развития. — Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/file/9b1c66345f1044d7620f2483492fbb3b/msp_covid_19.pdf.

12. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Экология и экономика: тенденция к декарбонизации [Электронный ресурс] / Аналитический центр при Российской Федерации. — Октябрь 2020. — Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_web.pdf.

13. Международная конференция «Преобразование отходов в ресурсы 2021 г.» [Электронный ресурс] / Международная ассоциация по борьбе с твердыми отходами. — Режим доступа: http://www.waste-to-resources.eu/2021_en.html.

14. Сенатор Грем. Закон о защите американской безопасности от агрессии Кремля от 2018 года [Электронный ресурс] // 115-й конгресс. 2-я сессия. Конгресс США. — Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3336/text?r=12>.

15. COVAX. Working for global equitable access to COVID-19 vaccines [Electronic resource] // World Health Organization. — URL: <https://www.gavi.org/vaccineswork/covid-19-vaccine-race>.

16. Managing Divergent Recoveries [Electronic resource] / World economic outlook. International monetary fund. — Apr. 2021. — 208 p. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>.

17. The long view how will the global economic order change by 2050 // The world in 2050. — PwC, 2017.

18. Zero Routine Flaring by 2030 [Electronic resource] // The World Bank. — May 10, 2017. — URL: <http://www.worldbank.org/en/programs/zero-routine-flaring-by-2030>.

19. Кан Е. Н. Гуманизация экономического роста: сущность, направления, механизм регулирования: автореф. дис. ... канд. экон. наук. — Санкт-Петербург, 2018.

References

1. Asemoglu D. Vvedenie v teoriju sovremennogo jekonomicheskogo rosta / Per. s angl. V 2 knigah [Introduction to the theory of modern economic growth / Trans. from English. In 2 books]. — Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018. — 930 p.

2. Safronchuk M. V. Jekonomicheskij rost [Economic growth] // Kurs jekonomicheskoy teorii: uchebnik. 5-e ispr., dop. i pererab. izd. [Course of economic theory: textbook. 5th ispr., additional and revised ed.]. — Kirov: ASA, 2004. — Pp. 605–644.

3. Solou P. M. Jekonomicheskaja teorija resursov ili resursy jekonomicheskoy teorii [Economic theory of resources or resources of economic theory] // Vehi jekonomicheskoy mysli. Vol. 3. Rynki faktorov proizvodstva [Milestones of economic thought. Vol. 3. Markets of factors of production] / Pod obshh. red. V. M. Gal'perina [In V. M. Galperin (eds.)]. — Saint Petersburg: Jekonomicheskaja shkola, 2000.

4. Kiseleva E. A. Jekonomicheskaja teorija: uchebnik [Economic theory: textbook] / E. A. Kiseleva, M. V. Safronchuk // Pod red. Chepurina M. N. In Chepurin M. N. (eds.). — Moscow: Delovaja literatura, 2011. — P. 552.

5. Shpilev D. A. Social'nye garantii v pravovyh sistemah Rossii i Germanii [Social guar-

antees in the legal systems of Russia and Germany]. — Nizhnij Novgorod, NISOC, 2009. — P. 54.

6. *Stiglitz J.* New theoretical perspectives on the distribution of income and wealth among individuals. Part 4: Land and credit [Electronic resource] // National bureau of economic research. — May 2015. — URL: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w21192/w21192.pdf.

7. *Blanchard O., Philippon T.* A New Policy Toolkit is Needed as Countries Exit COVID-19 Lockdowns. PIIIE Policy Brief 20-8 // Peterson Institute for International Economics. — Washington, DC, 2020. — P. 20.

8. *Ebeke C., Jovanovic N.* Corporate Liquidity and Solvency in Europe during COVID-19: The Role of Policies. — IMF Working paper, 2021. — P. 48.

9. Bjudzhet dlja grazhdan. K Federal'nomu zakonu o federal'nom bjudzhet na 2021 god i na planovyy period 2022 i 2023 godov. Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii [Budget for citizens. To the Federal Law on the Federal Budget for 2021 and for the Planning period of 2022 and 2023. Ministry of Finance of the Russian Federation]. — Moscow, 2020.

10. Organizacija jekonomicheskogo sotrudnichestva i razvitija [Organization for Economic Cooperation and Development] [Elektronnyj resurs] / Statistika [Statistics]. — URL: <https://stats.oecd.org/>.

11. O podderzhke malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii v uslovijah izmenivshejsja jekonomicheskoy situacii, vyzvannoj rasprostraneniem novoj koronavirusnoj infekcii [On the support of small and medium-sized businesses in the Russian Federation in the conditions of the changed economic situation caused by the spread of a new coronavirus infection] [Elektronnyj resurs] / Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija [Ministry of Economic Development]. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/9b1c66345f1044d7620f2483492fbb3b/msp_covid_19.pdf.

12. Bjulleten' o tekushhih tendencijah rossijskoj jekonomiki. Jekologija i jekonomika: tendencija k dekarbonizacii [Bulletin on the current trends of the Russian economy. Ecology and

Economics: the trend towards decarbonization] [Elektronnyj resurs] / Analiticheskij centr pri Rossijskoj Federacii [Analytical Center under the Russian Federation]. — October 2020. — URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE/_%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%8F%D0%B1%D1%80%D1%8C_web.pdf.

13. Mezhdunarodnaja konferencija «Preobrazovanie othodov v resursy 2021 g.» [International Conference «Transformation of waste into resources in 2021»] [Elektronnyj resurs] / Mezhdunarodnaja asociacija po bor'be s tverdymi othodami [International Association for the Control of Solid Waste]. — URL: http://www.waste-to-resources.eu/2021_en.html.

14. Senator Grem. Zakon o zashhite amerikanskoj bezopasnosti ot agressii Kremlja ot 2018 goda [Senator Grem. The Law on the Protection of American Security from the Kremlin's aggression of 2018] [Elektronnyj resurs] // 115-j kongress. 2-ja sessija. Kongress SshA [115th Congress. 2nd session. US Congress]. — URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/senate-bill/3336/text?r=12>.

15. COVAX. Working for global equitable access to COVID-19 vaccines [Electronic resource] // World Health Organization. — URL: <https://www.gavi.org/vaccineswork/covid-19-vaccine-race>.

16. Managing Divergent Recoveries [Electronic resource] / World economic outlook. International monetary fund. — Apr. 2021. — 208 p. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2021/03/23/world-economic-outlook-april-2021>.

17. The long view how will the global economic order change by 2050 // The world in 2050. — PwC, 2017.

18. Zero Routine Flaring by 2030 [Electronic resource] // The World Bank. — May 10, 2017. — URL: <http://www.worldbank.org/en/programs/zero-routine-flaring-by-2030>.

19. *Kan E. N.* Gumanizacija jekonomicheskogo rosta: sushhnost', napravlenija, mehanizm regulirovanija: avtoref. dis. ... kand. jekon. nauk [Humanization of economic growth: the essence, directions, mechanism of regulation. Ph. D. (Economy) Thesis]. — Saint Petersburg, 2018.

Чубаева Наталья Николаевна — специалист по учебно-методической работе кафедры экономической политики и государственно-частного партнерства Московского государственного института международных отношений (университета) (МГИМО МИД РФ).

Chubaeva Natalia Nickolaevna — Specialist in educational and methodological work of the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76, ауд. 3034
76 Vernadskogo av., 119454, Moscow, Russia
E-mail: Nn1042781@yandex.ru

Попкова Елена Геннадьевна — доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра прикладных исследований кафедры Экономической политики и государственно-частного партнёрства МГИМО МИД РФ, президент АНО «Институт научных коммуникаций» (Москва, Волгоград, Россия). Является руководителем научно-исследовательских проектов, приглашенным редактором в авторитетных международных изданиях, автором более 300 научных публикаций, организатором и активным участником ведущих международных форумов и конференций. Имеет региональные награды в сфере науки и технологии.

Popkova Elena Gennadievna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher at the Center for Applied Research of the Department of Economic Policy and Public-Private Partnership of the MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, President of the ANO «Institute of Scientific Communications» (Moscow, Volgograd, Russia). She is the head of research projects, guest editor in reputable international publications, author of more than 300 scientific publications, organizer and active participant of leading international forums and conferences. She has received regional awards in the field of science and technology.

119454, г. Москва, пр. Вернадского, 76, ауд. 3034
76 Vernadskogo av., 119454, Moscow, Russia
E-mail: 210471@mail.ru

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА

УДК 303.022+323.2

10.17213/2075-2067-2021-4-206-213

ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ГЕНЕЗИСА И РАСПАДА

© 2021 г. Л. Л. Штофер*, О. М. Шевченко**

**Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону, Россия*

***Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Цель исследования заключается в выявлении социокультурных детерминант генезиса и распада политических мифов.

Методологической основой исследования являются конструктивистский, инструменталистский и социокультурный подходы в понимании специфики политического мифотворчества.

Результаты исследования. Политический миф представляет собой инструмент легитимации политической власти и сакрализации образа политических деятелей. Формирование в обществе того или иного политического мифа обусловлено как политическими интересами, так и культурно-цивилизационными особенностями общества. Типологически политические мифы могут быть сгруппированы по содержательному критерию, времени возникновения и продолжительности существования, степени устойчивости к внешним воздействиям, а также связи с первоосновой — архаическим мифом.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования социокультурной природы политического мифа, факторов его генезиса и распада.

Ключевые слова: политический миф; типология политических мифов; архаический миф; религиозный политический миф; советский политический миф; американский политический миф.

TYPOLOGY OF POLITICAL MYTHS: SOCIOCULTURAL DETERMINANTS OF GENESIS AND DECAY

© 2021 L. L. Shtofer*, O. M. Shevchenko**

**Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

***Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

The aim of the study is to identify the socio-cultural determinants of the genesis and disintegration of political myths. The methodological basis of the research is constructivist, instrumentalist and sociocultural approaches in understanding the specifics of political myth-making.

Research results. The political myth is a tool for legitimizing political power and sacralizing the image of politicians. The formation of a particular political myth in society is due to both

political interests and cultural and civilizational characteristics of society. Typologically, political myths can be grouped according to a substantive criterion, time of origin and duration of existence, degree of resistance to external influences, as well as connection with the fundamental principle — the archaic myth.

Research prospects. *The work opens up prospects for further research of the socio-cultural nature of the political myth.*

Key words: *political myth; typology of political myths; archaic myth; religious political myth; Soviet political myth; American political myth.*

Введение. Принято считать, что политический миф — это исключительно современное явление, характерное для общественного развития, начиная с Нового времени. Эпоха модерна, знаменующая разрушение сословного и становление массового общества, создала широкую социальную базу для циркулирования и воспроизводства политических мифов, а информационная эпоха открыла безграничные технико-технологические возможности их распространения в глобальном масштабе. Не отрицая роли Нового и Новейшего времени в создании и распространении политических мифов, хотелось бы отметить, что политические мифы возникают намного раньше, с момента становления политических институтов, и проходят через всю историю человечества.

Политические мифы имеют как социокультурные особенности, так и родовые черты, присущие мифу как таковому. Типологически они могут быть сгруппированы по содержательному критерию, времени возникновения и продолжительности существования, степени устойчивости к внешним воздействиям, а также связи с первоосновой — архаическим мифом.

Персонифицированные политические мифы. Из субстрата архаического мифа прорастает мифологизация образа правителя, воплощающего в себе политическую власть. Образ правителя интегрируется в ту часть архаического мифа, которая связана с космогонией и теогонией. Позиционирование правителя как божественной/полубожественной сущности в равной мере характерно как для Древнего Востока (египетские фараоны, китайские императоры), так и для Древнего Запада (Александр Македонский, римские

императоры). Таким образом, живой человек (правитель) в силу своего политического статуса и выполняемых функций оказывается интегрирован в мифологический Космос. Значительно более поздней версией становится мифологизация образов носителей высшей политической власти в тоталитарных системах, также не зависящая от цивилизационной принадлежности: на Западе — Гитлер, в России — Сталин, на Востоке — Мао Цзэдун.

Вместе с тем интегрирование правителя в мифологический Космос было по-настоящему органично только в тот период развития общества, когда мифологическая картина мира была единственной. Вопрос о жизни правителя и его возможности полноценно выполнять свои функции был поставлен в прямую зависимость от его физического состояния, в т.ч. неизбежного дряхления. Решение вопроса зависело от уровня развития общества: в архаических — при первых признаках старения правителя уничтожали физически и заменяли новым; в древних государствах физическое уничтожение заменяли ритуальными действиями, долженствующими продемонстрировать восстановление его физических сил; в более поздний период ставка начала делаться на научные методы, связанные с развитием медицины.

Подобные действия были обусловлены глубоко архаичными мифологическими представлениями о единстве социального и природного миров, неизбежности разрушения порядка мироздания в связи со старением и гибелью правителя и опасности, которая грозила в этом случае социальной группе. Отсюда и возможность безболезненной для сознания общности замены одной функциональной единицы другой.

В более поздний период времени в случае смерти мифологизированного политического деятеля (в отсутствии легитимного преемника) разрушение мифологического Космоса оказывалось неизбежным, поскольку его центром выступала конкретная личность.

Если на начальном этапе правитель вписывался в уже существующий миропорядок, занимал в нем определенное место в силу выполняемых функций (при этом личностная составляющая отсутствовала), то впоследствии мифологический Космос начинал выстраиваться вокруг личности персонифицированного носителя власти, подвергшейся мифологизации. Как показало время, более опасной в плане социальных последствий оказалась вторая версия [3].

Чаще всего политический миф разрушался под воздействием реальных событий, связанных с социально-политической жизнью, однако его устойчивость во многом определялась не столько событийным рядом, сколько культурно-цивилизационными особенностями общности, прежде всего её ментальностью, включая роль рационального начала, а также особенностями сложившейся политической культуры.

Миф о Наполеоне как непобедимом полководце, несущем миру завоевания Великой французской революции, разрушила неудачная военная кампания в России, а окончательно довершила попытка взять реванш, закончившаяся для императора пожизненной ссылкой.

Миф о Гитлере как вожде нации разрушило поражение Германии во Второй мировой войне, повлекшее раздел государства и страдания немецкого народа, связанные с материальными (экономическая разруха) и духовными (национальное унижение) факторами.

Миф о Сталине как об отце народов пошатнулся в результате внутривластной борьбы, доклада Н. С. Хрущева на XX съезде партии, а также обнародования архивных документов о злодеяниях власти против собственного народа. Расколов общество, он сохранил свое влияние на периферии общественного сознания. Причина — устойчивость «отеческой» составляющей в российских политических мифах, связанных с персонифицированными носителями верховной власти [7].

Миф о Мао Цзэдуне как о великом кормчём устоял. Объективно реформы Ден Сяопина, радикально изменившие вектор экономического развития страны, должны были разрушить миф о Мао, дискредитировать его личность и деяния. Однако этого не произошло, и образ Мао занял свое место в пантеоне великих государственных мужей Китая. В мифе оказались неразрывно связаны образы Мао Цзэдуна и этапа в развитии Китайского государства, сопряженного с борьбой за независимость, преодолением средневекового наследия и демократическими преобразованиями.

Наряду с конформизмом, присущим восточной ментальности, жизнеспособность восточных политических мифов, связанных с мифологизацией образа политического деятеля, также поддерживается иерархическим типом отношений в обществе (выраженная половозрастная дифференциация и статусные отличия), жесткой социальной дисциплиной и авторитарным характером власти, подтверждением чего служат современные мифы о «любимых руководителях» в КНР.

Политические мифы о цивилизационном превосходстве. Политические мифы о цивилизующей миссии передовых государств в отношении отсталых стран и народов складываются в эпоху становления государственных образований и появления цивилизационных отличий.

Впервые идея о политико-культурном превосходстве была артикулирована греками, заложившими основу данного политического мифа: греки позиционировали себя как народ, превосходящий все остальные народы, объявляя последних варварами. Мифичность этого утверждения очевидна, поскольку эллинская культура заимствовала (творчески переработав) достижения более древних восточных культур.

Политический миф, созданный Александром Македонским, об интеграции греко-македонского мира, прежде всего его культуры, и классического востока (от Персии до Индии) по умолчанию предполагал расширение границ свободного мира и влияния его культуры посредством военных действий. В результате создавались государственные образования, в которых Восток эллинизировался.

Миф, созданный Александром, по сравнению с мифом архаическим, демонстрировал содержательную «пластичность», включал элемент политической целесообразности: когда этого потребовали обстоятельства (для повышения авторитета греко-македонской власти на завоеванных территориях), Александр объявил себя живым богом, что было неприемлемо для греческой ментальности, но отвечало восточной.

Последующими политическими мифами, развивающимися в парадигме мифа Александра, стали мифы о цивилизующей миссии, носящие патерналистский характер. Все они оказались связаны с образованием империй в результате военных завоеваний. Квинтэссенцией стала идея о бесспорном превосходстве имперского «ядра» над подконтрольными территориями: в Римской империи — провинциями, в империи Наполеона — государствами, находящимися под протекторатом Франции, в Британской империи — колониями, в Российской империи — губерниями, представляющими национальные окраины.

В отличие от империи Александра Македонского, которая быстро распалась после его смерти, более поздние имперские образования оказались прочнее, поскольку во главу угла ставили свою политическую систему и формирующуюся на ее основе политическую культуру. Они продолжили развивать идеи Александра о возможности соединения принципиально разных культур, языков, религиозных верований, а следовательно, типов ментальности в рамках одного государства, но при безусловном доминировании политико-культурных особенностей имперского «ядра».

Миф о превосходстве «метрополии» над подконтрольными территориями оказался разрушен в результате освободительных движений, борьбы народов против имперской системы за национально-государственный суверенитет. Однако в общественном сознании имперского «центра» долго циркулировал миф о «бремени белого человека» или «особой миссии» того или иного этноса.

Религиозный политический миф. В эпоху средневековья политический миф приобретает новые черты, связанные с усилением роли религии как политического ин-

струмента в жизни общества. На Западе это политический миф о Вселенской христианской церкви как основе духовно-политического единства Европы, на Востоке — политический миф об Исламском халифате.

Формированию религиозного политического мифа на Западе способствовала исключительность положения католической церкви в условиях распада римской имперской политической системы, откровенной слабости светской политической власти и низкого культурного уровня светских властителей. Данный политический миф выстраивался вокруг официального статуса римского понтифика как наместника Бога на Земле и поддельного Константинова дара. Политический миф легитимировал надгосударственную власть высших духовных иерархов, их право определять вектор европейского политического процесса, коронуя и низвергая светских правителей [6].

Угасание на Западе религиозного политического мифа связано с постепенным усилением светской политической власти в конце Средневековья и в эпоху Возрождения. Окончательно подорвало основы данного мифа реформационное движение, которое привело, во-первых, к резкому ограничению территориального влияния католической церкви, во-вторых, к созданию национальных церквей, позволивших сосредоточить всю полноту и светской, и духовной власти в руках европейских монархов. Сам институт церкви значительно ослабел и не мог играть прежнюю политическую роль, подтверждением чего стало изменение вектора политической жизни.

Самым значительным событием в средневековую эпоху стали Крестовые походы на Восток против неверных, инициируемые католической церковью. Вектор политической жизни был направлен преимущественно вовне, западный мир позиционировал себя как христианскую цивилизацию, обладающую духовно-политическим единством, а основная идея заключалась в распространении влияния и могущества католической церкви за пределы Европы.

С ослаблением роли религиозного фактора в политическом мифе вектор политической жизни изменился с преимущественно внешнего на внутренний. Национально-госу-

дарственные образования начали преследовать собственные интересы, результатом чего стали межгосударственные военные конфликты, прежде всего Тридцатилетняя война. На этом фоне церковь начинает заниматься более адекватной для нее деятельностью (пасторской, миссионерской), которая становится частью государственной политики.

Уникальные черты религиозный политический миф приобретает на арабо-мусульманском Востоке. Его основой становится идея создания Исламского халифата — теократического политического образования, способного к неограниченному расширению. У истоков создания мифа стоит пророк Мухаммед и его религиозно-политическая деятельность.

Идея, заложенная в мифе, не была реализована, во-первых, по причине дезинтеграции в самом Исламе (сунниты и шииты), во-вторых, в связи с появлением крупных политических имперских образований, прежде всего Османской империи, в которой приоритетной была светская политическая власть. Несмотря на принадлежность в духовном отношении к исламской цивилизации, сам характер имперского образования предполагал не только полиэтничность, но и поликонфессиональность. Последнее требовало определенного уровня религиозной толерантности, невозможной в теократии.

В отличие от Запада, где угасание религиозного чувства, секуляризационные тенденции, начиная с Нового времени, носили последовательный характер, превратив религию в формальное явление, арабо-мусульманский Восток демонстрировал консервативную приверженность исламу, связанную с мировоззрением и образом жизни. Ситуацию изменила исламская революция в Иране, показавшая роль религии как политического фактора, её мобилизационный потенциал. Перманентная война в Афганистане, палестинско-израильский конфликт, война в Югославии, Чеченская война, Иракский конфликт и др. события, затрагивающие ислам в качестве культурно-цивилизационного идентификатора одной из противостоящих сторон, придали политическому мифу об Исламском халифате новый импульс.

Общественно-политическая ситуация последних десятилетий способствовала воз-

никновению радикальных повстанческих движений (Талибан), одиозной деятельности Усамы бен Ладена, поддерживавшего фундаменталистские идеи и финансировавшего международный терроризм, а в последнее время — активизации запрещенной в РФ экстремистской группировки ИГИЛ.

Политический миф об Исламском халифате имеет ограниченную социальную базу, связанную с конфессиональной принадлежностью носителей и степенью радикальности её приверженцев, но при этом обладает жизнеспособностью, противостоя западному либерально-демократическому политическому мифу.

Светские политические мифы. Наиболее поздним по времени возникновения стал политический миф о государстве как устроителе всеобщего мирового порядка. По мнению американского исследователя Д. Гранта, современное государство является «мифологическим объектом, который создан и поддерживается для удовлетворения наших самых глубоких инстинктов, страха и желания благоприятных условий существования. Оно не продукт ума как такового, а следствие ума, обслуживающего миф» [8, с. 3]. Классическими примерами эффективного мифотворчества являются советский и американский политические мифы.

В основе советского политического мифа лежала мессианская идея, представляющая атеистическую коммунистическую версию христианского мифа о Рае с акцентуацией возможности его построения в обозримом будущем на Земле, мечтой о раскрепощенном творческом труде и реальном равенстве [5].

В мифе СССР позиционировался как самое передовое государство в мире, которое задает вектор развития всего прогрессивного человечества. За время своего существования данный политический миф столкнулся с социально-политическими реалиями в форме ожесточенной классовой борьбы в годы гражданской войны, протестными выступлениями в странах соцлагеря, диссидентским движением внутри страны, и, наконец, с распадом Советского союза [1]. Постепенное ослабление веры в коммунистический миф актуализировало конструирование политических мифов, имевших национальную по-

доплеку. Стремление подконтрольных центру национальных политических элит обрести государственную самостоятельность привело к созданию и быстрому распространению в общественном сознании этно-национальных политических мифов.

Политические мифы об угнетении культурной и языковой самобытности общности титульным этносом способствовали ослаблению центральной власти в не меньшей степени, чем неэффективность советской планово-директивной экономики.

Советский политический миф, ядром которого была надгосударственная, наднациональная, атеистическая, имевшая классовую природу идеология, объективно прекратил свое существование. Современная Россия культивирует (с определенными поправками) российский имперский миф, распространение которого ограничено территорией государства.

Американский политический миф вырастает из идеи Нового времени о государстве как «ночном стороже», которая трансформируется в политический миф об Америке как «международном полицейском» [4]. Так идея поддержания законности на территории определенного государства превращается в идею отстаивания либерально-демократических прав и свобод как таковых.

В рамках мифа Америка позиционируется как оплот демократии, гражданских прав и свобод, готовая поддерживать эти идеи в любом уголке Земного шара, где они начинают возникать, либо там, где либерально-демократическим устоям, по мнению США, что-либо угрожает [2].

Распространение данного мифа обусловлено изменением статуса США после Второй мировой войны, крушением колониальной системы и возникновением двупольного мира. Значимую роль играет политико-экономическая мощь самого государства, а также его привлекательный имидж, формируемый глобальными СМИ и массовой культурой.

В настоящее время можно наблюдать практически беспрепятственное распространение данного мифа в глобальном масштабе. На поле современной политической мифологии американскому политическому мифу противостоят традиционалистские, а следовательно, ограниченные в содержа-

тельном отношении политические мифы — осовремененный российский имперский политический миф, политический миф об Исламском халифате, Китайский политический миф, построенный на симбиозе исторически сложившейся национальной политической культуры и экономических инноваций. Сила Американского либерально-демократического политического мифа состоит в его надэтничности и надконфессиональности, что в условиях глобализации экономики и информационной сферы делает его максимально универсальным, привлекая новых адептов.

Заключение. Основой типологии политического мифа выступает его содержательная часть, историческое время возникновения, апелляция его к определенным символическим образам или сюжетам, посредством которых осуществляется сакрализация образа политического деятеля и легитимация определенного политического порядка. Знаково-символические формы, посредством которых конструируется политический миф, детерминированы социокультурным контекстом, задающим мировоззренческие принципы в конструировании политической реальности. Таким образом, формирование в обществе того или иного политического мифа обусловлено как политическими интересами, так и культурно-цивилизационными особенностями общества, его культурными архетипами и историческими символами.

Литература

1. Белов С.И. Советский политический миф: причины гибели, содержательное и символическое наследие // Государственное управление. Электронный вестник. — 2017. — №65. — С. 45–56.
2. Гарбузов В.Н. Свет и тени американской исключительности // США и Канада: Экономика, политика, культура. — 2020. — Т. 50. — №11. — С. 5–21.
3. Кольев А. Миф масс и магия вождей. — М.: Национальный институт развития, 2000. — 432 с.
4. Красильникова Н.А., Кырчикова Д.А. Роль мифа в формировании американского национального сознания // Лингвокультурология. — 2013. — №7. — С. 97–103.

5. Павлов Д. Н. Мифологизация как инструмент политической пропаганды // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. — 2015. — №1. — С. 106–118.

6. Рязанова С. В. Роль религии в формировании политического мифа // Ценности и смыслы. — 2013. — №2 (24). — С. 14–22.

7. Стрельник О. Н. Мифологические корни политической идеологии // Вестник РУДН. Сер. Философия. — 2014. — №4. — С. 18–29.

8. Grant D. The mythological state and its empire. — New York: Routledge, 2009. — 293 p.

References

1. Belov S. I. Sovetskij politicheskij mif: prichiny gibeli, sodержatel'noe i simbolicheskoe nasledie [The Soviet political myth: the causes of death, meaningful and symbolic heritage] // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik [State Administration. Electronic bulletin]. — 2017. — №65. — Pp. 45–56.

2. Garbuzov V. N. Svet i teni amerikanskoy isključitel'nosti [The light and shadows of American exclusivity] // SShA i Kanada: Jekonomika, politika, kul'tura [USA and Canada: Economics, Politics, culture]. — 2020. — Vol. 50. — №11. — Pp. 5–21.

3. Kol'ev A. Mif mass i magija vozhděj [The myth of the masses and the magic of the leaders]. — Moscow: Nacional'nyj institut razvitija, 2000. — 432 p.

4. Krasil'nikova N. A., Kyrchikova D. A. Rol' mifa v formirovanii amerikanskogo nacional'nogo soznaniya [The role of myth in the formation of American national consciousness] // Lingvokul'turologija [Linguoculturology]. — 2013. — №7. — Pp. 97–103.

5. Pavlov D. N. Mifologizacija kak instrument politicheskoy propagandy [Mythologization as a tool of political propaganda] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 12. Politicheskie nauki [Bulletin of the Moscow University. Ser. 12. Political Sciences]. — 2015. — №1. — Pp. 106–118.

6. Rjazanova S. V. Rol' religii v formirovanii politicheskogo mifa [The role of religion in the formation of a political myth] // Cennosti i smysly [Values and meanings]. — 2013. — №2 (24). — Pp. 14–22.

7. Strel'nik O. N. Mifologicheskie korni politicheskoy ideologii [Mythological roots of political ideology] // Vestnik RUDN. Ser. Filosofija. — 2014. — №4. — Pp. 18–29.

8. Grant D. The mythological state and its empire. — New York: Routledge, 2009. — 293 p.

Поступила в редакцию

18 июня 2021 г.

Штофер Людмила Львовна — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). Специалист в области исследования геополитических процессов, военной, экономической и информационной безопасности, духовного отчуждения, экологической культуры. Стаж научной работы — 23 года.

Shtofer Lyudmila Lvovna — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Culturology, Rostov State Economic University (RINH). Specialist in the field of research of geopolitical processes, military and information security, spiritual alienation, ecological culture. Scientific work experience is 23 years.

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69
69 Bolshaya Sadovaya st., 344002, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: Filosofiya327@yandex.ru

Шевченко Ольга Михайловна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности Института социологии и регионоведения Южного федерального университета. Специалист в области исследования этнополитических процессов, межэтнических отношений, национальной и духовной безопасности общества, культуры гражданственности. Стаж научной работы — 25 лет.

Shevchenko Olga Mikhaylovna — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University. A specialist in the field of research on ethnopolitical processes, interethnic relations, national and spiritual security of society, civil practices. Scientific work experience is 25 years.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
E-mail: olgashv2007@yandex.ru

Свободная цена

Возрастная категория 14+

Фотоматериалы из открытых источников